

ВАННИ КИТАН™

КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ

·Северо-Запад®

МОРЕ ЗАПАДА

ВАНХЕЙМ
АСТА
КИММЕРИЯ

ПАХИОЛА
ХАГОГА
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРА

ПОГРАНИЧНОЕ
КОРОЛЕВО

БРИТУНИЯ
СТЕПИ

ПУСТОШИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ГОТЫ
ТАУРАН

ГАНДЕРЛАНД

Велитрум
Талпаран
Танасул

АКВИЛОНИЯ

Тарантия
Шамар

ПУАНТЕН

АРГОС

Бельверус

Ианта

ОФИР

Хоршаминш

ШЕМ

Кеми
Луксур

СТИГИЯ

Сухмет

КУШИ ДАРФ

ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

Ксугал

Р. Зархеба

НЕМЕИЯ

Коринфия

ЗАМОРА

Шадизар

Аренджун

ХАУРАН

ПУСТЫНИ

ХОРАЯ

Замбула

Самарра

Птейон

Кутхемес

Алкменион

Кашла

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

Ксухотл

ХАЙБОРИЙСКИЙ МИР
ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ

ИРАНИСТАН

МОРЕ ВИЛАЙЕТ

КХИТАЙ

Остров Железных Идилов

Остров Ксапур

Агит

Аграпур

горы Илбарс

Шангара

Хаарезм

ВЕНДИЯ

Р. Заторожка

Гиркания

Остров Синтаха

Остров Ксапур

Остров Железных Идилов

Остров Ксапур

Остров Железных Идилов

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Свершилось! Издательство «Северо-Запад» сдержало обещание, данное читателям, и выпустило в свет 50 томов Саги о приключениях бессмертного героя **КОНАНА-КИММЕРИЙЦА!**

Но еще когда юбилейный 50-й том готовился к публикации, перед нами встал вопрос, который неоднократно задавали нам и вы в своих многочисленных письмах: А что же дальше?! Ведь на Западе продолжают выходить книги о великом варваре, и поток их по-прежнему не иссякает. Более того, существенно расширилась география «конанианов»: новые, очень интересные авторы появились в Норвегии и Германии, в Италии и Дании, в Новой Зеландии и Австралии. И не только знаменитый киммериец оказался охвачен их вниманием. Все больше выходит романов, посвященных двум другим прославленным героям Хайбории — **КОРОЛЮ КУЛЛУ**, жившему задолго до Конана, и бесстрашной гирканке по прозвищу **РЫЖАЯ СОНЯ**, родившейся спустя 500 лет после царствования северного варвара. Эти два сериала также начали выходить в нашем издательстве с 1998 года.

Но вернемся к Конану. Теперь стало очевидно, что пятьюдесятью томами невозможно исчерпать эту тему. А как же быть тогда с нашим обещанием показать жизнь знаменитого киммерийца «от колыбели до могилы»?!

И потому издательство «Северо-Запад», идя навстречу пожеланиям армии своих читателей, поклонников Конана, приняло решение расширить сериал до 100 томов!

Сюда войдут произведения как из числа опубликованных ранее другими издательствами, так и те, что никогда прежде не переводились на русский язык. И даже ряд новых романов, которые лишь планируются к выходу на Западе, но на которые наше издательство уже подписало контракты с американскими, канадскими, английскими и французскими авторами.

Надеемся, знакомство с новыми романами станет для вас источником удовольствия на долгое время вперед.

КОНАН-ВАРВАР ОСТАЕТСЯ С ВАМИ!

Коллектив редакции

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К64 Конан и клеймо Змея: Роман и повесть.—
СПб.: Северо-Запад, 1999. — 448 с.
ISBN 5-87365-061-6.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-87365-061-6

© Ken Kelly, обложка, 1991
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая

Мемный лес, нависший над узенькой речушкой, казалось, явился из ночного кошмара. Толстые стволы, не менее трех обхватов каждый, густо поросли грязно-серыми лохматыми лишайниками. Высокие кусты с колючими ветвями стояли такой плотной стеной, что, укройся за ними хоть целая армия, даже самые зоркие глаза не увидели бы ее. Но самой пугающей была гробовая тишина, которая зависла над этим лесом. Лишь изредка дул порывистый ветер, и тогда тяжелые ветви начинали медленно шевелиться, словно руки великана, пробуждавшегося от долгого сна.

Стройный, даже изящный, юноша осторожно скользил в густой траве, затравленно озираясь по сторонам и судорожно сжимая побелевшими от напряжения пальцами рукоять тонкого зингарского меча. В его бархатно-карих глазах застыл ужас, а тонкие губы были искусаны до крови, но он упорно шел вперед, хотя видно было, что каж-

дый шаг дается ему с трудом. Неумело замотанные раны на плече и бедре красноречиво свидетельствовали, что кошмарный лес обитает и населяют его отнюдь не безобидные существа.

Неожиданно юноша вздрогнул и замер с поднятой ногой, не решаясь сделать следующий шаг. Самые дурные предчувствия не обманули его. Высокая трава зашевелилась, и оттуда показалась плоская голова рептилии, на блекло-желтой морде которой горел один-единственный темно-красный глаз. Тварь пристально взглянула на юношу и плотоядно облизнулась, но броситься на жертву не успела.

С быстротой молнии юноша шагнул вперед, тонкий клинок, едва слышно свистнув в неподвижном воздухе, опустился на бородавчатую шею, и, разбрызгивая во все стороны зеленую кровь, голова рептилии упала в траву. Красный глаз, полыхнув демоническим пламенем, потух, словно кто-то задул последний уголек в костре.

Юноша победно вскинул руки над головой и, набрав полную грудь воздуха, пронзительно закричал:

— Я еще жив! Слышишь, Гекмон, я жив!

И тут же, словно в ответ на его вопль, послышался жуткий треск. Колючие кусты, стоявшие вдоль реки, зашевелились, и, раздвигая переплетенные ветви, навстречу юноше вышло такое чудовище, что несчастный выронил оружие. Как зачарованный смотрел он на своего нового врага, понимая, что из этой схватки не сможет выйти победителем.

Монстр был на две головы выше самого рослого мужчины, каких когда-либо приходилось видеть юноше. Массивное, почти квадратное туловище покоилось на двух коротких ногах с огромными ступнями и имело три пары рук: две располагались по бокам, одна под другой, а третья росла прямо из груди, покрытой короткой темно-рыжей шерстью. Маленькая голова, напоминавшая кабанью, была вытянута вперед. В больших желтых глазах светилась злоба. Ослепительно белые клыки, загибавшиеся круто вверх, едва не касались широких ноздрей, которые, нервно подергиваясь, жадно ловили доносившийся до них запах человека.

Постояв несколько мгновений на месте, чудовище тяжело повернулось и, казалось, только сейчас заметило юношу. Янтарные глаза вспыхнули радостью, а тонкие губы растянулись в хищной улыбке, обнажив два ряда широких плоских зубов. Бледно-розовый язык вывалился из пасти, и по нему тонкой струйкой потекла густая слюна. Судорожно глотнув, чудовище потянулось к окаменевшей от ужаса жертве и, схватив ее одной из боковых рук, легко оторвало от земли. Повертев юношу перед глазами, словно обдумывая, что с ним делать, тварь издала утробный рык и с хрустом раскусила череп несчастного...

* * *

— Недурно, недурно!..

Моложавый мужчина лет сорока — сорока пяти с наслаждением потянулся и, нагнувшись к изящ-

ному столику на резных ножках, аккуратно закрыл крышку стоявшей на нем игры, предварительно убрав с игрового поля кубики и фигурки из пожелтевшей от времени слоновой кости. Затем он встал и, неслышно ступая по мягкому пушистому ковру, подошел к огромному зеркалу в простой оправе из черного дерева. На мгновение замерев перед своим отражением, мужчина задумался, потом несколько раз повернулся то правым, то левым боком, словно жеманная красавица, затем провел холеной рукой по черным как вороново крыло волосам без малейшего намека на седину и одарил себя ослепительной улыбкой.

— Чудесно выглядишь, Гекмон,— похвалил он самого себя.— Морщин на лбу как не бывало. Право, для трехсот лет совсем неплохо. Жаль только, что желающих сыграть в джидак становится все меньше. Найти бы настоящего игрока...— Он глубоко вздохнул.— Это, конечно, опасно, но и выигрыш может превзойти все ожидания.

Гекмон снова довольно улыбнулся и взглянул вверх. Под самым потолком, занимая его почти целиком, висело изображение антилийского бога Ксотли, великого демона Древней Ночи. Сотканное из паутины крошечных паучков-хосни, оно представляло собой плотное черное облако. От него во все стороны отходили длинные гибкие щупальца, которыми Владыка Страха обнимал свои жертвы, чтобы высосать из них души. В середине зловещей громады сиял единственный глаз, сделанный из крупного рубина редчайшего темно-малинового цвета.

Гекмон не был жрецом древнего божества и никогда не служил ему. Его связывали с Ксотли гораздо более прочные узы. Когда-то давно жрецы мрачного бога призывали из пучин Хаоса Красные Тени, чтобы порождения мрака, летая по всему миру, собирали души для своего владыки. Тени вызывали у людей такой ужас, что несчастные прятались или предпочитали умереть, чтобы не попасться в лапы демонов. Серые Равнины казались им чуть ли не чертогами Митры по сравнению с ненасытной утробой Ксотли.

Но антилийскому божеству требовались живые души, и потому жрецы, испросив у Ксотли помощи, наделили Красные Тени способностью принимать человеческий облик и тем самым дали им возможность завлекать жертвы в ловушку. С тех пор Алтарь Вечной Ночи никогда не пустовал.

И вот чуть более трехсот лет назад одна из Теней, блуждая по Аквилонии в облике худощавого смуглого юноши с добрыми слегка раскосыми глазами, повстречала девушку необычайной красоты. То ли Тень пробыла в образе человека слишком долго, то ли на самом деле красота обладает почти божественной силой, но юноша понял, что не может лишить эту девушку души. Он похитил ее и привез в Антилию. Однако, стоило ему ступить на землю, где властвовал Ксотли, человеческая оболочка растаяла и к Тени вернулось ее истинное обличье. Девушку же жрецы привезли в Птуакан и привязали к Алтарю Вечной Ночи.

Обычно жертвам вырывали сердца, но ни у одного из жрецов на сей раз не поднялась рука

на удивительную красавицу. Полными ужаса глазами смотрела она, как на Алтарь опускается огромное черное облако, и молила Митру даровать ей смерть. Однако Солнцеликий не внял ее молитвам. К своему величайшему изумлению, красавица почувствовала, как страх покидает ее, а ему на смену приходит величайшее наслаждение. Затем в ее мозгу прозвучал холодный голос:

«Я дарую тебе жизнь. Тебе, избранной, суждено выносить в своем чреве и произвести на свет моего сына».

Мгла рассеялась, и девушка увидела, как к Алтарю, то и дело отвешивая поклоны до самой земли, спешат жрецы. С этого дня ее жизнь резко изменилась. С ней обращались как с богиней, а ее сын, которого нарекли Гекмоном, едва раздался его первый крик, был провозглашен повелителем Антилии. Однако Ксотли, явившись во сне и своей возлюбленной, и жрецам, повелел:

— Я не хочу, чтобы мой сын служил мне и тем самым уравнился с простыми смертными. Он и его мать должны покинуть Антилию. Когда придет время, я призову его.

Мальчик быстро рос, и вскоре его мать заметила удивительную особенность ребенка: он взбдиривался и наливался силой, когда кто-то, находясь рядом с ним, искренне горевал или радовался, пугался или изумлялся и вообще испытывал какие бы то ни было сильные чувства. Казалось, мальчик подпитывается человеческими эмоциями, а те, чьи чувства он поглощал, наоборот, слабели на глазах. Ей бы встревожиться и обратиться

ся к кому-нибудь за помощью, но она предпочла покинуть родной город.

Поселившись с сыном в Танасуле, она убедилась, что Ксотли одарил Гекмона этой способностью не напрасно: достигнув зрелого возраста, ее отпрыск перестал стареть. И лишь дни, проведенные в одиночестве, приносили ему морщины и недуги.

Шли годы. Мать с сыном часто переезжали с места на место, опасаясь, что тайна их будет раскрыта, пока наконец не поселились на северо-западе Аквилонии, в Тауране. Крупное наследство, полученное матерью Гекмона от давно умерших родителей, почти целиком ушло на постройку небольшого, но надежно защищенного замка в глухих лесах, куда почти не заглядывали местные жители.

Бесконечные переезды и постоянная тревога за сына отняли у некогда прекрасной женщины последние силы, и вскоре она отправилась на встречу со своими предками. Слуги, которых удалось нанять в разное время и в разных местах, ненадолго пережили ее, ибо Гекмон высосал из них все силы. Оставшись в одиночестве, он запаниковал и однажды, взглянув на себя в зеркало, ужаснулся: глубокие морщины избороздили его холерное лицо, а в роскошных шелковистых волосах обильно проступила седина. Тогда Гекмон, сжав кулаки, воскликнул в отчаянии:

— О, великий отец мой, всемогущий Ксотли! Для чего ты позволил мне появиться на свет? Или ты забыл о своем сыне?!

Не ожидая ответа, он закрыл лицо руками, а когда бессильно опустил их, перед ним стоял незнакомец. Это был мужчина среднего роста, худощавый, со слегка раскосыми темными глазами. Под мышкой он держал большую деревянную ларец.

— Кто ты? — в ужасе отпрянул от него Гекмон. — И как ты попал сюда?

— Меня послал твой отец, — спокойно ответил незнакомец. — Напрасно ты думаешь, что великий демон Древней Ночи не заботится о своих детях. Все вы — часть его, и рано или поздно, но вернетесь в его объятия, сольетесь с ним, станете частью его плоти и души. Но твой черед еще не пришел. Поэтому он велел нам, его слугам, оберегать тебя и послал тебе подарок.

С этими словами он протянул Гекмону шкапулку. Тот осторожно взял в руки неожиданный подарок и, не открывая его, спросил:

— Что это?

— Джидак, — пояснил незнакомец. — Древняя игра.

— Зачем мне игра? — изумился Гекмон.

— Это не простая игра, — улыбнулся незнакомец. — Твоим противником может стать только воин. В зависимости от того, как лягут кости, ему выпадет то или иное приключение, а ты, наблюдая за ним со стороны, получишь все чувства, которые он будет испытывать. И чем сильнее они окажутся, тем больше сил сможешь ты впитать.

— А когда игра закончится, что будет?

— Эта игра вряд ли когда-нибудь закончится. У Ксотли было пять сыновей, ты шестой. И каж-

дому он дарил джидак. Если сын проигрывал, он переставал существовать сам по себе и становился частью своего великого отца, принося ему свежие силы. Но демон Вечной Ночи существует уже много тысячелетий, так что можешь представить, как часто его детям попадался достойный противник. И это было в те времена, когда земля часто рождала великих воинов. Теперь же люди измельчали, изнежились. Я не думаю, что тебе скоро суждена встреча с отцом.

— Хорошо, — обрадовался Гекмон. — Но только где я буду искать игроков?

— Это уже не твоя забота, — успокоил его незнакомец.

И Красные Тени, посланцы Ксотли, стали прислуживать Гекмону. Чтобы помочь ему поддерживать силы, они доставляли в замок своего нового господина девушек со всего света, и Гекмон с наслаждением, медленно, растягивая каждый миг, поглощал их страх, боль и отчаяние. Вслед за пленницами стали появляться и воины, которым Тени подсказывали, где искать несчастных. Всем прибывавшим в его замок Гекмон ставил одно и то же условие, предлагая сыграть партию в джидак и обещая вернуть прелестницу в случае выигрыша. Ни один из смельчаков не отказался от игры, и ни один не покинул замок, ибо все они погибали, не выдержав испытаний, которые выпали на их долю.

Вот и сейчас очередной самонадеянный юнец сложил голову, пытаясь вернуть домой свою сестру, попавшую в страшный замок совсем недавно. Вспомнив о новой пленнице, Гекмон плотоядно

улыбнулся. Прекрасная зингарка понравилась ему с первого взгляда. Он даже похвалил ту Тень, которая притащила девушку, что делал крайне редко. Юная красавица была гордой, своенравной, отчаянно смелой. Она так сильно возненавидела Гекмона, что он едва ли не полюбил ее за это, ибо в волнах ее ненависти молодец буквально на глазах.

«Сегодня я сыт,— умиротворенно подумал вампир,— а завтра, моя чудесная Сонатра, обязательно навещу тебя. Ах, какое это наслаждение — смотреть в эти черные глаза, в которых бушует неугасимое пламя!»

Гекмон быстрым шагом бодрого и полного сил человека направился в комнату, где обычно беседовал с Тенями, которые преданно служили ему уже много лет. Поудобнее устроившись в широком кресле на низких изогнутых ножках, он взял двумя холеными пальцами маленький колокольчик, сплетенный из тончайших золотых нитей, и позвонил. Мгновенно, словно возникнув из воздуха, перед хозяином появилась Тень. Собственно, порождения Хаоса могли принимать любой облик, создавать любые формы, но Гекмон предпочитал, чтобы его слуги походили на существа реального мира, и сердился, если Тени не исполняли его прихоти. Однако он не настаивал на том, чтобы они придерживались одной и той же личины, и то, с какой ловкостью слуги менялись прямо у него на глазах, порой даже забавляло вампира, особенно если он пребывал в хорошем настроении.

Сейчас перед Гекмоном сидел роскошный лохматый пес огромных размеров (чуть более двух

локтей в холке), покрытый ослепительно красной шерстью. Его большие глаза цвета догорающих углей с обожанием взирали на господина, а пушистый хвост радостно подрагивал, готовый в любой миг весело завилаться, как это обычно делали сторожевые собаки, свободно бегавшие по внутреннему двору замка, когда хотели поприветствовать хозяина.

Отпрыск Ксотли пристально посмотрел на роскошное животное, хотел было сказать, что собаки таких мастей существуют разве что в горячечном бреду, но почему-то передумал, а лишь улыбнулся и спросил:

— Кто из вас доставил сюда эту великолепную зингарку?

— Я, мой господин,— не то проговорил, не то пролаял пес.— Ты даже похвалил меня за это.

— Если в следующий раз тебе вздумается изобразить осла, я тем более не узнаю тебя.

Ярко-красная собака тяжело вздохнула, словно самый настоящий человек, поднялась на задние лапы, резко встряхнулась, как будто только что вышла из воды, и через мгновение перед Гекмоном уже стоял юноша приятной наружности со слегка раскосыми глазами и коротко подстриженными волосами цвета старой ржавчины.

— Как тебе будет угодно, господин,— слегка наклонив голову, сказал юноша приятным бархатым голосом.

— Мне было и будет угодно,— строго ответил Гекмон,— чтобы все вы представляли передо мной в человеческом обличье, чтобы я знал, с кем го-

ворю. А потом меняйтесь сколько угодно. Но сначала... Не зря же я дал вам имена. Еще не забыл? Ты — Арк.

— Я Арк,— послушно повторила Тень и, тряхнув головой, обернулась огненно-рыжим котом, который тут же потерялся о ноги хозяина.

Вампир расхохотался и потрепал красивого зверька изящной рукой по пушистой голове.

— Тебе повезло,— все еще улыбаясь, сказал он.— У меня сегодня отличное настроение. Ты угодил мне, Арк. Сонатра — великолепна. Ты помнишь, я велел узнать, кто она такая?

— Конечно, помню,— ответил Арк, обвиваясь вокруг сапог Гекмона золотистой змейкой.— Твое приказание исполнено. Сонатра — дочь советника короля Зингары. Единственная дочь. У него еще было два сына, но один умер еще в младенчестве, а второго ты любезно пригласил сыграть в джидак. Так что, кроме Сонатры, у него больше никого нет.

— Значит, должны отыскаться еще желающие спасти прелестницу? — оживился Гекмон.— Ее папаша, наверное, уже поднял на ноги полстраны?

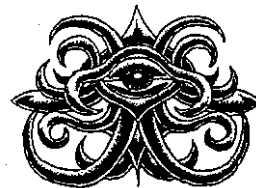
— Нисколько не сомневаюсь, господин,— закивал Арк, снова принявший человеческий облик.

— Тогда почему ты все еще здесь? — притворно изумился Гекмон.— Ты должен быть в Зингаре. Направляй смельчаков по одному. Я не прихотлив. Мне не нужны сразу все.

— Будет исполнено,— донеслось откуда-то из под потолка, и веселая красная птичка выпорхнула из комнаты.

Глава вторая

аснул, что ли? Бросай! Юноша, к которому были обращены эти слова, сверкнув ярко-синими глазами, недобро посмотрел на нетерпеливого противника и разжал огромный кулак. Игральные кости с гулким стуком мягко упали на стол, покрытый тканью с нанесенным на ней игровым полем. Оно представляло собой круг, разделенный на три части, зеленую, синюю и желтую, с маленьким красным кольцом в середине. Главный выигрыш получал тот, кто кидал кости в центр кольца, но таких счастливиц среди игроков почти никогда не попадалось. Неплохим результатом считалось также, если все три костяных кубика падали четко в одну из частей круга, особенно когда это был цвет, который игрок заказывал заранее. Но горе тому, чьи кубики ложились в разные цвета! Это означало не просто проигрыш, а крах, полный провал, ибо тот, кому не повезло, был вынужден уплатить двойную ставку, да еще и пропустить ход.

Пожелтевшие от времени игральные кости запрыгали по столу, и несколько пар глаз впились в них, а несколько луженых глоток мгновенно заткнулись: за обвинением в том, что кто-то подул на кости, тут же следовало наказание — увесистая оплеуха, которая могла лишить последних зубов. Два кубика столкнулись и, словно поссорившись, разбежались в разные стороны, а затем аккуратно легли — один на зеленый, второй на синий.

Скрипя зубами, молодой черноволосый варвар напряженно следил за третьей костью — своей последней надеждой. Она, будто услышав его немые молитвы, задержалась на мгновение в синем сегменте, постояла там на ребре, а затем, словно передумав, медленно упала, на две трети своей грани очутившись в желтой части круга.

Юноша и его противник, как по команде, вскочили со своих мест.

— Желтый! Синий! — прозвучало одновременно, и оба игрока вцепились в куртки друг друга, готовые вот-вот начать драку.

— Конан! Треро! — остановил их высокий седой старик, наблюдавший за игрой. — Вы оба не правы. Не синий и не желтый. Такое уже случилось, и мы договорились, что это будет означать проигрыш, но ставка не удваивается. Ход тоже пропускать не надо. Успокойтесь оба и продолжайте игру.

Спорить со стариком никто не стал, ибо в Клоаке, городе воров, бродяг, нищих, убийц и шлюх, расположенном в подземельях зингарской столи-

цы Кордавы, с уважением относились к тем, кто доказал свое право на это. А старик, в прошлом блистательный мошенник, о котором в Зингаре слагли легенды, свое право на уважение давно и неоднократно доказал.

Игра продолжилась, но длилась недолго. Видимо, боги отвернулись в тот день от Конана, ибо вскоре он продул все до последнего медяка.

— Я не прощаюсь с тобой, Треро, — злобно буркнул он, поднимаясь из-за стола. — Я не привык ходить с пустыми карманами и скоро вернусь, чтобы отыграться. Тогда удача будет на моей стороне.

— Можешь не торопиться, — едва слышно пробормотал Треро, сгребая выигрыш и распахивая его по карманам.

Молодой варвар слегка покривил душой, сказав, что его карманы редко бывают пустыми, но прирожденная гордость ни за что не позволила бы ему признаться, что он не богаче босяка. Конан покинул свою родную Киммерию совсем недавно — около трех лет назад — и уже успел побыть и рабом-гладиатором, и вором. Рожденный свободным, юноша недолго терпел неволю и, когда бежал, домой решил не возвращаться.

Испытав немало приключений, сыпавшихся на него, как снег на далекий Нордхейм (будто боги забавлялись, наблюдая, сумеет ли он в очередной раз вывернуться), он добрался до воровской столицы — заморанского города Шадизара.

Здесь он, как и желал больше всего на свете, обучился искусству чистить карманы и тайники, причем так быстро и ловко, что вскоре превзо-

шел своих учителей и обрел славу самого удачливого вора.

Слава-то и сыграла с ним злую шутку. Не будь юный киммериец столь заметен, не имей он столь скандально известного имени, может, и удалось бы ему затаиться, переждать, не покидая Пустыньки, когда за ним перестанут охотиться. Но огромный рост, мощная бугристая мускулатура, вечно нечесанная грива черных густых и длинных волос, ярко-синие глаза, громовой голос и привычка мгновенно ввязываться в драку по любому поводу...

Может ли человек, обладающий такими приметам, остаться незамеченным?

Пришлось Конану бежать, прихватив с собой, правда, и добычу, из-за которой он был вынужден покинуть столь полюбившийся ему развеселый Шадизар.

Теперь он в совершенстве владел двумя ремеслами и мог добывать себе хлеб либо мечом, либо ловким воровством. Прослышав, что правитель Зингары неплохо платит наемникам, юный варвар решил податься на юг, в Кордаву.

О, Митра великий! Кто же в юности не строил планов и кто же не изменял их на противоположные?

Добравшись до зингарской столицы, Конан почему-то не стал спешить наниматься на службу. Его гораздо больше привлекла Клоака, так похожая на Шадизарскую Пустыньку, словно два этих обиталища воров, шлюх и нищих вовсе и не разделяло полмира. Правда, Пустынька была просто

частью Шадизара, его окраинным районом, а Клоака возникла под Кордавой — там, где когда-то жили богатые люди, жили до тех пор, пока время и море не уничтожили роскошные кварталы. Новый город вырос над ними, а подземелье обрело своих обитателей.

Конечно, ни один добропорядочный гражданин ни за что и носа бы не показал в Клоаке, но тот, кто любил хорошую выпивку, доступных и веселых девиц, азартные игры, да еще и умел постоять за себя, находил это местечко весьма и весьма привлекательным.

Понравилось тут и Конану. Одна лишь неприятность случилась с ним — деньги, которые он так лихо унес из Шадизара, кончились слишком быстро, а то, что осталось, в одночасье перекочевало в карманы Треро, мерзавца, которому просто улыбнулась удача.

«И что теперь делать? — лихорадочно думал молодой варвар. — Пойти наниматься в зингарскую армию? Ага! А этот Сетов выкормыш, шакал недоделанный, пока я парюсь в казарме, будет пропивать мои денежки? Как бы не так! Сначала надо отыграться, а уж потом посмотрим. Да и велики ли деньги наемника? Вор может получить за день больше, чем солдат за год. Нет уж, я еще погуляю...»

Легко сказать — отыграться, гораздо труднее сделать. Для этого надо еще сначала найти ротодея, да еще и с кошельком потолка. Конану ничего больше не оставалось, как покинуть Клоаку и подняться на поверхность, в город. Ни один ува-

жающий себя вор не будет красть у своих, а обитатели подземного квартала — почти родня друг другу.

Киммериец быстро прошел по нескольким кривым и темным улочкам, безлюдным и тихим, как всегда это бывает тут по утрам, ибо жизнь в Клоаке начинается кипеть ближе к ночи, когда ее обитатели возвращаются домой с добычей и могут себе позволить расслабиться, выпить, набить утробу, развлечься.

Выйдя наверх, Конан на мгновение зажмурился от яркого солнца, ударившего по глазам: день начинался жаркий, ни одно облачко не омрачало бескрайней синевы, раскинувшейся над головой.

Стоило ему открыть глаза, как варвар увидел веснушчатого мальчишку-подростка с ослепительно рыжими, почти красными взъерошенными волосами, которых никогда не касался гребень.

— Что встал, как столб? — окрысился маленький наглец и вызывающе посмотрел на Конана удивительно неприятными глазами, которые напоминали созревшие нарывы. Они были желто-зелеными с красными прожилками и крошечными темно-коричневыми зрачками.

— Что? — слегка опешил киммериец. — Это ты мне? — Он поднял мальчишку за шиворот и, легко, словно пушинку, оторвав от земли, поднес к глазам. — Повтори...

— И повторю, — продолжал хорохориться рыжий. — Если тебе, дураку, не нужны деньги, ты и есть столб деревянный.

— Деньги? — оживился Конан. — Это ты, что ли, мне деньги предлагаешь? — Он тряхнул рыжего, поставил его на землю и расхохотался.

— Совсем глупый, — притворно вздохнул паренек. — Откуда у меня деньги? А вот зингарский правитель обещает кругленькую сумму тому, кто разыщет дочь его советника. — Впрочем, — пожал он узенькими плечиками, — если тебя это не интересует...

— погоди! — Варвар снова схватил мальчишку за ворот. — Еще как интересуется.

— Тогда чего ты стоишь? — удивился маленький нахал. — Пошли скорее на площадь, там с раннего утра читают королевский указ.

— А ты-то мне на кой сдался?

— Пойдем, пойдем быстрее, — потянул его за руку рыжий. — Я кое-что знаю и могу тебе пригодиться. Но не даром, конечно, — хитро сощурился он.

Но Конан его уже не слышал. Он почти бежал к площади, откуда и правда раздавались какие-то выкрики и где собралась немалая толпа. В конце концов, если указ его и не заинтересует, то уж среди такой уймы народа обязательно найдется паратройка толстосумов, которым явно мешают их тугие кошельки.

Рыжий негодяй не солгал. На широкой площади, самой главной в Кордаве, был сооружен высокий помост. Посредине помоста стоял королевский глашатай со свитком в руках и орал так, что Конан даже удивился, почему ничего не слышно в Клоаке.

— ...А также всячески поощрить храбреца и даровать ему дворянство.

С этими словами глашатай свернул свиток и сошел с помоста.

— Кром! — зло сплюнул киммериец. — Опоздал.

Но он напрасно огорчился. У лесенки, ведущей на помост, стояли несколько мужчин в одеждах королевских глашатаев, и один из них, взяв свиток, поднялся наверх, снова развернул его и начал читать, вопя ничуть не хуже своего предшественника. Варвар обратился в слух.

— Слушайте, жители Кордавы! Слушайте, гости столицы! Слушайте все! Слушайте и внимайте! Внимайте и действуйте! Действуйте, и вас ожидает награда! — Глашатай набрал полную грудь воздуха и продолжил: — Его величество король Зингары опечален горем, постигшим его старейшего советника. Злые люди похитили Сонатру — единственную дочь любимого слуги короля, и укрывают ее в неведомом месте. Тому, кто возьмется освободить девушку, король обещает щедрую награду. Героя ждет тысяча золотых монет. Его Величество намерен приблизить к себе этого человека, а также всячески поощрить храбреца и даровать ему дворянство.

Сменяя друг друга, глашатаи повторяли и повторяли королевский указ. По толпе то и дело пробегал шепоток, и неудивительно: тысяча золотых монет — это целое состояние. Если умело распорядиться ими, можно безбедно прожить до глубокой старости. Но где искать несчастную? Ведь если бы похитители хотели получить выкуп, они

давно известили бы об этом безутешного отца. Но от них не было ни слуху ни духу. Скорее всего, Сонатру увезли из страны, чтобы продать ее в гарем какого-нибудь восточного владыки или выставить на невольничьем рынке в Стигии. Девушка была молода и красива, а на такой товар спрос не падает.

— Тысяча монет! — тихонько присвистнул Конан и оглянулся в поисках мальчишки, который позвал его сюда. — Что там говорил этот желтоглазый?

Но рыжего как ветром сдуло. Лишь маленькая облезлая собачонка с красноватой клочкастой шерстью вертелась у ног киммерийца. Он злобно пнул ее носком сапога, шавка взвизгнула, посмотрела на Конана желтыми, похожими на гнойники, глазами и затерялась в толпе. Варвар, злобно выругавшись, начал пробираться к выходу с площади, рاسпихивая попадававшихся по дороге людей. Ему вдруг стало как-то беспокойно, словно где-то рядом находился колдун, которых он терпеть не мог. Он даже на какое-то время забыл о ротозеях с их кошельками, и не попадись ему на пути толстый купец с тяжелым кожаным кошельком, который этот идиот подвесил к поясу на тоненький ремешок, варвар и не вспомнил бы, как сильно нуждается в деньгах. А тут словно сам Бел, покровитель всех воров в мире, подтолкнул киммерийца под руку. Что ж, только болван не пользуется тем, что плохо лежит. Не задерживаясь ни на миг, Конан ловким движением сдернул кошель, даже не задумываясь, что делает, и был таков.

Только выбравшись с площади, он сообразил, что держит что-то в руках. О боги! Какая темная сила заморочила ему голову настолько, что он и не понял, как вдруг разбогател.

Отлично! Теперь можно возвращаться в Клоаку и наказать поганца Треро. Только сначала неплохо съесть чего-нибудь, да и выпить тоже не мешает. Оглядевшись по сторонам, Конан решительно направился к ближайшей таверне, над входом в которую красовалась вывеска «Гордость Кордавы».

«Гордость Кордавы» оказалась самой заурядной таверной. Единственное ее отличие от сотен подобных заведений заключалось в том, что здесь было относительно чисто. Вот повар тут и правда оказался отменным, и киммериец, поглотив половину запасов хозяина таверны, потребовал вина, чтобы прополоскать приятно отяжелевшую утробу.

Не успел он выпить и половины, как возле его стола словно из воздуха возник рыжий мальчишка, так неожиданно исчезнувший с площади. Потирая бок, как будто кто-то уже успел поддать ему как следует, парень уселся напротив Конана и подобострастно улыбнулся:

— Не угостишь меня хотя бы кусочком хлеба?

— С какой это стати я должен кормить кого попало? — удивленно поднял брови киммериец.

— Я не кто попало, — искренне обиделся мальчишка. — Это я рассказал тебе о королевском указе. Тебе что, не нужна тысяча монет? Ты так богат?

— Насколько я помню, — усмехнулся варвар, — на площади не раздавали денег.

— Зато предлагали их заработать.

— Ага... Будь ты поумнее, понял бы, что эту девку давно увезли из Зингары. Какой идиот станет прятать ее у себя, не требуя выкупа?

— Еще как станет, — нисколько не обиделся рыжий.

— Ты что-нибудь об этом знаешь? — насторожился Конан, врожденное чутье которого подсказывало: мальчишка не врет.

— Знаю. Видел.

— Ну... — Киммериец привстал со скамьи и потянулся к многострадальному воротнику паренька.

— Не торопись, — нахально остановил его рыжий. — Я жрать хочу. Какие разговоры на пустой желудок?

— Хозяин! — рявкнул Конан. — Принеси чего-нибудь для этого щенка!

Когда парень насытился, он, поковырявшись в зубах и довольно рыгнув, наклонился через стол к варвару и горячо зашептал:

— Я видел, как ее увозили из города. И проследил. Знаю, где ее прячут. Могу показать.

— погоди, — недоверчиво посмотрел на него Конан. — А чего это ты вдруг выдаешь мне сведения, которые стоят тысячу монет?

— Так ведь не даром же, — хмыкнул рыжий. — Сам посуди, разве я могу вернуть эту девку домой? А тебе это по плечу. Ты вон какой здоровый. Я покажу, где ее прячут, а ты дашь мне сто монет. Дашь ведь?

Конан задумался. Конечно, тысяча золотых монет лучше, чем девятьсот, но, с другой стороны, если рыжий не врет, его помощь окажется

неоценимой. А он, судя по всему, не врет. Да и смысла нет ему врать. Пожалуй, это дело верное. Ведь девятьсот-то монет гораздо лучше, чем ни одной.

— Ладно,— согласился наконец варвар.— Веди. Но если ты обманул меня...

— А зачем? — равнодушно пожал плечами мальчишка.

— Тогда пошли,— сказал Конан и направился к выходу из таверны.

Рыжий посеменил за ним.

* * *

Миновало уже несколько дней с тех пор, как Конан покинул Кордаву. Его спутник, до неприличия рыжий мальчишка, который назвался Аркадом, оказался не только забавным и общительным, но и весьма полезным. Он безошибочно находил нужные тропы, отыскивал прекрасные, словно специально созданные места для отдыха, умел разводить костры, добывая огонь будто из воздуха, приманивал дичь, виртуозно подражал крикам зверей и птиц. Когда же сытый, довольный и расслабленный Конан растягивался на теплой земле, пока его еще не сморил сон, паренек рассказывал всевозможные байки, показывал забавные фокусы, пел.

Рассказчиком он оказался бесподобным. Слушая его и глядя на веселую некрасивую физиономию, киммериец время от времени ловил себя на том, что видит прямо перед собой тех, о ком говорил Аркад. Мимика мальчика была столь бо-

гатой, а жесты выразительными, голос непостижимым образом менялся, становясь то низким басом, то звонким дискантом, то вдруг переходил в сдавленный хрип, то звучал как нежный голосок прелестной девушки, что однажды Конан поинтересовался:

— Слушай, парень, а почему бы тебе не податься в лицедеи? Ты мог бы играть перед самим королем. Зачем тебе эта бродячая жизнь?

— А тебе? — хитро сощурился Аркад.

— Ну...— Варвар даже слегка растерялся.— Я такой. Бродяга. Игрок. Воин. Вор.

— И я бродяга,— усмехнулся рыжий и замолк, явно не желая продолжать разговор.

— Ладно, твое дело,— согласился киммериец, который всегда считал, что каждый волен сам выбирать свой путь.— Я вот что хотел спросить. Сколько еще идти-то?

— А тебе так хочется поскорее подраться? — с интересом взглянул на него Аркад.

— Мне хочется поскорее получить золото.

— Потерпи чуть-чуть. Уже почти пришли. Завтра лес кончится, и мы выйдем к замку Гекмона. Он-то и держит у себя твою девицу.

— Мою? — Варвар расхохотался.— Да по мне хоть девица, хоть древняя старуха, хоть хромая собачонка — лишь бы деньги за нее платили. А ты откуда знаешь о Гекмоне? И вообще, кто это такой? Чего ему с людьми не живет? Колдун, что ли? — Конан нахмурился.

— Боишься колдунов? — Мальчишка улыбнулся, показывая мелкие острые зубки.

— Я никого не боюсь,— гордо выпрямился варвар.— Не люблю — это да. Вечно они какие-нибудь пакости творят. А мне по душе честный бой.

— Тогда спи,— вдруг посерьезнел Аркад.— Драк тебе хватит. Как бы без башки не остался.

— За мою голову не беспокойся. Мне на Серых Равнинах пока делать нечего.

Ночь прошла спокойно, а на следующий день, как и обещал Аркад, лес начал редеть, и вскоре перед путниками открылась большая поляна, на которой возвышался серый мрачный замок, окруженный каменной стеной, гладкой и ровной, словно кто-то тщательно отполировал плиты, из которых она была сложена. Лесная тропинка упиралась прямо в тяжелые железные ворота, к створкам которых были приделаны толстые бронзовые кольца, позеленевшие от времени. Над одним из колец виднелось крошечное окошко, забранное частой решеткой.

— Вот и пришли,— сказал Аркад.— Постучишь, скажешь, зачем пришел. Тебя проведут к хозяину. С ним и будешь договариваться.

— Договариваться? — чуть не подпрыгнул от изумления Конан.— Ты меня что, на рынок привел?

— Нет, конечно,— отвел глаза мальчишка.— Но сам Гекмон-то с тобой биться не станет. У него другие интересы. В общем, не мое это дело. Я обещал показать тебе, где прячут девку, и показал. А дальше как хочешь.

— А ты? Ты разве со мной не пойдешь?

— С тобой? Нет. Ступай. Позже увидимся.

Конан бросил взгляд на ворота, а когда мгновение спустя обернулся, Аркад исчез, словно растворился в воздухе. Киммериец пожал плечами, но тут же перестал думать о своем странном спутнике и решительно зашагал к замку.

После первого же удара пластина, закрывавшая окошко изнутри, приподнялась, и варвар увидел уставившийся на него мутный желтый глаз.

— Кто такой? — хриплым голосом осведомился стражник.

— Конан. Пришел поговорить с твоим хозяином. Гекмоном, кажется?

Окошко закрылось, и сразу же одна из створок распахнулась с противным скрипом. «Вот это да! — удивился варвар.— Заходи — не хочу. Что-то тут не так. Ну да ладно. Меня голыми руками не возьмешь». У ворот стоял здоровенный детина, такой же ослепительно рыжий, как и недавний спутник Конана.

— Заходи. Гекмон всегда рад гостям.— Стражник смерил киммерийца оценивающим взглядом.— Особенно таким, как ты.

Внутренний двор замка оказался маленьким. Не успел Конан сделать несколько шагов по растрескавшимся от времени каменным плитам, как прямо перед ним возник сухонький старичок в ватном халате и, улыбнувшись тонкими бесцветными губами, пригласил варвара следовать за собой.

— Хозяин ждет,— прощамкал слуга.

Они вошли внутрь, миновали несколько извилистых коридоров и вскоре остановились перед дверью, отделанной серебром и самоцветами.

— Здесь,— сказал старичок и постучал.— Хозяин, гость прибыл.

— Зови,— отзывался приятный бархатный голос.

Слуга толкнул дверь, и Конан шагнул в комнату, похожую на кабинет ученого. Вдоль стен тянулись длинные полки, заставленные книгами в богатых переплетах, посредине стоял стол, на котором лежали свитки, листы тонкого пергамента и остро отточенные перья. За столом в кресле с высокой спинкой, обтянутом черной кожей, сидел черноволосый мужчина лет сорока, прекрасный цвет лица которого красноречиво говорил о том, что гостеприимный хозяин замка полон сил и здоровья. Когда киммериец появился на пороге, мужчина встал и вышел из-за стола, приветствуя гостя.

— Рад видеть тебя,— улыбнулся Гекмон.— Меня редко посещают гости в этой глуши. Орд, принеси вина и мяса.— Слуга поспешно покинул комнату, а хозяин продолжил: — Проходи, устраивайся.— Он показал на широкий низкий диван, стоявший рядом со столом.— Перекусишь с дороги и, если захочешь, конечно, расскажешь, что привело тебя в такую даль.

В первое мгновение Конан слегка опешил. Аркад говорил, что в этом замке прячут дочь советника короля Зингары, и он готовился к ссоре, драке — к чему угодно, только не к любезному приему и приветливым улыбкам. Однако довольно скоро изумление прошло, и киммериец, который не любил долго размышлять, решил, что, раз уж пред-

лагают поесть и выпить, отказываться от угощения никак нельзя, а поссориться и подраться он еще успеет.

Конан с нескрываемым удовольствием поглощал жареное мясо и печеную рыбу, тушеные овощи и свежие сочные фрукты, запивая все это превосходным терпким вином. При этом, однако, он не забывал бросать по сторонам быстрые внимательные взгляды. Его не покидали настороженность, ощущение тревоги и опасности. И хотя Гекмон был на редкость приветливым и гостеприимным хозяином, угощение — замечательным, а вино — выше всяких похвал, чутье варвара подсказывало: что-то тут не так.

Но киммериец не был бы киммерийцем, если бы он вдруг размышлять и чрезмерно осторожничать. Привыкший не показывать спину врагу и не прятаться от опасности, он, насытившись, в упор посмотрел на Гекмона:

— Слушай, приятель, ты славно меня накормил, да и вино у тебя неплохое, но я к тебе не жрать пришел. Говорят, ты держишь у себя одну девушку...

— Не беспокойся, мой юный друг,— с ласковой улыбкой перебил его Гекмон.— Я понимаю, молодая кровь, горячее сердце. Тебе нужна женщина?

Конан с изумлением уставился на него и, ничего не понимая, кивнул.

— Сейчас будет,— засмеялся хозяин замка и хлопнул в ладоши.

Дверь мгновенно отворилась, и на пороге возник слуга.

— Орд,— повернулся к нему Гекмон,— приготовь комнату для гостя и пришли туда девушку.— Он посмотрел на варвара:— Ты кого предпочитаешь? Блондинок? Брюнеток? Рыжих? Пухленьких или худощавых?

— Все равно,— оторопело захлопал глазами Конан, но, опомнившись, вдруг заревел: — Ты что, издеваться надо мной вздумал?! Я не об этих девках говорю! Мне зингарка нужна, которую ты украл!

— А...— протянул Гекмон.— Так бы сразу и говорил.— Он махнул слуге: — Орд, не надо девушек. А комнату все же приготовь. Юноша немного погостит у нас.

— Да не собираюсь я у тебя гостить! — не унимался киммериец.

— А ты что думал, придешь, стукнешь кулаком по столу, я тебе пленницу-то и отдам? — сощурился Гекмон.— Зачем же я тогда ее воровал? Ради удовольствия поболтать с тобой?

— Давай драться! — решительно предложил Конан.

— Ага. Сейчас. Больше мне делать нечего. Драться! Тоже придумал...

— А что тогда? — опешил варвар.

— Сыграй со мной.

— Сыграть? — заулыбался Конан.— Это пожалуйста. Кости-то у тебя есть? Только чтоб без обмана.

— Кости? Зачем? Я хочу предложить тебе гораздо более интересную игру. Победишь — девушка твоя. Проиграешь... Впрочем, если проиграешь, ты о ней и не вспомнишь.

— А точно не обманешь? — недоверчиво покосился киммериец на Гекмона.

— Я? — притворно изумился тот.— За всю свою долгую жизнь...— начал он и испуганно посмотрел на гостя: ему вовсе не хотелось пугать варвара раньше времени, говоря правду о себе. Но тот воспринял слова хозяина замка совершенно спокойно: ему, не прожившему еще и двух десятков лет, Гекмон, выглядевший как сорокалетний мужчина, казался если не стариком, то во всяком уж случае пожилым человеком.— За свою долгую жизнь,— продолжил отпрыск Ксотли,— я никогда и никого не обманывал.

— Ладно, верю,— хмыкнул Конан.— Что за игра?

— Она несколько необычна. То есть игровое поле, фигурки и кубики сами по себе — ничего особенного. Пока игра не началась. Но стоит тебе бросить кубики...

— А тебе?

— Ну, и мне. Не перебивай. Так вот, стоит бросить кубики, как фигурки сами начинают двигаться по полю, и где остановится выбранная тобой... или мной, конечно,— поспешно добавил Гекмон,— туда ты и попадешь. Если сумеешь вернуться, ход перейдет ко мне. А нет... Значит, не повезло.

— Колдовство какое-то? — насторожился киммериец.

— Что ты! — всплеснул руками его собеседник.— Просто это старинная игра, которую придумали... э-э... мудрецы... Да, мудрецы. Они обитали... э-э... на Краю Земли. Да-да, там. Несколько тысяч лет назад.

— А к тебе она как попала?

— По наследству. Впрочем, все это не так интересно. Будем играть?

— Сет с тобой,— махнул рукой Конан.— Не думай, что я испугаюсь какой-то игрушки, даже если в нее играли демоны Ночи.

— И мысли такой не было! — вскричал Гекмон.— Устраивайся поудобнее. Я сейчас вернусь.

Он быстро вышел из комнаты, где принимал гостя, и вскоре вернулся с большой деревянной шкатулкой. Поставив ее на стол, который за время отсутствия хозяина прибрали молчаливые слуги, Гекмон ласково погладил резную крышку.

— Джидак! — торжественно провозгласил он.

— Что? — не понял Конан.

— Джидак. Так называется игра.

Он откинул крышку, и она вместе со шкатулкой сложилась в довольно большое игровое поле. По черной лакированной поверхности змеилась тонкая серебряная полоска, которая, прихотливо изгибаясь, образовывала сложные петли и зигзаги. На блестящей ленточке мерцали темно-зеленые кружки, а в середине поля располагался большой плоский круг, который тускло светился изнутри. На краю шкатулки в небольшом углублении лежали две фигурки из слоновой кости, похожие на людей (одна — на воина, вторая — на жреца), и два четырехгранных кубика.

— Выбирай фигурку,— милостливо предложил Гекмон.

— Чего тут выбирать? — усмехнулся молодой варвар.— Воина, конечно.

— Я так и думал! — радостно засмеялся сын демона.— Первый ход — твой.— Он поставил костяного воина на голубую пластину, от которой начиналась дорожка, и протянул Конану кубики: — Бросай на поле.

Киммериец положил их на ладонь и внимательно осмотрел со всех сторон. Кубики как кубики. Самые обыкновенные. Никакого подвоха вроде бы нет.

Сложив ладони вместе, варвар несколько раз встряхнул кубики и бросил их. Они покатались по гладкой поверхности в разные стороны и остановились. На верхней грани одного из них была выдавлена одна точка, другого — три.

— Четыре,— услужливо подсказал Гекмон.

— Сам вижу,— угрюмо буркнул Конан.— И что дальше?

— Смотри.

Маленький воин вдруг ожил, бодро зашагал по дорожке, миновал три темно-зеленых кружка, остановился на четвертом и топнул ногой.

Круг, находившийся в середине игрового поля, засветился ярче, и по нему побежали картинки. Берег моря, лес, плотной стеной стоявший у самой воды, большая поляна, покрытая высокой травой, вход в пещеру, подземные коридоры, высокая гора.

— И что это значит? — удивился варвар.

— Тебе надо пройти от горы через лес к морю. Едва ты ступишь в воду, как вернешься сюда...

Последние слова донеслись до киммерийца уже издалека.

Он не успел и глазом моргнуть, как неведомая сила подхватила его, вокруг сгустился туман, и Конан почувствовал, что летит в пустоту...

Глава третья

ьма рассеялась, и Конан увидел, что стоит на узкой, чуть шире его ступни, площадке, прижавшись спиной к почти отвесной каменной стене. Впереди, на расстоянии половины ладони, площадка обрывалась. Там зияла пропасть, казавшаяся бездонной. Стараясь не делать резких движений, юный варвар осторожно пошевелился и посмотрел по сторонам: не стоять же тут ему вечно!

То, что он увидел, повергло бы в уныние кого угодно. Площадка, на которой он стоял, скорее, тропа тянулась вправо и влево от него, но идти по ней не имело смысла: слева она стремительно сужалась и еще в пределах видимости сходила на нет, справа она, судя по всему, тоже кончалась где-то неподалеку. Вперед также некуда. Аккуратно толкнув ногой камешек, киммериец так и не услышал, достиг ли тот дна пропасти: досчитав до ста, он бросил это неблагодарное занятие. Оставался только один путь — наверх.

Как и всякий киммерийский мальчишка, Конан вырос в горах и не раз взбирался на такие кручи, куда залетали лишь птицы. Но он знал: горы опасны и коварны, здесь нельзя расслабляться ни на миг.

Затаив дыхание, очень медленно, продумывая каждое движение, Конан повернулся к каменной стене лицом и принялся рассматривать ее. Так... Вон там, в паре шагов, кажется, есть несколько едва заметных выступов, за которые можно ухватиться. Надо бы подойти поближе. Он осторожно сделал один шаг, потом другой... Отлично! Вот здесь он и полезет наверх.

Сколько прошло времени с этого первого шага, киммериец не знал. Оно будто остановилось. Руки и ноги саднило, кожа на животе была ободрана так, словно ее изгрызли тысячи мелких насекомых, едкий пот заливал глаза, но Конан не останавливался ни на мгновение, прекрасно понимая: помедли он чуть больше, чем надо, — смерть, поторопись он, сделай неверное движение — смерть.

И он преодолел подъем! Когда ему уже начало казаться, что сил больше нет, стена вдруг кончилась. Напрягшись, он отчаянным рывком бросил свое тело вперед и, облегченно вздохнув, лег ничком на довольно обширной площадке.

Постепенно сердце успокоилось и стало биться ровно, дыхание восстановилось, кровавый туман перед глазами рассеялся, силы вернулись. Варвар сел и взглянул вниз. «Странно, — подумал он, — не так уж высоко я и взобрался. Чего же так устал-то? Отвык, наверное, в этих душных городах от

воли...» Но у него не было ни времени, ни желания долго размышлять об этом. Надо было идти вперед. Он посмотрел по сторонам. Все хорошо. Больше лезть наверх не придется. Вот он — спуск. Едва приметная тропинка, виляя и теряясь среди камней, бежала вниз, туда, где в легкой туманной дымке виднелись зеленые кроны деревьев.

Конан поднялся и быстро зашагал по тропе, не забывая, однако, время от времени останавливаться, чтобы оглядеться и прислушаться. Но все было спокойно, и варвар, слегка расслабившись, даже тихонько замурлыкал под нос песенку, которую любил напевать Арельдо, его приятель по Пустыньке. Тот, правда, не узнал бы мотив ни за что на свете, ибо боги начисто лишили киммерийца музыкального слуха. Но разве это важно, когда душа поет?

До леса оставалось не больше пятисот шагов, когда Конан вдруг насторожился и замолчал: откуда-то сзади и справа донесся едва различимый шорох. Он резко обернулся. Другой на его месте ничего не заметил бы, но варвар с детства научился наблюдательности. Суровая жизнь северного края, где он вырос, была жестока к слабым и ротозеям. «Хочешь дожить до завтра, вырасти глаза на затылке», — сказал ему как-то отец, и он запомнил эти слова навсегда. За большим камнем неподалеку от тропы что-то едва заметно шевельнулось, и Конан мгновенно понял, какая опасность ему грозит. Горный кот вышел на охоту!

В тех краях, где варвар родился, этот хищник считался самым страшным врагом человека. Бы-

стрый, хитрый, беспощадный, он почти всегда побеждал противника, будь то огромный зверь, будь то опытный охотник.

Горные коты водились в Киммерийских горах, но мало кто мог похвастаться тем, что видел это на редкость красивое и грациозное животное. Да и неудивительно: мертвые не болтливы, а тем, кого этот зверь не собирался убивать, он обычно не показывался. Но все же находились люди, которым повезло встретить хищника и остаться в живых. В родной деревне Конана был один охотник, настолько удачливый, что поговаривали даже, будто он сын не то бога, не то демона, который и научил его чувствовать и понимать зверей. Звали его Дилах. Так вот однажды Дилах вернулся с охоты, неся на плече большую шкуру. В длину она достигала локтей десяти, была темно-серой с белыми пятнами на шее, груди и брюхе, а кончик хвоста — черный. Мертвая голова, которую охотник решил тоже сохранить, смотрела прямо перед собой темно-желтыми глазами, в оскаленной пасти торчали острые клыки, способные в одно мгновение перегрызть хребет крупному зверю.

И вот сейчас такой кот, только живой, невредимый и, по всей видимости, голодный, притаился за камнем, собираясь напасть. Конан замер на миг, потом, стараясь двигаться как можно осторожнее, огляделся и сделал несколько медленных шагов туда, где тропа расширилась, а на противоположной ее стороне возвышался плоский камень.

Варвар знал, что горный кот всегда охотится в одиночку, так что другого хищника опасаться не

стоит. Но он знал также, что ни один зверь не может сравниться с котом в умении прыгать. Тот легко преодолевал расстояние в пятнадцать локтей, а значит, надо было занять такую позицию, чтобы это умение использовать себе во благо. Горный кот не выйдет из укрытия, пока не приблизится к жертве на расстояние прыжка.

Конан подошел к облюбованному им камню, встал возле него, стараясь не подавать вида, что почувствовал зверя, и тихо-тихо, чтобы металл не звякнул о ножны или камень, вытащил меч. Он уже понял, как может победить, и оставалось только надеяться, что не просчитался.

Ждать долго не пришлось. Сзади послышался шорох, такой легкий, что, казалось, человеческое ухо просто не может уловить его, и в воздухе мелькнула длинная тень. Промедли киммериец хоть одно мгновение, и лежать ему среди камней с разорванным горлом. Но он был начеку. Конан молниеносно бросился на землю и откатился в сторону, а хищник, не в силах задержать полет, со всего маху ударился головой о камень. Еще миг понадобился варвару, чтобы вскочить на ноги и по самую рукоять вонзить меч под левую лапу зверя, пока тот не успел опомниться. По великолепной темно-серой шерсти пробежала дрожь, кровь хлынула из разинутой пасти, и роскошное животное испустило дух.

Конан вытащил клинок, обтер его о шкуру горного кота и вернул в ножны. Липкий пот струился по лицу, груди и спине киммерийца, словно он один от рассвета до заката противостоял цело-

му войску противника. «Да что это со мной? — снова подумал Конан. — Еще и трети пути не пройдено, а устал так, будто дошел от Киммерии до Заморы, ни разу не останавливаясь. Что-то тут нечисто».

Он покачал головой, невесело усмехнулся и побрел к лесу, намереваясь найти там местечко, чтобы хоть немного передохнуть. Тем более что в небе уже закружились огромные птицы, слетаясь на кровавый пир. Варвар знал этих тварей. Каждая могла унести в своих когтях быка, да и сожрать его целиком ей ничего не стоило. Так что горного кота им явно будет мало, а киммериец что-то усомнился, выдержит ли он прямо сейчас еще одну схватку. Ничего, пока они утоляют первый голод, он успеет дойти до деревьев, а в леса эти птицы никогда не суются: густые кроны не дают им взлететь, уж больно велики их крылья.

Дошагав до кромки леса, Конан остановился, изумленный до глубины души. Конечно, он еще совсем молод и не так много повидал на своем веку, но не надо быть убежденным сединой старцем, чтобы понять: такой лес мог существовать только в больном воображении. Здесь перемешалось все: север и юг, запад и восток, ранняя весна и поздняя осень. Киммериец вертел головой во все стороны и, чем больше видел, тем больше удивлялся.

Вон стоят высокие, почти в сто локтей, деревья с крупными, причудливо рассеченными листьями, на потрескавшейся коре которых выступил желто-зеленый густой сок. Эти деревья варвар хорошо знал. У него на родине этот сок собирали,

чтобы на целый год заготовить сладкий сироп. Он сам мальчишкой не раз отправлялся с туеском, выдолбленным из деревянной чурки, за соком. Но это всегда бывало ранней весной, когда еще не весь снег растаял в лесу. Он подошел поближе, провел пальцем по светло-коричневому стволу, слизнул желтоватую прозрачную капельку и даже причмокнул от удовольствия. Сомнений быть не могло: этот неповторимый вкус он помнил с детства.

Почему же рядом пышно разрослись каштаны? Их он тоже узнал по овальным листьям с острыми зубчиками и темно-коричневым плодам, которые едят и сырыми, и вареными, и жареными, и печеными. Но ведь плоды вызревают к осени! Да и деревья эти настолько капризны и теплолюбивы, что растут только на юге, да и то лишь у моря.

А вон там — киммерийские сосны. Огромные, устремившие кроны к самым небесам. Их ни с чем не спутаешь, у них широкие и длинные иголки, да еще шишки, здоровенные такие, как два его кулака, и внутри орешки, маленькие, но сладкие и сочные — любимое лакомство всех его сородичей. Но чтобы шишки-то вызрели, вообще чуть ли не первого снега ждать приходится.

Рядом с соснами — арга. Ну это-то не так странно. Она повсюду растет. У него на родине — кустами, на юге — могучими деревьями. Удивительное растение! Ничего не боится: ни мороза, ни засухи. А пользу человеку приносит огромную. Древесина у него прочная, смолистая и совсем не гниет. И дом из нее построить можно, и лодку, и мебель соорудить, да такую крепкую, что и правнукам

останется. С корой кожи дубить можно. Добротная получается, одежде сносу нет.

А листики? Узенькие, тоненькие, как иголки. Но сила в них великая. Сорви пучок, пожуй — и зубы белые, крепкие, хоть гвозди грызи. Но самое замечательное в арге — ягоды. Мелкие такие, темно-синие. Вкусные... Сочные, ароматные, сладкие, со смолистым привкусом. Масло из них и простуду лечит, и раны заживляет, и старикам спины выпрямить может. Еще женщины с этими ягодами мясо и рыбу солят. Годами хранить можно. И пиво их них делают, и вино...

Впрочем, рассматривать деревья можно было еще бесконечно долго, но Конан прекрасно понимал, что не за этим сюда пришел. В конце концов, какое ему дело до того, как и что растет в этом сумасшедшем лесу? Ему надо пройти через лес и выйти к морю, тогда он выполнит свою задачу и вернется к Гекмону, чтобы продолжить эту нелепую игру. Правда, там, на картинке, были еще какие-то подземные коридоры и пещера. Но где они? Или он миновал их, когда полез напрямик по отвесной скале? Наверное, так. Как бы там ни было, гора осталась позади и возвращаться, чтобы найти пещеру, он не собирается.

Киммериец решительно потрянул головой и быстро зашагал прочь от гор, почему-то нисколько не сомневаясь, что море лежит там, впереди.

Он шел уже довольно долго, когда неожиданная мысль заставила его остановиться. В лесу стояла полная тишина. Не жужжали насекомые, не щебетали птицы, ни разу не хрустнула ветка или

не зашелестела трава под лапами неосторожного зверя. Казалось, во всем лесу не было, кроме него, ни одной живой души. И стоило Конану подумать об этом, как раздался треск ломаемых кустов и навстречу варвару вышло Нечто.

Оно не походило ни на что, его словно слепило безумное божество из всего, что попало случайно под руку. Тварь была высокой, на пару голов выше киммерийца, и ее могучая фигура напоминала человеческую. Кожа монстра отливала болотной зеленью, и ее густо усеивали крупные бородавки. Руки доходили почти до пят, а шестипалые ладони заканчивались узловатыми пальцами с круглыми выпуклыми ногтями. Ноги существа могли сгибаться в нескольких местах, ибо коленных чашечек у него было по три на каждой конечности. Ступни, длиной не меньше локтя, почти плоские, больше походили на лапы лягушки. Но самой примечательной была голова монстра. Огромная, почти с ширину плеч, наверху, она резко сужалась книзу, острый подбородок загибался крючком, носа не было вовсе, а во лбу сиял, как драгоценный камень, единственный ярко-зеленый глаз. Рот был узкий, как щель, безгубый и шел, изгибаясь плавной дугой, от уха до уха. Уши, плотно прижатые к черепу, заострялись кверху, и из них торчали пучки бурой шерсти. Голову венчали четыре рога: два поменьше — по бокам, два длинных — в середине.

Пока Конан рассматривал чудовище, оно быстро шагнуло к нему, и киммериец выхватил меч. Едва неведомое существо протянуло к нему лапу,

как острый клинок, словно действовал сам по себе, отсек безобразную кисть. Из обрубка показалась густая ярко-желтая жидкость, тварь поднесла руку к глазу, удивленно посмотрела на нее и, Конан мог поклясться чем угодно, улыбнулась. Зубов в пасти не оказалось, но десны были острыми, как хорошо отточенный кинжал. Затем, высунув язык, она тщательно облизала культю, и на месте раны тут же выросла новая кисть. Монстр, расставив руки, будто хотел обнять весь мир, двинулся на варвара.

Мгновенно отпрыгнув в сторону, Конан выставил перед собой меч. «Что делать? — думал киммериец. — Если эта дрянь так легко отрастила новую руку, значит, сталь ее не берет. Бежать? Ну нет!..» И тут ему стало не до рассуждений. Чудище вело себя более чем странно. Оно вроде бы и не нападало, но и не отпускало варвара, не давая ему ни отступить, ни прорваться вперед, играя с ним, как кошка с мышью. Мышь, правда, может лишь попытаться улизнуть, а киммериец отчаянно защищался. Он наносил удар за ударом, рассекая удивительно податливую плоть противника, желтые брызги крови немислимого создания летели во все стороны, а оно лишь разевало рот, заходясь в беззвучном хохоте, пробегало по своим ранам длинным сизым языком и вновь предстало перед Конаном целым и невредимым.

Странный бой затягивался, и киммериец почувствовал, что силы стремительно покидают его, будто это его собственная кровь пропитала землю на том месте, где шел поединок. Движения его замедлились, перед глазами поплыла дымка.

Неожиданно монстр присел, согнув ноги во всех своих коленях, и его язык, словно прочная веревка, обмотал лодыжки варвара. Чудовище резко выпрямилось, и Конан шлепнулся навзничь, сильно ударившись затылком о корень дерева. Последним, что он успел увидеть перед тем, как тьма поглотила его, был меч, который вылетел из руки и, сверкнув на солнце, глубоко вонзился в мягкую землю.

Когда он с трудом открыл глаза, существо сидело на корточках совсем близко и внимательно разглядывало его. Увидев, что человек пришел в себя, оно радостно улыбнулось, схватило его в охапку, выпрямилось и потащило ко рту, явно намереваясь попробовать, каков он на вкус.

Собрав последние силы, Конан вцепился в средние рога твари и напряг мышцы, пытаясь хотя бы оттянуть конец. И тут произошло нечто невероятное. Рога с хрустом обломились, оттуда вырвался воздух, ударив смрадной струей высоко в небо, монстр обмяк и грудой грязного тряпья сложился у ног варвара. Останки задымились и исчезли. Когда едкий дым рассеялся, киммериец увидел, что сжимает пустые кулаки.

Он едва держался на ногах, сил не осталось даже на то, чтобы о чем-то думать. Конан кое-как доковылял до меча, еле-еле выдернул его из земли и, волоча клинок за собой, побрел дальше.

К его счастью, до моря оставалось не больше трехсот шагов. Лес неожиданно расступился, и Конан увидел узкую полоску песчаного пляжа, а за ней — спокойную сине-зеленую морскую гладь.

Колени его подогнулись, и он рухнул лицом в песок, но не остался лежать, а упрямо пополз вперед.

Добравшись до воды, он встал на четвереньки, набрал полные пригоршни и ткнулся в них лицом...

Он даже не успел почувствовать, холодная вода или теплая. Невидимый вихрь поднял киммерийца, закружил его, и он снова провалился в пустоту.

Глава четвертая

Невосходно! Я рад видеть тебя в здравии, мой юный друг. Похоже, на сей раз мне наконец-то встретился настоящий игрок...— услышал киммериец. Перед Конаном, который еще не совсем пришел в себя, сидел Гекмон, улыбавшийся так радостно, будто его только что известили об огромном наследстве.

Хозяин замка, казалось, даже помолодел, и теперь вряд ли кто-нибудь мог предположить, что ему больше тридцати лет.

Впрочем, киммерийца ничуть не волновало, как выглядит Гекмон. Он безмерно устал и теперь хотел лишь одного: спать.

— Слушай,— не совсем вежливо прервал он Гекмона,— давай завтра доиграем.

— Завтра? — всплеснул тот руками.— Завтра?! Ну уж нет! Я надеюсь, ты задержишься у меня денька на три-четыре... Хотя бы. Это непростая игра. Для нее нужны силы и время. А то и погибнуть можно.

— Три так три, четыре так четыре,— равнодушно согласился Конан, чувствуя, как веки наливаются тяжестью.— Главное, чтоб не один.

— Вот и чудно,— ласково улыбнулся Гекмон.— Если не возражаешь, я сделаю свой ход, а когда вернусь, отправимся отдыхать. Пока ты свершал там,— от ткнул пальцем в середину игрового поля,— свои подвиги, я лично проверил, какую комнату тебе приготовили. Будешь доволен.

С этими словами он взял кости, встряхнул их в ладони и разжал пальцы. На обоих кубиках выпало по единице. Фигурка жреца, которая осталась для хозяина, бодро переместилась на нужную отметину, и не успел варвар и глазом моргнуть, как Гекмон исчез. Просто растворился в воздухе.

Конану даже спать расхотелось. Он с любопытством взглянул на круг, где до этого мелькали изображения гор и леса, через которые ему пришлось пройти, но ничего, кроме клубов темно-серого тумана, не увидел.

Неожиданно дверь за спиной тихонько скрипнула, киммериец резко обернулся и чуть не подпрыгнул от изумления: на пороге стоял Аркад.

— Ты?! Как ты здесь очутился?

— Неважно,— отмахнулся мальчишка.— Я хочу...

— Неважно? — перебил его Конан.— Да я...

— Замолчи! — гаркнул рыжий так, что у варвара почему-то пропало желание задавать вопросы.— Времени нет. Он вот-вот вернется. Ты думаешь, тебя долго не было? Как бы не так. Тень от дерева во дворе и на ладонь не сместилась... Слу-

шай меня внимательно. Я знаю очень много. Гекмон — вампир. Но пьет он не кровь, а чувства. Посмотри на себя...

Он протянул Конану зеркало, и тот лишь тихо присвистнул, увидев свое отражение. С блестящего серебряного овала на него смотрел не восемнадцатилетний юнец, а мужчина лет тридцати — тридцати пяти с мелкими морщинками возле глаз и проседью в смоляных волосах.

— Понял теперь? — продолжил Аркад, не давая Конану и рта раскрыть.— Он выпьет твою силу, и ты через пару дней умрешь от старости. Но я тебя спасу.

— Кто ты? И почему ты помогаешь мне? — Варвар наконец вновь обрел дар речи.

— Я не человек. Но это длинная история, и рассказать я ее тебе уже не успею. А почему решил помочь...— Он на миг задумался.— Сам не знаю. Вы, люди, очень странные существа. Стоит побыть в вашем обличье подольше, начинаешь думать и действовать как человек. А ты мне понравился. Такие не должны погибать столь глупо и бесславно.

— Но ведь ты рискуешь...

— Чем? — усмехнулся Аркад.— У меня нет своего тела, так что меня нельзя изувечить. Я бессмертен. Я... Впрочем, не обо мне речь. Вот, держи.

Он протянул что-то Конану, и тот увидел, что мальчишка дает ему маленькую деревянную человеческую фигурку, сработанную весьма грубо, на тонком кожаном шнурке. Пока киммериец рассматривал подарок, Аркад объяснил:

— Это Корень Жизни. Видишь, как он похож на человека? Он дарует своему владельцу здоровье, силы, удачу, возвращает молодость даже дряхлым старцам. Носи его на шее, и с тобой ничего дурного не случится. Только спрячь от посторонних глаз. Да, еще. Смотри, на нем множество отметин. Столько раз этот корень давал жизнь ростку. Ему больше сотни лет. Он очень сильный.

Он неожиданно замолчал и прислушался. Конан тоже напрягся, но ничего подозрительного не обнаружил.

— Мне пора. Время истекло,— сказал рыжий и юркнул в дверь.

И тут же прямо напротив Конана возник Гекмон. Варвар едва успел спрятать Корень Жизни.

— Вот я и тут,— светло улыбнулся ему вампир.— Не знаю, как ты, а я замечательно провел время. Однако,— он сочувственно посмотрел на своего гостя,— не хочу тебя утомлять.— Гекмон хлопнул в ладоши, и на его зов мгновенно явился слуга.— Орд, проводи молодого человека в его комнату. Ему надо отдохнуть.

Пройдя десятка три шагов по широкому коридору, ярко освещенному короткими и узкими факелами, держатели которых могли бы поспорить красотой и изяществом с изысканными ювелирными украшениями, слуга распахнул тяжелую дверь, пропустил гостя вперед, отвесил низкий поклон и молча удалился.

Конан вошел в комнату и быстро окинул ее внимательным взглядом. Не очень просторная, она была чисто прибрана и хорошо обставлена. На по-

лу лежал толстый темно-серый ковер с затейливым рисунком из красных полос, в пушистом ворсе которого ноги утопали по щиколотку. Стены были затянуты темно-красной кожей тонкой выделки с серебряным тиснением. Под окном, забранном изящной густой решеткой, стояла низкая кровать такой ширины, что киммериец, отличавшийся немалым ростом, спокойно поместился бы поперек нее. На одной из стен, справа от кровати, висело большое серебряное зеркало без оправы, но несколько масляных светильников, обрамлявших его, бросали такие причудливые тени, что казалось: оправа была, причем не простая, а все время менявшаяся. Глубокое кресло и столик возле двери, на котором стояли серебряный кувшин и таз для умывания, завершали обстановку.

Конан плотно закрыл дверь, сел на край кровати, достал подарок Аркада и задумался. Что делать? Верить рыжему или нет? Произойди этот разговор не в замке Гекмона, варвар не усомнился бы в искренности мальчишки. А так... К тому же он заявил, что не человек вовсе, а Конан с младых ногтей всю эту дрянь не любил. Но ведь хозяин замка — с ним явно что-то нечисто. Что сказал про него Аркад? Что он вампир и высасывает из людей силу. Не зря мерзавец даже помолодел, а он, Конан... Киммериец резко встал и подошел к зеркалу. Да, ему не почудилось. Вдвое постарел... С этой пакостью мечом не совладать. Он еще раз посмотрел на свое отражение. А, собственно, что он теряет? И что за корысть рыжему обманывать его? Была не была!

Конан решительно повесил на грудь Корень Жизни и приготовился... К чему? Он сам не знал. Может, гром должен был грянуть, может, фея какая-нибудь явиться... Но ничего не произошло. И отражение в зеркале ничуть не изменилось.

«Ну и Нергал с ним,— мрачно подумал варвар.— Надеюсь, выспаться мне это не помешает?» Он быстро разделся и нырнул под легкое пушистое одеяло на белоснежные простыни.

Спал он без сновидений, что бывало с ним довольно редко. Обычно он видел во сне такие яркие картины, что, пробудившись, не всегда сразу мог понять, где находится. То ему снилось, как он с мальчишками в далеком детстве лазает по горам, то ему представлялись гладиаторские арены в далекой Халоге, то виделись морские сражения, в которых он никогда не участвовал, а однажды он даже узнал во сне историю меча, который нашел в пещере, спасаясь от волков... Но на сей раз сон его был глубоким и ровным, и, открыв глаза, Конан почувствовал, что замечательно отдохнул. От вчерашней усталости не было и следа.

Он быстро поднялся, нацепил свой нехитрый наряд, с удовольствием умылся чистой прохладной водой из кувшина, а когда шел к креслу, чтобы забрать меч, ненароком взглянул на висевшее на стене зеркало и остолбенел. Вчерашние морщинки разгладились, черные волосы без малейшего намека на седину снова отливали синевой воронова крыла.

Конан широко улыбнулся: «Спасибо тебе, рыжий. Теперь-то уж мы поборемся!»

Гекмон встретил киммерийца, как всегда, улыбаясь:

— Рад приветствовать тебя, мой юный друг. Ты, я вижу, хорошо отдохнул. Молодость... Она быстро набирается сил. Прекрасно! Это сулит увлекательную игру...

Вампир и не подозревал, что впервые за сотни лет ему не повезло. И дело было даже не в том, что одна из Красных Теней предала его и встала на сторону смертного. Этот смертный был любимцем богов, и Ксотли, древнее полузабытое божество, не обладал такой мощью, чтобы достойно противостоять им. Да и не собирался делать этого. Его дети, покидая мир людей, питали старого бога, растворяясь в нем, придавая ему сил, а Гекмон уже слишком долго был человеком...

Игра продолжилась. Конан раз за разом с честью выдерживал выпадавшие ему испытания, но не дряхлел, а вопреки ожиданиям вампира становился лишь более сильным и ловким, приобретая бесценный боевой и жизненный опыт.

Киммериец победил лучших воинов племени людей-птиц, и те, признав его заслуги, наградили юношу орлиным зрением. Он пробудил к жизни древний лес, уничтожив полоумную ведьму Ланторанту, и счастливые обитатели леса даровали ему умение видеть в темноте. Он спустился на дно холодного океана и освободил от злых чар королеву русалок, за что получил еще один неоценимый дар — непобедимость. Конан преодолел бескрайнюю пустыню и научился выживать в этих страшных условиях. Ему даже привелось побывать в га-

реме могущественного владыки и, чтобы красоти не выдали его, провести с каждой пылкой ночь любви. Он встречался с разными людьми, боролся с монстрами и зомби, поднимался в горы к самым небесам и спускался под землю. В его родном мире прошло всего несколько дней, а там, в игре, он прожил несколько жизней.

Наконец настал день, когда он должен был сделать последний ход и либо победить, либо умереть. Придя утром в комнату Гекмона, Конан удивился: рядом с хозяином замка сидела хорошенькая темноглазая девушка.

— Знакомься,— сказал маг.— Сонатра, дочь советника короля Зингары. Это за ней ты пришел сюда.— Девушка с надеждой посмотрела на киммерийца.— От исхода игры зависит, встретится ли она с отцом. Но ты не обольщайся. Еще никто не обыгрывал меня в джидак.

— Должен же кто-то начать,— пожал плечами варвар.

Он сгреб кубики и, почти не встряхивая, бросил: до конца игрового поля оставалось всего два шага, а значит, в любом случае ему завершать игру. Два и выпало. Гекмон поморщился, усмотрев в этом дурной знак, а фигурка воина, бодро шагнув вперед, замерла на последней точке. Центральный круг игрового поля замерцал и погас, не явив ни одной картины.

— Что это значит? — Конан подозрительно покосился на Гекмона.

— Скоро узнаешь! — зловеще расхохотался тот, и темнота поглотила киммерийца.

...Очнувшись, Конан увидел, что стоит в дремучем лесу. Солнце, судя по всему, недавно опустилось за горизонт. Было самое начало ночи, когда воздух еще пропитан дневным теплом, а небо не приобрело глубины черного бархата и звезды только зажглись едва заметными огоньками.

Высокие деревья со всех сторон окружили киммерийца, густой кустарник, льнувший к могучим стволам, так тесно переплел ветви, что даже зоркие глаза варвара не могли различить ни одного просвета.

Неожиданно Конан почувствовал, что его начинает душить страх, липкий, холодный, как в детстве, когда он с приятелями выдумывал ужасные рассказы, чтобы пощекотать друг другу нервы и закалить волю.

О чем только не болтали они, сидя в сгущавшихся сумерках! Об оборотнях, о волках-людоедах, о неприкаянных душах, ставших вампирами, о кошмарных чудовищах, рожденных богатым воображением и страхом.

С трудом стряхнув внезапное оцепенение, киммериец достал меч и шагнул вперед, намереваясь прорубить в кустах дорогу. Куда он собрался идти, Конан и сам не знал, но не стоять же на одном месте, даже кожей чувствуя опасность, притаившуюся в ночной мгле.

Острый клинок, поблескивая в призрачном свете голубой луны, прорубал в зарослях тропинку, и варвар прошел уже сотни полторы шагов, когда жуткий вой, раздававшийся, казалось, ото всюду, прорезал тишину. Конан замер и прислу-

шался. Сомнений быть не могло: волки. Странно. Серые хищники охотились стаями в основном зимой, а сейчас, когда в лесу было полно жизни, они прекрасно могли прокормиться поодиночке. Что-то здесь было не так.

Справа, слева и впереди вспыхнули красные огоньки голодных глаз, и киммериец увидел трех огромных матерых зверей. Волки напряглись, готовясь к прыжку, но нападать пока не отваживались. Конан, сжав рукоять меча, замер в боевой стойке. Три долгих удара сердца он ждал, пока наконец один из хищников, тот, что был впереди, не прыгнул.

Сверкнул клинок, мягко погружаясь в податливую плоть, и крупная лобастая голова с белым пятном между ушами, разбрызгивая кровь, покатилась в кусты. Два других зверя словно ждали этого. Взыв так, что мороз пробежал по коже варвара, они одновременно бросились на него с двух сторон.

Конан резко присел, вскинув вверх руку с мечом, и один из волков, отчаянно завизжав, испустил дух, пронзенный насквозь. Оставался еще один, который, развернувшись, снова летел на Конана. Быстрое движение — и благородная сталь рассекла надвое могучее тело зверя-людоеда. Все кончилось, едва успев начаться.

Киммериец, не выпуская меча, отер со лба пот, окинул взглядом поле битвы, и сердце его подскочило к самому горлу. Отрубленная голова открыла глаза, губы хищника дрогнули, обнажив острые клыки, и обезглавленное туловище поползло вперед, словно уловив безмолвный зов.

«Бежать!» Эта мысль огнем полыхнула в мозг Конана, и он помчался прочь, не разбирая дороги, не чуя под собой ног. Он бежал все быстрее и быстрее, пока вдруг не понял, что опасность миновала.

Конан огляделся: небольшая поляна, окруженная все тем же лесом, а где-то впереди тихо плещет вода. Речка? Похоже. На его родине часто встречались такие вот небольшие лесные речушки, всегда холодные, но чистые, и вода в них была необычайно вкусна.

Река и в самом деле оказалась совсем близко. Конан набрал полные пригоршни воды, с удовольствием умылся и сделал несколько глотков. И, странное дело, будто и не вода это вовсе была, а живительный бальзам, от усталости не осталось и следа.

Киммериец присел на берегу, опустил руку в ласковую воду и, глядя, как она, разбиваясь о пальцы, весело бежит куда-то вдаль, задумался. Все места, куда он до сих пор попадал, явно не существовали в его мире. А этот край до боли походил на его родину. Но если он и правда очутился в Киммерии, Гекмону надеяться не на что. Кому, как не Конану, знать эти леса, реки, горы? Он здесь родился и вырос, он помнит каждый камешек, каждую травинку и знает, какие опасности могут подстерегать его. Вот только не худо бы было разобраться, куда именно занесла его волшебная сила, и тогда станет ясно, как отсюда выбираться.

Он снова посмотрел на воду и вдруг радостно улыбнулся. Как он сразу не сообразил! Река! Воз-

ле нее обязательно должны быть деревни. Надо пойти вниз по течению, и еще до полуночи он наткнется на какое-нибудь село. Киммерийцы, правда, народ неприветливый, неожиданных гостей не очень-то приветчают, особенно ночных, но уж соплеменника-то не прогонят.

Варвар поднялся и бодро зашагал вдоль берега, вдруг представив, что не было этих лет на чужбине, что он снова стал тем мальчишкой, каким был не так уж давно, и что скоро он увидит родной дом. Он вспомнил друзей беспечного детства, отца, мать и так размышлял, что даже забыл об осторожности.

Громкий треск ломаемых ветвей резко оборвал приятные воспоминания, и прямо перед Конаном возник медведь.

Он был не очень крупный, не выше киммерийца, но маленькие налитые злобой глазки, желтые кривые клыки, с которых капала розовая пена, и длинные черные когти на лапах ясно говорили о том, что зверь опасен.

Варвару приходилось когда-то охотиться на медведя, и он знал, насколько этот зверь силен и ловок. Быстро выхватив меч, Конан бросился вперед, не давая медведю напасть первым. Попадись он в цепкие лапы хищника — и пропал. Из таких объятий мало кому удавалось вырваться. Не успел косматый опомниться, как стальное лезвие распороло ему брюхо и густая кровь потоком хлынула на землю. И тут произошло невероятное. Медведь закричал, но крик его был криком смертельного раненого человека. Прямо на глазах изумлен-

ного варвара зверь начал изменяться, и через несколько мгновений на траве лежал высокий, крепкий еще старик, зажимая двумя руками страшную рану. Он посмотрел на Конана ненавидящим взглядом и прохрипел:

— Не радуйся, юнец... Меня так просто не убьешь... Я тебя еще достану...

Оборотень! Не отвечая, киммериец снова бросился бежать. Оборотня мечом не возьмешь. Надо отыскать людей, предупредить их об опасности, раздобыть серебряное оружие и тогда... Что будет тогда, он додумать не успел. Видимо, боги услышали его мольбы: впереди показалась деревня.

Добежав до ближайшего дома, Конан изо всех сил ударил кулаком в тяжелую дверь. Чей-то недовольный голос спросил:

— Кого это демоны носят посреди ночи?

— Я Конан, из клана Канахов. Заблудился в лесу...— Варвар перевел дыхание.— Открой, хозяин, беда на пороге.

— Почем мне знать, что ты не врешь? — пробурчал хозяин, но дверь все-таки открыл, внимательно посмотрел на Конана и кивнул: — Входи.

Хозяин оказался коренастым крепким мужчиной лет сорока, из рода Мурохов, о чем красноречиво свидетельствовала его выступающая тяжелая нижняя челюсть. Звали его Кронвит. Жил он вдвоем с дочерью, невзрачной пятнадцатилетней девушкой по имени Санга. Пока она хлопотала, накрывая на стол, Конан успел рассказать Кронвиту о своей встрече с оборотнем, но того рассказ гостя, похоже, ничуть не взволновал.

— Садись к столу,— только и сказал он.— Поешь, отдохнешь с дороги, а завтра поговорим.

Конан, вдруг почувствовав, что сильно проголодался, сел на деревянную, чисто выскобленную лавку, подвинул поближе блюдо со слегка обжаренным мясом и с удовольствием проглотил первый кусок. Хозяин и его дочь уселись напротив, но ни он, ни она к еде даже не притронулись.

— А вы что же? — удивленно посмотрел на них варвар.

— А мы попозже, когда вкусненькое присплет,— переглянувшись с Кронвитом, ответила Санга и одарила гостя радостной улыбкой.

В слабом свете масляной лампы блеснули острые клыки. «Вампиры! — подумал Конан.— О боги! Как в детских сказках: то волки-людоеды, то оборотень, а вот теперь вампиры...— И тут он обо всем догадался: — Как в сказках?.. Кром! Да это же мои детские страхи! Ничего этого нет!»

Он уткнулся лицом в ладони и захохотал так оглушительно, что с потолка дряхлого домика посыпалась труха. Он смеялся до слез, то хлопая себя ладонями по коленкам, то всхлипывая, и вампиры, вдруг подернувшись дымкой, исчезли, а вслед за ними пропали дом, речка, лес... Конан будто нырнул в темноту, а когда выплыл из нее, увидел, что вернулся в замок Гекмона.

* * *

В комнате, где они начали игру всего несколько дней назад, почти ничего не изменилось, только стало немного темней. Зато Гекмона было труд-

но узнать. Он сидел за столом, на котором была разложена игра, вцепившись мелко-мелко дрожащими пальцами в края деревянной шкатулки, а по его позеленевшему лицу обильно струился пот. От былой жизнерадостности вампира не осталось и следа, от него исходили волны такого ужаса, что их, казалось, можно потрогать рукой.

Повинуясь внутреннему порыву, Конан взял за руку Сонатру, которая застыла в кресле, с изумлением глядя на Гекмона, и потянул девушку за собой. Та беспрекословно повиновалась, и они, отступив к двери, остановились, ожидая, что будет дальше.

— Я проиграл...— чуть слышно проговорил вампир.— Я проиграл.— Он поднял покрасневшие глаза на Конана: — Забирай ее. Это честная добыча...

— Пора! — прогремел вдруг откуда-то сверху голос, похожий на раскаты грома.— Я долго ждал, сын мой. Приди же в мои объятия.

Гекмон вздрогнул и вжался в кресло, пытаясь избежать неизбежного. Огромный паук, зависший под потолком, вдруг зашевелился, протянул к своему чаду лапы-щупальца, обнял его, и Гекмон начал таять, становясь все меньше и меньше, пока не исчез совсем. Единственный глаз демона Древней Ночи ярко вспыхнул, и киммериец, словно очнувшись, толкнул дверь и выбежал в коридор, волоча за собой девушку, которая едва передвигала ноги от охватившего ее страха.

Крепко выругавшись и помянув при этом всех известных ему демонов и темных богов, Конан взвалил Сонатру на плечо и помчался вперед, еще не

зная, какая опасность им грозит, но нисколько не сомневаясь, что оставаться тут нельзя. Будто в ответ на его мысли пол под ногами дрогнул, и варвару показалось, что замок вдруг зашевелился, как пробудившийся ото сна огромный зверь. Он прибавил шагу и тут же понял, что все его усилия напрасны: логово вампира начало медленно уходить под землю.

Но Конан не был бы Конаном, подумай он хоть на миг о том, чтобы сдать без боя. Он начал на бегу распахивать все попадавшиеся ему по пути двери и за одной из них обнаружил лестницу, круто уходящую вверх. Очутившись в несколько прыжков под самой крышей замка, киммериец выглянул в окно: жилище Гекмона неумолимо оседало, а вокруг него разрасталась чудовищная воронка. Варвар мгновенно понял: выбор невелик. Либо оказаться погребенным вместе с замком, либо попробовать прыгнуть. Будь он один, он не сомневался бы в успехе, но с девушкой на плече... Он попытался привести Сонатру в чувство, но бедняжка пребывала в глубоком обмороке. Как скоро она сможет прийти в себя, Конан не знал, а времени у него оставалось все меньше. «Была не была,— подумал он.— Не бросать же ее здесь. Жалко девчонку... Да и награду за нее обещали немалую...»

Он помедлил еще мгновение, прыгнул и уже в полете понял, что просчитался: до края воронки оставалось не меньше локтя. Конек! Не успел киммериец подумать об этом, как из окна башни выплыло красное облако и устремилось к нему. И тут же словно крепкие руки подхватили варвара и де-

вушку, перенесли их через все увеличивавшуюся пропасть и мягко опустили на землю. Облако зависло над головой Конана, все время меняя очертания, но он так и не узнал ни один из обликов, которые пыталось принять спасшее ему жизнь Нечто. Наконец облако задрожало, сбиваясь в тугие комки, и киммерийцу почудилось, что на миг в нем мелькнули чьи-то смутно знакомые черты, но тут огромная черная туча, возникшая над замком, выбросила гибкие щупальца, разметала ими красное облако и стремительно унеслась в небо. Над воронкой взметнулся смерч, прокатился по поляне, где совсем недавно стояло логово Гекмона, и растаял.

Все кончилось. Воронка затянулась, и на том месте, где возвышался грозный замок, остался большой песчаный крут.

Конан долго смотрел на него, размышляя, не приснилось ли ему все это, пока его мысли не прервал нежный девичий голосок:

— Что тут произошло? Где мы?

— Ты можешь идти? — спросил варвар, не отвечая на вопросы.

Сонатра кивнула.

— Тогда пойдем. До твоего дома еще много дней пути.

Он подал девушке руку, и они быстро зашагали прочь от кошмарного места, торопясь уйти как можно дальше.

...Вопреки ожиданиям Конана путь в Кордаву оказался намного длиннее, чем он рассчитывал. Сонатра, любимица не только своего отца, но и зингарского короля, была избалованной, каприз-

ной и взбалмошной девицей, которая считала, что любой мужчина не может не влюбиться в нее с первого взгляда и должен быть счастлив, потакая ее прихотям. Едва лишь страх прошел и девушка поняла, что ей больше ничто не угрожает, она показала свой немыслимый характер во всей красе. Она то закатывала истерики и наотрез отказывалась идти пешком, и тогда варвару приходилось нести ее, то вдруг начинала смеяться и рассказывать о своих головокружительных успехах при дворе, то вдруг беспричинно рыдала, жалея себя...

В конце концов киммерийцу пришлось вспомнить полученные в Шадизаре навыки, незаметно умыкнуть пару кошель и коня в какой-то придорожной таверне, и после этого его жизнь стала чуть-чуть легче, так как он смог выполнять некоторые желания красотки, да к тому же ей не нужно было теперь идти пешком, а ему — тащить ее на себе. И все равно ему приходилось постоянно сдерживать себя, чтобы не задушить проклятую девку, и, если бы не обещанная награда, он, наверное, так бы и поступил, хотя до этого у него никогда не возникало даже мысли о том, что он может обидеть женщину.

И вот наступил долгожданный день, когда впереди показались городские стены Кордавы. «Ну вот и все,— облегченно вздохнул варвар.— К полудню будем на месте, сдам эту стерву истосковавшемуся папаше, получу деньги и отправлюсь в Клоаку. Ох и надерусь же я сегодня... Или лучше договориться с Клонильдой? Впрочем, одно другому не мешает. Мы можем и вместе выпить...»

Он так размечтался, что даже не заметил, как миновал последнюю часть пути, и пришел в себя только перед воротами королевского дворца, когда два дюжих стражника преградили ему дорогу, скрестив перед самым носом длинные копья.

— Куда лезешь, голодранец? — грозно спросил один из них.— Это дворец короля Зингары, и ни тебе, ни твоей девке тут делать нечего.

— Девке?! — взвизгнула Сонатра, соскочила с коня и бросилась к стражнику, вытянув вперед руки, словно намеревалась выцарапать ему глаза.— Девке?! Ты заплатишь за свои слова головой, и я с удовольствием посмотрю, как палач отрубит ее. Я Сонатра, дочь советника Его Величества, а этот храбрый воин спас меня от злого колдуна. Пока ты здесь бока нагуливал, мы с ним жизнью рисковали...

На ее крики к воротам выбежал начальник дворцовой стражи, внимательно посмотрел на девушку и гаркнул:

— Немедленно впустить! — Он склонился до самой земли: — Не гневайся, прекрасная... Дурни они, что с них взять? Всего третий день на службе.

Сонатра фыркнула, как разъяренная кошка, пнула беднягу ногой и, схватив Конана за руку, устремилась к парадной лестнице.

Что началось чуть позже, описать невозможно. Поднялась невообразимая суета. Казалось, не только обитатели дворца, но и все жители Кордавы сбегались посмотреть на Сонатру и героя, который вырвал ее из лап смерти. Приветствовать

Конана вышел сам советник Мерильдо. Высокий седой старик обнял дочь, прижал ее к себе, потом слегка отодвинулся и долго смотрел в любимое лицо, не скрывая слез, струившихся из глаз, и нисколько не стыдясь их. Затем, налюбовавшись обожаемым чадом, Мерильдо повернулся к варвару:

— У меня нет слов, достойный юноша, чтобы выразить свою признательность. Ты получишь награду за свой подвиг, но, какой бы она ни была, я все равно твой вечный должник. Скоро жизнь твоя резко изменится. А пока тебе надо отдохнуть. Слуги проводят тебя. Им приказано выполнять все твои желания. Вечером сам король примет тебя, чтобы выслушать твой рассказ.

Он положил Сонатре руку на плечо, и они удалились. К Конану подошли двое слуг и с низким поклоном попросили его следовать за ними. Он никак не ожидал такого поворота событий и даже слегка растерялся. Киммериец думал, что ему сразу вручат обещанные деньги и отпустят на все четыре стороны. Впрочем, пожить денек-другой в королевском дворце — это даже интересно. Будет о чем рассказать в Клоаке.

Его провели в роскошные покои, состоявшие из трех комнат. В первой, довольно просторной, стоял овальный стол на изогнутых ножках, накрытый светло-зеленой вышитой скатертью, возле стола — три стула, обитых изумрудным бархатом, с высокими спинками. У одной из стен располагался камин, а почти вплотную к нему — удобное глубокое кресло.

Из комнаты вели две двери: одна — в спальню, а вторая — в просторный зал с бассейном и золотой ванной, где даже Конан мог спокойно вытянуться во весь рост. Ванна была наполнена горячей водой с ароматическими солями, и от нее шел нежный запах хвои.

— Устраивайся, господин, — сказал один из слуг и снова поклонился. — Если тебе что-нибудь понадобится, в каждой комнате есть такой шнур. — Он показал на витой шнурок с тяжелой золотой кистью на конце, висевший возле двери. — Потяни за него, и слуги явятся немедленно. Тебе что-нибудь еще нужно?

— Нет, — помотал головой варвар. — С ванной я как-нибудь сам справлюсь. Ступайте.

Привыкший к жизни простой и, как правило, лишенной всяческих удобств, Конан почувствовал себя наверху блаженства, когда, быстро скинув одежду, погрузился в горячую воду. Ему казалось, что вместе с дорожной пылью он смывает с себя не только усталость, но и прежние неудачи. Как там сказал советник? «Скоро твоя жизнь изменится...» Денег, наверное, отваяют от души, а может, и в королевскую гвардию на службу возьмут. А что? Совсем неплохая жизнь. И сытно, и, по всему виду, не очень хлопотно. Не вечно же в Клоаке ошиваться. Там, конечно, весело, да и сам себе хозяин. Но и на службе у короля тоже неплохо. И карьеру можно сделать. Была бы голова на плечах...

Он выпрыгнул из ванной, нырнул в бассейн с прозрачной голубой водой и с наслаждением проплыл его несколько раз от стенки до стенки.

Искупавшись и почувствовав себя будто заново родившимся, киммериец вдруг понял, что проголодался, и решил, что пора одеваться и звать слуг, чтобы принесли чего-нибудь поесть и выпить.

Закутавшись в огромное мягкое полотенце, Конан взглянул на свою грязную одежду и сморщился: надевать пыльные тряпки на чистое тело совсем не хотелось. Может, раз уж его так роскошно принимают, в спальне найдется одежонка получше? Ступая босыми ногами по пушистому ковру, он толкнул дверь в комнату, где стояла широкая кровать, покрытая небесно-голубым шелковым покрывалом, и обомлел: на великолепном ложе, приготовленном для гостя, сидела Сонатра, ослепительную наготу которой едва прикрывали наилегчайшие одеяния, скорее подчеркивавшие, чем прятавшие, соблазнительные формы девушки.

— Удивлен? — Она кокетливо склонила голову набок. — Я соскучилась по тебе. — Девушка приторно вздохнула. — За эти дни я так к тебе выкла...

Она не договорила, но киммериец прекрасно понял ее и без слов. В его жизни были разные женщины, и он знал, какие радости сулят объятия красавиц, однако привык думать о Сонатре не как о желанной прелестнице, а как о тяжелой обузе, от которой всей душой жаждал поскорее избавиться. Но сейчас... Девушка была так хороша, что он невольно почувствовал, как желание горячей волной прокатилось по его телу, заставляя разум замолчать и выпуская на волю голодного хищного зверя.

Насколько невыносима эта девица была, пока они добирались в столицу Зингары, настолько потрясающе хороша оказалась она на ложе любви. Она отдавалась Конану так страстно, так полно, что ему казалось: он парит в небесах, а светлые боги, качая его, как младенца, несут к его ногам самые щедрые дары.

Потом они долго лежали рядом, он нежно гладил шелковистые кудри, разметававшиеся по подушке, и слушал ласковый лепет женщины, которая подарила ему самые восхитительные мгновения любви в его жизни.

Неожиданно Сонатра резко села, спрыгнула с кровати и лукаво посмотрела на киммерийца:

— Ты был великолепен. Я не ошиблась в тебе.

Она накинула свои легкие одеяния и бесшумной тенью выскользнула из спальни.

Барвар встал, оделся в приготовленные для него штаны из тонкой кожи и бархатную куртку, застегнул ремень, прикрепил к нему ножны с мечом и, вдруг почувствовав, что сейчас просто умрет от голода, дернул тяжелый шнур, висевший у изголовья кровати. Не успел затихнуть серебряный звон колокольчика, как на пороге возник один из слуг, который провожал киммерийца в его покои.

— Слушаю тебя, мой господин.

— Принеси поесть. И вина, побольше.

— Прошу к столу. Через пару мгновений все будет исполнено.

Конан вышел в соседнюю комнату и едва взялся за спинку стула, как вошли несколько слуг с под-

носами, уставленными всевозможной снедью и кувшинами с ароматным вином. В мгновение ока на столе не осталось и пол-ладони свободного места. Киммериец жестом отпустил слуг и набросился на еду. Ничего более вкусного ему пробовать не приходилось. Жемчужно-розовая рыба, печеные овощи, жареное мясо молодого вепря и оленя, разнообразные маринады, легкое терпкое вино, свежие сочные фрукты — все было просто великолепным, и Конан невольно подумал, что от еды, оказывается, можно получать не меньшее удовольствие, чем от объятий самой страстной красавицы.

Набив до отказа свою бездонную утробу и совершенно ослотившись от сытости, он откинулся на спинку стула и подумал: «Пожить бы так хоть годик, надолго воспоминаний бы хватило». Вдруг дверь распахнулась, и вошедший слуга, поклонившись до самого пола, сказал:

— Мой господин, тебя ждет король Зингары. Приказано проводить тебя.

— Что ж, — сыто улыбнулся Конан, — веди.

Тронный зал, где правитель Зингары принимал гостей, ошеломлял роскошью, настолько вычурной и нелепой, что она, скорее, не вызывала восторг, а душила. Золото, драгоценные камни, богатое оружие на стенах, драпировки из редчайших тканей, собранных со всего мира, замысловатый рисунок паркета из сотен сортов дерева — все это, по-видимому, должно было вызывать трепет и порождать у всякого, кто ступил под эти своды, мысли о собственной никчемности. У всякого,

го, но только не у киммерийца, для которого деньги означали только одно: возможность сытно поесть, выпить доброго вина и повеселиться. Зачем человеку денег больше, чем он может потратить?

У дальней стены зала, затянутой темно-синим бархатом, который украшала сложная вышивка из серебряных и золотых нитей с вкраплениями редкого цветного жемчуга, стоял трон — широкое кресло с резными подлокотниками и высокой изогнутой спинкой. На нем восседал король, плечи которого покрывала просторная мантия из белоснежных шкурок крошечных зверьков, специально выращиваемых только ради их ценного меха. Король был уже немолод и, судя по желтоватому цвету дряблой кожи, слаб здоровьем. Но силы его подточили не долгие труды на благо отечества, а страсть к обжорству и плотским утехам, о коих среди подданных монарха ходили многочисленные слухи, часто злые и едкие.

На ступеньках трона, облаченные в одинаковые синие с золотом одежды, стояли высокие широкоплечие стражники — личная гвардия короля, попасть в которую было очень непросто. У ног властителя на низкой скамье из черного дерева сидели советник Мерильдо и его единственная дочь Сонатра. Многочисленные придворные расположились вдоль стен Тронного зала, с интересом поглядывая на дверь, откуда должен был появиться юный герой, вернувшийся старому советнику его самое большое сокровище. Молодой варвар честно заслужил милость самого короля, и все с нетерпением ожидали, что сделает его величество.

Наконец дверь распахнулась, и возникший на пороге слуга провозгласил:

— Конан-киммериец явился по зову вашего величества.

Король встрепнулся, внимательно посмотрел на слугу и важно кивнул:

— Пусть войдет.

Пока монарх расспрашивал Конана обо всех приключениях, выпавших на его долю, пока Сонатра, ласково поглядывая на варвара, превозносила его мужество и отвагу, пока советник изъяслял свою безграничную благодарность и признательность за спасение своей дочери, в зале стоял легкий, едва слышный гул: придворные, а особенно дамы, обсуждали юношу, который произвел на них неизгладимое впечатление. Но вот король поднял руку, и тут же повисла тишина.

— Ну что ж, киммериец, ты совершил подвиг и достоин награды...

Он начал распинаться о том, как ценит мудрость и преданность своего советника, с какой нежностью относится к Сонатре, которую любит, как собственное дитя, как огорчило его горе верного Мерильдо, с каким нетерпением он ждал, когда отец вновь сможет прижать к груди обожаемое чадо, но Конан слушал его вполуха. Он думал о том, сколько ему заплатят и предложат или нет службу в личной гвардии его величества, а если предложат, то велико ли будет жалованье и как долго он будет наслаждаться этой чудесной жизнью. Варвар так высоко вознесся в своих мечтах, что когда наконец услышал, что сказал ко-

роль, ему почудилось, будто потолок Тронного зала опустился ему прямо на голову.

— Итак, мой юный друг,— проговорил монарх, сладко улыбаясь,— ты заслужил высочайшей милости, и мой добрый Мерильдо согласился отдать тебе в жены свою любимую дочь...

— В жены?! — невольно вырвалось у Конана.— Да я...

Он хотел сказать, что он лучше пойдет в темницу, чем женится на этой взбалмошной и сумасбродной девице, что воля ему дороже всего, что ни одна красotka не заменит ему свободы, что... Но король не дал ему сказать ни слова и тем самым спас жизнь нахальному юнцу.

— Я понимаю тебя,— важно кивнул повелитель Зингары.— Ты не ожидал от нас такой щедрости. Не надо благодарить. Ты достоин такой награды.

На счастье Конана, его растерянность все восприняли совершенно неправильно. Решив, что юноша потерял голову от счастья, король милостливо позволил ему удалиться, чтобы в одиночестве прийти в себя и осмыслить случившееся.

— Завтра же состоится ваша свадьба,— на прощание сказал он.— А вечером я сам устрою пир в честь молодых.

Не чуя под собой ног, киммериец вернулся в свои покои. «Нергал вам в печень,— думал он, меряя комнату шагами.— Надо же так вляпаться! Вот уж награда так награда. Лучше бы эту стерву Гекмон угробил. Будь проклят тот день, когда я взялся за это гиблое дело. Да ведь мне и в голову не приходило, что вместо денег мне подсунут

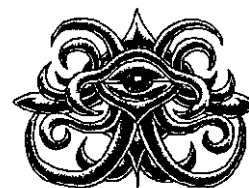
девушку. И еще какую! Что делать? Отказаться — так голову открутят и глазом не моргнут. Согласиться... Согласиться?» Он еще долго ходил по комнате от стены к стене, пока вдруг не остановился и радостная улыбка не озарила его лицо. Теперь он знал, что будет делать.

...Поздней ночью, в самый глухой ее час, когда даже самые бдительные стражи не в силах бороться с дремотой, на стене, окружавшей королевский дворец, показался молодой человек. Он быстро посмотрел по сторонам, удовлетворенно кивнул, поправил на плече большой узел, проверяя, не звякнет ли в нем что-нибудь, бесшумно спрыгнул на землю и через пару мгновений растворился в темноте. Город спал, и никому не было дела до одинокого путника, решительно направлявшегося в сторону Клоаки...

Глава первая

Ледом за первым на дворцовые ворота обрушился новый мощный удар. Гигантский дубовый ствол врезался в центр ворот, обе половины которых состояли из тесно пригнанных друг к другу обожженных брусьев. Створы устояли, но затрещали и слегка покачнулись.

Порывы ветра все усиливались, точно вдыхая невероятную силу в новые таранные атаки. Черные тучи смыкались над Дворцовым Холмом, и небо приобретало цвет разверстой могилы.

Врата выдержали еще лишь несколько ударов. Потом они распахнулись, обе половины разлетелись в стороны, они были сорваны с петель и снесены напроць, отброшены от стен. В это же мгновение внутрь вкатились клубы густой серой пыли, в которых металась толпа обезумевших от опасности атлантов.

Все они торопились ворваться в дворцовый двор, поэтому в проеме ворот мгновенно возникла невероятная давка — плотная людская масса

сгущалась около прохода, беспорядочно колыхалась в завихрениях пыли.

Некоторые безумцы пытались преодолеть защитные ограждения с помощью тросов, и кому-то это удавалось сделать, хотя многие обрушивались вниз, не достигнув верхнего края стен. Они срывались, чтобы не подняться уже никогда, — тот, кто падал под ноги такой толпы, мог сразу попрощаться с жизнью, поскольку шансов встать снова у него не оставалось никаких.

Кости несчастных хрустели под ногами их соплеменников, снизу, от земли, доносились вопли и последние хрипы, но никто не обращал на них внимания, думая только о спасении собственной жизни.

Приближалось Великое Наводнение.

Холодные волны шаг за шагом безжалостно пожирали столицу Валузии, и каждый стремился прорваться за дворцовые стены, где на вершине Холма чернел мраморный дворец, внутри которого только и оставалось надеяться на спасение.

Цеенор-Зера, Владыка Змеинового Скипетра, смотрел на беснующуюся толпу сверху, из узкого дворцового окна, напоминающего, скорее, продольную прорезь в острой грани кристалла.

До его слуха доносились яростные крики, заглушаемые завываниями безжалостного ветра, несущего тучи пыли.

С каждым мгновением небо чернело все больше, и гигантская тень надвигалась на дворец, подобно неумолимой длани, готовой прихлопнуть его, словно навозную муху.

Рожденный во дворце владыки, и сам Цеенор-Зера был призван со временем править плодородной Валузией. Но нет предела вероломству богов! Все чаще властитель думал, что двенадцать богов сговорились между собой и ополчились против царственного народа людей-змей.

Сначала на побережье высадились атланты. Эти смердящие звериным потом дикари вторглись в пределы Цеенор-Зера и захватили валузийские земли, почти не встретив отпора. Змеелюди плохо воевали, они не были рождены для ратного дела, а разводили цветущие сады, строили великолепные дворцы и покрывали затейливыми буквами-графемами страницы толстых книг.

По всему королевству было разбросано множество храмов, огромных, как скала, и маленьких, наподобие охотничьей хижины в лесу. Валузийцы трепетно любили своих богов и более всего почитали семиглазого Цатогуа, ведь именно он сошелся в тьме времен с прекрасной Земелой, и от их союза на брачном ложе и пошел царственный народ людей-змей.

Атланты относились к ним с омерзением. Победители глумились над пленными валузийцами, срывали с них одежды и раскаленными докрасна топорами обрубали руки и ноги. Обезумев от боли, несчастные ползали в грязи, извиваясь всем телом, а гогочущие дикари дергали их за чешуйчатые хвосты и кричали, что снова превратили их в змей.

Но потом пришельцы поняли, что обладают лишь грубой силой, а валузийцы владеют мудро-

стью и многими тайнами жизни. Династии Змеиного Скипетра было позволено жить во дворце из черного мрамора. Как и прежде, в храмах стали совершаться службы, и по жертвенным желобам снова потекла густая кровь черепах. Но и теперь боги словно не слышали печальных песнопений, их не удовлетворили богатые жертвоприношения, и они решили ради своей потехи отдать земли Валузии во власть новой беды.

Первыми заговорили об этом жрецы храма Цатогуа. Сначала шепотом, а потом и в голос они стали сообщать о приближении конца света, о наступлении в самом скором будущем Великой Катастрофы.

И жрецы не ошиблись.

Небеса заволокли черные тучи, напоминающие клубы дыма исполинского пожара. Море, отстоящее от валузийской столицы на расстояние двух дней пути, внезапно вышло из берегов и начало пожирать плодородные земли, принадлежавшие валузийской династии.

Первым делом погибли прибрежные поселения, под водой оказались цветущие сады и многочисленные пасеки — змеелюди считали пчел самым изысканным лакомством, а мед вместе с рыбьими костями и смолой входил в состав особого строительного клея, состав которого хранился в строжайшем секрете.

Следом за пасеками волны поглотили леса. Даже огромные валузийские дубы, вздымавшиеся к небесам как башни, оказались под водой, над поверхностью которой покачивались лишь верхуш-

ки их крон. Ветер свирепствовал и гнал ненасытные волны все дальше и дальше вглубь королевства, оставляя за собой лишь вспенивающуюся рябью пустыню.

* * *

...Повернувшись, Цеенор-Зера бросил взгляд на свое отражение в жемчужном зеркале, привезенном ему в подарок послами от владыки королевства Грондар. По обе стороны от полированной жемчужной пластины с волнистыми краями полыхали факелы. Языки пламени раскачивались гулявшим по дворцу ветром, и в неясном мерцающем свете Владыка Змеиного Скипетра видел свое узкое удлинненное лицо, совершенно лишенное растительности. Раньше он всегда любовался собой, ему нравилось смотреть, как переливается чешуя на подбородке и шее — от розового и золотистого цветов к бирюзовому, а порой и малахитовому, в зависимости от падавшего на лицо света. Узкий изящный нос ничем не отличался от человеческого, но тонкая переносица плавно переходила наверху в витой гребень, разделяющий голову надвое.

В мгновения душевной смуты Владыка Скипетра призывал к себе своих маленьких сыновей и гладил их по головкам. Тонкие руки Цеенор-Зера с перепончатыми ладонями скользили по теплым, чуть влажноватым гребням наследников, покрытым изящной росписью золотистых прожилок, и спокойствие постепенно ниспускалось на него, как дар всемогущих богов.

И сейчас, когда толпы атлантов ворвались во двор, властитель Валузии понял, что помочь ему может только прикосновение к своим сыновьям. Он пересек комнату и подошел к одной из треугольных дверей.

В каждом из покоев черномраморного дворца таких дверей можно было насчитать восемь, все они были треугольной формы и абсолютно черного цвета. Дворец, снаружи напоминавший кристалл, стоящий на острие, и внутри представлял собой кристалл. Мудрейшие валузийские архитекторы разрабатывали его проект, сохраняя в полном секрете головоломную планировку. Из одной залы можно было попасть в четыре других, но расположенных в разных уровнях. Эти покои соединялись между собой наклонными лестницами-туннелями, а четыре других двери вели в запутанную паутину лабиринта, серпантинном проходящего внутри дворца. Незнакомый со всеми секретами скорее сошел бы с ума, нежели выбрался бы когда-нибудь из темных коридоров, скрывавшихся за множеством дверей.

Цеенор-Зера приблизился к мраморному треугольнику, нажал одну из многочисленных змеиных головок — эти медные медальоны с обеих сторон окаймляли грани проема, — и дверь послушно подалась, отъехав в сторону.

— Цес! Зеер! Отец ждет вас! — резким скрипучим голосом крикнул он наверх по-валузийски. — Спускайтесь к Владыке Скипетра!

Атланты запрещали простым валузийцам говорить на своем родном наречии, и только чле-

ны правящей династии могли спокойно произносить слова на древнем языке, не опасаясь немедленной кровавой расправы. После того как завоеватели однажды заблудились в лабиринте, они старались не переступать порога дворца-кристалла. Тогда они искали Сокровищницу, небольшую залу без окон, вместившую в себя все несметные богатства Валузии, и Цеенор-Зера приказал сложить сотую часть всех драгоценностей в обыкновенную комнату, представив ее именно Сокровищницей. Атланты сначала обрадовались, обнаружив эту залу, но потом их вождь, черноволосый гигант с голубыми глазами, заподозрил что-то неладное, он приказал своим людям обыскать дворец, и эти атланты сгнули бы в лабиринте, если бы Цеенор-Зера не позволил себе спасти их от смерти. С тех пор во дворце можно было спокойно разговаривать на родном наречии, не опасаясь быть услышанным.

Раздался легкий шелестящий шум, и сверху из своей опочивальни по лестнице сбежали его сыновья, похожие друг на друга как две капли росы.

Иаг-Алта сразу после рождения близнецов с прискорбием сообщил Владыке, что это недобрый знак. Цеенор-Зера тогда вспылал и приказал посадить придворного мудреца в бамбуковую клетку, но вскоре после этого пришло известие о том, что первые широкогрудые корабли атлантов показали у берегов королевства.

Глядя на близнецов, Цеенор-Зера вспомнил свое детство. «Ты самый красивый... ты самый счастливый...» — шептала ему тогда мать, и ее тонкий,

чуть раздвоенный язык так сладко трепетал около его ушка. Полулюди-полузмеи думали, что созданы для радости и блаженства, но боги жестоко посмеялись над ними — в вихре кровавого веселья они сначала отдали Валузию на разграбление жестоким атлантам, а потом бросили в пасть Катастрофе.

Цеенор-Зера стоял перед узким окном и глядел гребни своих сыновей-близнецов. Он не смог бы рассказать им, когда именно началась история царственного народа, когда именно Великолепный Цатогуа сошелся на ложе с обыкновенной девушкой Земелой. Но Цеенор-Зера предчувствовал, что история Валузии может завершиться очень и очень скоро.

Внезапно близнецы вскрикнули от ужаса и прижались с обеих сторон к отцу.

Ошеломляющий удар грома точно расколол могильное небо надвое, и из огромной трещины в небесах вырвались огненные потоки. Молнии обрушились на деревянные постройки, вспыхнувшие в одно мгновение, как сухие листья. Ветер стремительно начал раздувать пожар, и потоки жирного дыма, смешиваясь с пылью, уже заволакивали все вокруг.

Цеенор-Зера почти ничего не мог различить и плохо понимал, что происходит.

Невольно от отодвинул от себя сыновей, и его острые овальные ногти в бессильной ярости скользили по черному мрамору, не оставляя, конечно, ни малейшего следа на гладкой поверхности полированного камня. Едкий дым и пыль вызыва-

ли у него судорожный кашель, глаза Владыки слезились, но он не мог заставить себя отойти от окна и продолжал всматриваться в серо-черное марево, наполненное жутким воем ветра и яростными криками атлантов, рвущихся на Холм из Нижнего города.

Дворец, словно выточенный из одного колоссального куска черного мрамора в виде многоугольного кристалла, стоял на самой вершине холма. Никто не мог объяснить, как это гигантское сооружение может удерживаться на одной точке, остром угле, в котором сошлись восемь треугольных плоскостей.

Но дворец всегда возвышался над городом, вселяя в его жителей веру в священную силу королевской династии.

А сейчас атланты рвались на вершину холма, чтобы спастись от воды, от беспощадных волн, преследовавших все живое на свете. Сначала над валузийской столицей потянулись огромные косяки птиц, улетающих прочь от моря. Потом все стали замечать, что зверье из прибрежных лесов, словно обезумев, бежит вглубь страны, уже ничего более не опасаясь.

У берега была поймана даже огромная черепаха, длина которой составляла почти десять шагов. По наростам на ее мощном панцире жрецы определили, что не меньше пятисот лет провела она в пучине вод.

С величайшими почестями черепаху доставили в столицу, тридцать самых крепких валузийцев день и ночь несли ее по дубовым лесам, по-

стоянно поливая морской водой и обкладывая мокрыми водорослями.

Живая черепаха прибыла к храму Цатогуа. Плоская крыша этого храма сейчас была плохо различима Цеенор-Зера из-за дыма и пыли, хотя его строение располагалось совсем недалеко от дворца.

Верховный Жрец собственноручно вырезал черепахе глазки алмазным ножом и раздавил их на жертвенном алтаре Бога-Прародителя. Цатогуа получил и теплой крови, струя которой стекала по каменному желобу так тягуче и долго, что бог, наверное, должен был бы разозлиться от нетерпения.

А вот из черепашьего мяса жрецы сварили особый суп, вкушать который дозволялось только посвященным, то есть им самим, дабы не разрушить таинство жертвоприношения. Несколько дней они никого не пускали в храм, даже Владыку Скипетра, не имеющего права и взглядом коснуться священного мяса.

Цеенор-Зера лишь знал, что огромный панцирь пятисотлетней черепахи жрецы положили в храмовый костер. От огня панцирь треснул и покрылся причудливой паутиной кривых линий, по которым Верховный Жрец обязательно должен был прочитать будущее Валузии.

Что именно сообщили трещины, Цеенор-Зера пока не знал. Верховный Жрец, носивший на груди маску Цатогуа — змеиную морду с семью алмазными глазами, таинственно понизив голос, на валузийском наречии сказал, что Бог-Прародитель

велел воздвигнуть над храмом большой шатер. Об этом сообщили священные трещины на панцире черепахи.

Вскоре после того, как над плоской крышей взметнулась белая ткань, в храм стали поступать балки и доски, из шатра все время слышался стук топора, но на все вопросы Цеенор-Зера жрецы покорно опускали глаза, не произнося в ответ ни слова.

На крышу не пускали никого из слуг Владыки, и как Цеенор-Зера ни бесился, он не хотел пока открыто ссориться с Верховным Жрецом.

Накануне страшного ветра стук стих, и Цеенор-Зера на время забыл об этом. Но сейчас, стоя у узкого окна и глядя на топчущих друг друга атлантов, он неожиданно вспомнил о таинственном строительстве жрецов. Губы его невольно повторяли заклинания в честь бога, он просил Цатогуа, чтобы тот остановил ненасытные волны у входа во дворец.

Властитель Валузии знал, что атланты никогда в жизни не смогут проникнуть во дворец, им не удастся повернуть огромную мраморную плиту, наглухо закрывающую вход внутрь, и море неизбежно поглотит их.

Владыка Скипетра прижимал к себе сыновей, тоненькими голосками бормочущих охранительные заклинания, а сам лихорадочно думал о том, что сегодня с утра не видел никого из жрецов храма Цатогуа. Они еще вечером заперлись внутри во главе с Верховным Жрецом и никого не пускали в храм.

Снова мощный удар грома ошеломил на мгновение Цеенор-Зера, так что он невольно подумал о том, что сама земля уже трясется от страха. Одновременно с раскатом грома черные небеса прорезала ослепляющая вспышка молнии, расходясь в стороны паутиной, как трещины на опаленном панцире пятисотлетней черепахи. Что же прочитал Верховный Жрец, напряженно думал Владыка Змеиногго Скипетра, что же велел делать Цатогуа?

Стрелы молний сверкнули еще раз и еще раз. В эти мгновения становилось так светло, что можно было различить происходящее внизу. В клубах пыли, влетающей через ворота, толпа атлантов по-прежнему бесновалась у входа в храм Цатогуа и во дворец. Несколько десятков человек таранили ворота храма огромным дубовым стволом, недавно сокрушившим дворцовые врата. Но храмовые створки даже не вздрагивали от яростных ударов, они стояли как скала. Никто из нападавших не знал, что изнутри врата подперты колоссальными глыбами, поднимавшимися специальным механизмом из подземелья и намертво преграждавшими вход внутрь. Существовал еще один вход, к которому вел подземный туннель из дворца, но о его существовании знал только Цеенор-Зера.

Гигантское толстое бревно, огромных размеров валузийский дуб, раскачивался в руках атлантов и обрушивался на врата храма.

Невольная усмешка тронула тонкие губы Цеенор-Зера — даже в эти страшные мгновения он не смог подавить невольной радости от предчув-

ствия грядущей гибели пришельцев, принесших его королевству столько страданий. Ему хорошо был виден при вспышках молний вождь атлантов, тот самый голубоглазый гигант, приказавший обыскивать Дворец в поисках Сокровищницы и в поисках самого главного сокровища — Короны Кобыры, сделанной в форме золотой змеи, свивавшейся кольцами вокруг головы одевавшего ее и украшенной доброй тысячей чистейших ограненных алмазов.

Сейчас вождь атлантов командовал взятием ворот храма, его длинные черные волосы развевались по ветру, а громовой голос доносился даже до слуха Цеенор-Зера. Привыкший руководить во время кровавых схваток, варвар мог даже перекрывать крики своих испуганных соплеменников.

— Владыка Скипетра! Смотри, с крыши сорвало шатер! — раздался тонкий возбужденный голосок Цеса.

В очередной раз сверкнула яркая молния, и Цеенор-Зера ошеломленно уставился в окно. При вспышке взгляд его поднялся к храму, над которым в воздух взмывало белое полотнище, до этого шатром возвышавшееся над плоской крышей. Владыка Скипетра даже вскрикнул от неожиданности.

В это мгновение он забыл об атлантах, тщетно атакующих врата, потому что на плоской крыше, освобожденной от ритуального полотнища, Цеенор-Зера увидел... корабль! Готовый к плаванию корабль стоял на круглых бревнах, поперечно положенных под его днище!

На палубе, защищаясь руками от сильных порывов ветра, находились все жрецы храма Цатогуа! Еще раз сверкнула молния, и Владыка Скипетра разглядел Верховного Жреца, неподвижно сидевшего на носу корабля.

— Отец! Отец! Почему судно оказалось на крыше храма? — взволнованно спросил Зеер. — Разве может оно плыть по воздуху?

— Ах, какой я тупица! — ошеломленно прохрипел Цеенор-Зера, с силой сжимая голову руками. — Жрец разглядел изображение корабля на трещинах панциря, и все это время топоры стучали не напрасно... Но почему Верховный Жрец ничего не сказал мне? Как же будет спасаться Владыка Скипетра?!

Треугольная дверь в глубине покоя отошла в сторону, и в проеме показалось испуганное лицо Земелы, супруги Цеенор-Зера, названной в честь божественной прародительницы валузийского народа.

В этот момент дворец неожиданно покачнулся от сильного подземного толчка, но по-прежнему устоял на острой грани.

Толчок почувствовали и атланты, метавшиеся снаружи, потому что из двора донесся их яростный рев. Что-то кричал их вождь, и его громовой голос перекрывал беспорядочные вопли перепуганных варваров.

— Что происходит? — растерянно возопила Земела. — Что с нами будет?

Она простерла руки к сыновьям, широкие рукава блестящего одеяния соскользнули, обнажив

тонкие запястья, перевитые искусно коваными золотыми браслетами. Земела прерывающимся голосом воскликнула:

— Вода! Во дворце появилась вода!

Цеенор-Зера почувствовал, что не может выглядеть растерянным в мгновения опасности. Он нарочито безразлично усмехнулся и ответил:

— На крыше храма Цатогуа нас ждет корабль... Поспешим туда...

Вчетвером они торопливо шли по пустым коридорам дворца — челяди и свите еще накануне было приказано спуститься в подземелье. Цеенор-Зера опасался предательства, он не доверял никому и боялся, что кто-нибудь из его людей впустит внутрь атлантов — еще накануне он был уверен, что варвары предпримут попытку прорваться внутрь мраморного кристалла.

Гулкую тишину пустых туннелей нарушали только быстрые шаги царственных валузийцев, шелест их плащей да шуршание змеиных хвостов.

Цеенор-Зера вырос здесь — каждый поворот, каждый темный угол был знаком ему, как собственная ладонь, поэтому правильный путь он нашел бы и с завязанными глазами. Сейчас он вел свою семью к подземному переходу, соединяющему дворец и храм Цатогуа. Внутренний голос подсказывал властителю, что времени остается не так много; здесь, в туннелях, не так слышны были крики атлантов и завывания ветра, но Цеенор-Зера неведомым образом ощущал, как там, снаружи, все сильнее нагнетается напряжение.

Сильный сквозняк гулял и в самых укромных уголках дворца. Колыхались языки полыхающих факелов, горящих вдоль стен туннелей-лестниц, и Владыка Скипетра отмечал про себя, как причудливо ведут себя тени — его собственная, Земли и близнецов. Тени то вырастали до огромных размеров, то съеживались и совсем исчезали — словом, они метались в полной растерянности так же, как и те, кто их отбрасывал, потому что гибель одних означала неизбежное исчезновение других.

Наконец они остановились перед маленькой мраморной дверью. Слегка подрагивающей рукой Цеенор-Зера достал из широких рукавов парадного плаща Змеиный Скипетр, символ своей власти над народом Валузии. Мало кто знал, что Скипетр, выкованный в виде двух тесно переплетающихся змей, может в то же время служить и ключом.

Рука Владыки отодвинула в сторону едва заметную пластину на двери, и взору близнецов предстало узкое отверстие.

— Сейчас... сейчас... мы отомкнем дверь и попадем в храм Цатогуа, — успокаивающе приговаривал Цеенор-Зера, вставляя Скипетр в замок. — Жрецы ждут нас... просто дверь иногда трудно открыть из храма... не совсем совершенный механизм... Мы быстро поднимемся на крышу и займем свои места на корабле... Все будет хорошо, Цатогуа не оставит в беде своих детей, Бог-Прародитель позаботится о нас...

Он повернул Скипетр, дернул ручку, и в глазах его потемнело. За спиной испуганно дышали

сыновья и супруга, а Цеенор-Зера ощущал, как могильный холод обволакивает его сердце. Дверь не подалась ни на волос после того, как он открыл ее ключом...

Скипетр несколько раз проворачивался в замке, ручка дергалась, но дверь оставалась неподвижна, как ровная мраморная стена, когда Цеенор-Зера яростно крутил ручку. Вход в храм оказался заперт изнутри. Верховный Жрец все предусмотрел, он все прочитал в трещинах на обутленном панцире!

Властитель Валузии повернулся к жене и детям и попытался изобразить улыбку, но неожиданно взгляд его остекленел — из щели у потолка показалось несколько тонких струек воды. Он резко вскинул глаза на противоположную стену и обнаружил, что она уже блестела от сплошных потеков.

— У меня ноги промокли... и у меня... — жалобно пискнули близнецы. — Здесь на полу вода... Отец, скоро откроется дверь?

Губы Земли дрожали.

Ей не нужно было долго объяснять, что произошло с замком и почему дверь, сотни раз открывавшаяся Скипетром, на этот раз не желает ему подчиняться.

Крутая лестница позволила быстро взбежать наверх, и вода сразу перестала чавкать у них под ногами. У первого же окна Цеенор-Зера остановился и жадно посмотрел наружу.

Все пространство вокруг дворца уже было затоплено водой. По-прежнему, озаряя все вокруг,

сверкали молнии. Со всех сторон слышались вой и крики атлантов, барахтавшихся по пояс в воде. Они уже не надеялись выломать ворота храма, а сражались теперь за право держаться за дубовое бревно. Те, кому удалось забраться на ствол, не позволяли соплеменникам хвататься за него и обрушивали сверху на головы запоздавших удары. Порой бревно переворачивалось, и уже угнездившиеся на нем оказывались с головой в воде, кто-то завладевал пространством, и все начиналось сначала.

Вода поднималась... Сквозь пелену Цеенор-Зера слышал жалобное лopotание близнецов и причитания Земелы.

— Мы будем подниматься по коридорам все выше... моя опочивальня находится на самом верху, и там мы переждем Катастрофу,— дрожащим голосом попытался он успокоить семью.

— А вдруг вода не остановится? Почему жрецы заперли подземный ход? — не выдержала его супруга.— Что будет с твоими наследниками?!

Цеенор-Зера завыл от бессилия во весь голос, и Змеинный Скипетр вывалился из его ослабевшей руки. Символ царственной власти со стуком скатился вниз по ступенькам и с легкими брызгами исчез под водой, заполнившей нижнюю площадку. Пал он достаточно медленно, так что властитель мог бы подхватить Скипетр, но неожиданно для самого себя он не стал этого делать. «Зачем,— обреченно спросил себя Цеенор-Зера,— зачем мне Скипетр, если не будет существовать Валузия?»

Из дальнего коридора доносились жалобные вопли и стенания. Там по его приказу были заперты вся дворцовая прислуга и стражники, и вода, судя по всему, добралась и туда.

— Нужно выпустить их! — со слезами воскликнула Земела.— Они все захлебнутся! Там кормилица мальчиков! И там моя Эсса, кто же будет прислуживать мне?

— Если я выпущу их, они тоже полезут наверх! Ты помнишь, что покои становятся все теснее, чем выше они расположены? Места для всех может не хватить, а вода ведь может подняться и до порога моей опочивальни!

Верхняя половина дворца была зеркальным отражением нижней и стремительно сужалась к вершине, так что покои Цеенор-Зера напоминали по силуэту небольшую усеченную пирамиду.

— Но там заперт и Иаг-Алта! — продолжала причитать супруга.

— Как я мог забыть! — ошеломленно отозвался Цеенор-Зера.— Как я мог выбросить это из памяти...

Оставив Земелу и близнецов на площадке перед окном, он бросился бежать по наклонному туннелю, не обращая внимания на прибывающую воду. Когда он спустился, вода доходила ему уже до колен, так что нижний край плаща сразу намок, и он почувствовал, как конец царственного валузийского хвоста оказался в холодной воде и свободно плыл за ним, как руль челна.

По обеим сторонам туннеля вдоль стен тянулись вертикальные прутья решеток, за которыми

были заперты его подданные. Валузийцы громко закричали, когда увидели появившегося в дверях Цеенор-Зера. Они радостно приветствовали своего Владыку, наивно предполагая, что он явился, чтобы освободить их.

Но властитель, не обращая внимания на их вопли, торопливо шел вдоль туннеля. Стоящие по колено в воде валузийцы умоляли открыть решетки и выпустить их. Но тот видел перед собой только высокую дверь в торце коридора и решительно направлялся к ней, брезгливо поджав губы.

Этот туннель был достаточно широк для того, чтобы Цеенор-Зера мог свободно пройти по центру и никто не задержал бы его, просунув руку сквозь прутья решетки. Когда один из стражников попытался сделать это и, исхитрившись, все же ухватил его за развевающиеся полы плаща, Владыка в одно мгновение выхватил свой острейший кинжал. Сверкнуло лезвие, и стражник громко вскрикнул от боли, взметнув в воздухе окровавленной рукой, на которой уже не доставало трех пальцев.

Вода сочилась сверху из всех щелей, и в туннеле уже ощутимо пахло морем. Женщины причитали и сотрясались от рыданий, а мужчины пытались расшатать прутья, чтобы вырвать хотя бы один и освободить место для лазейки.

Но, несмотря на все усилия, у них ничего не получалось.

Цеенор-Зера отомкнул своим ключом дверь в торце туннеля, и она легко подалась, несмотря на то что нижняя ее часть была затоплена водой.

За ней оказалась комната небольших размеров, освещенная стоящими на треногах плоскими светильниками.

На высоком кресле в центре покоя неподвижно сидел крупный мужчина, облаченный только в набедренную повязку.

Оставляя за собой пенящиеся завихрения, Цеенор-Зера быстро подошел к креслу и обиженно закричал:

— Иаг-Алта! Верховный Жрец построил корабль и установил его на крыше храма! Он замуровал подземный ход, и мы не можем проникнуть туда! Они решили оставить всех нас здесь на неминуемую гибель!

Человек, сидящий в кресле, поднял огромную голову.

Его лицо овальной формы казалось неестественно крупным по сравнению с туловищем, а длинный вытянутый нос был похож на морщинистый хобот. Из-под тяжелых мутно-зеленых век на Цеенор-Зера посмотрели блестящие глаза красного цвета.

— Жрецы погрузили на корабль Книгу Скло-са,— чрезвычайно низким голосом отозвался после томительной паузы человек-слон.— Верховный Жрец знает, что Валузия погибнет, поэтому он и приказал построить корабль...

Тяжело вздохнув, он снова опустил голову. На его голом лбу билась зеленовато-золотистая жилка, в которой струилась жидкость изумрудного цвета. Шевельнулись огромные уши, напоминающие безжизненно повисшие крылья без костей.

Его последние слова так ошеломили Цеенор-Зера, что несколько мгновений валузийский правитель не мог даже разомкнуть уст.

— Книга Склоса! — вскричал он, точно опомнившись от тяжелого сна. — Я не могу поверить в это!

— На корабле жрецов не только Книга Склоса, — еще раз вздохнул Иаг-Алта. — Там находится кое-что еще... то, что хранилось раньше в твоей Сокровищнице, Владыка Змеиногo Сkipетpa...

Слова, изрекаемые зеленокожим человеком-слоном, падали медленно и ровно, как капли подземного источника, в то время как речь Цеенор-Зера бурлила наподобие бурного потока.

— Говори скорей! — в бешенстве вскричал валузец. — Что тебе известно?

В ответ сперва раздался тяжелый грудной вздох, а потом только два слова, однако они заставили исторгнуться из груди Цеенор-Зера отчаянный крик.

— Корона Кобры... — безжизненно произнес человек-слон, и валузийский Владыка ощутил, как сам глохнет от собственного дикого вопля, разлетевшегося по сырому подземелью.

— Ты знал! Ты знал обо всем! Ты в сговоре со Жрецом! — яростно кричал Цеенор-Зера, схватив слоновью голову с обеих сторон за шершавые уши и раскачивая ее изо всех сил вперед и назад. — Почему ты не сказал мне?!

Через незапертую дверь из коридора доносились рыдания и крики ужаса, потому что вода поднималась все выше с каждым мгновением. Це-

енор-Зера резко отпустил голову Иаг-Алта и растерянно оглянулся назад.

— Ты так давно не приходил к Иаг-Алта, — раздался низкий голос. — Иаг-Алта думал, что Владыка Змеиногo Сkipетpa забыл о своей забаве, что он никогда больше не придет к Алта с планеты Иаг, который мучился столько времени за закрытой дверью от голода и жажды... Как я мог предупредить тебя, Владыка, если ко мне никто не приходил и от жажды я должен был слизывать капельки пота со своих ушей?

Иаг-Алта медленно опустил огромную зеленую голову и, казалось, погрузился в раздумья.

Цеенор-Зера тяжело дышал, однако не мог ничего сказать в свое оправдание и только смотрел, как малахитового цвета хобот раскачивается над водой, словно нюхая морские волны, ворвавшиеся во дворец.

— Мне подвластны многие тайны, — медленно произнес человек-слон. — Я знаю смысл вращения звезд. Я знаю, что все, существующее в небесах, существует не только на вашей планете, но и внутри каждого человека. Сердце это Солнце, Юпитер это мозг, Венера — похоть!.. Я знаю, как из дыма можно сделать ткань, а из крика — сытный ужин. Но я до сих пор не понимаю, почему в море вода соленая на вкус, если впадающие в него реки пресные и падающие с небес дожди тоже пресные... Вода в море напоминает мне мой пот, может быть, море — пот земли?

— Спаси нас! Спаси, великодушный Иаг-Алта, — взмолился Цеенор-Зера. — Действительно, Влады-

ка Скипетра долго не посещал тебя... Но ты помнишь моих детей? Маленьких близнецов с нежными перепонками на руках? Неужели они должны погибнуть?.. Красный Хрусталь! Ты так часто рассказывал мне о Красном Хрустале и говорил, что этот камень может дать бессмертие!

Влажные от пота морщинистые зеленые веки тяжело поднялись, и на Цеенор-Зера пристально посмотрели красные выпуклые глаза. Владыке стало не по себе от этого пронзительного взгляда, и он мгновенно ощутил острую головную боль, точно в мозг с размаха ударялись острые обломки, безжалостно ранящие его и отскакивающие в сторону.

Взор человека-слона прожигал его насквозь, он точно снимал с него кожу и ощупывал все внутренности.

Вода поднималась по-прежнему, но человек-слон говорил неторопливо, тщательно подбирая слова.

— Красный Хрусталь — страшный камень в руках злого и великий камень в руках доброго. У жестокого владельца он будет жестоким, он станет требовать крови. И не простой крови, он захочет лакать кровь, что орошает только что вырванное из груди сердце. И его владелец будет вынужден убивать и вырывать невинные сердца своих жертв... А в руках доброго человека он станет давать свет, будет лечить страшные болезни одним прикосновением... Красный Хрусталь прибыл к нам с той планеты, где нет добра и зла. Там все, все по-другому...

Вода доходила Владыке уже до пояса, он поднялся на ступень постамента, на котором стояло кресло, и внимательно слушал.

— Если я сейчас погибну с Красным Хрусталем, то никогда не вернусь на свою планету, в стеклянную ячейку памяти. Я буду лежать на дне пота земли и тысячелетиями испытывать страшные мучения,— с болью прошептал Иаг-Алта.— Но и ты будешь мучиться... потому что Красный Хрусталь даст тебе вечную жизнь. Так знай, что этот камень находится у меня в груди. Если сможешь, достань его, но я уверен, что если ты сделаешь это, то жестоко пожалеешь об этом... лучше бы тебе утонуть вместе со всеми валузийцами, вместе с женой и близнецами...

Несколько мгновений Цеенор-Зера стоял неподвижно. Он не слышал ни воплей несчастных узников, ни журчания воды. Иаг-Алта на этот раз не опускал голову, а пристально смотрел на владителя Валузии.

Неожиданно тот выбросил вперед левую руку, и его сильные пальцы заставили человека-слона откинуть голову назад, привалившись к спинке кресла. В другой руке Цеенор-Зера стремительно возник тот острый кинжал, что недавно в одно мгновение отсек несколько пальцев с руки стражника.

— Красный Хрусталь захочет лакать кровь сердец,— прохрипел Иаг-Алта, и в этот миг лезвие кинжала с размаха врезалось в его грудь. Человек-слон дернулся всем телом, и потоки изумрудной крови хлынули по его обнаженному телу.

Цеенор-Зера приблизил дрожащую руку к открытой ране, а потом резко погрузил в нее пальцы. Что-то нащупав, он напрягся, упершись другой рукой в горло Иаг-Алта, и в следующий миг рубиновый свет озарил все углы и своды почти затопленной комнаты...

Глава вторая

морским вортам Херриды на рассвете подошла галера «Орел», на палубе которой стоял могучий киммериец. Конан занял свою каюту на этом небольшом маневренном судне в Аргосе накануне утром — с ветрами повезло, и не успел он осушить пузатый бочонок темного мессантийского, как на горизонте показалась Зингара.

Справа темнели отроги Рабирийских гор, поднимающееся за кормой солнце золотило их вершины. Утренний воздух был пропитан запахом свежести, и варвар с наслаждением вбирал в свою необъятную грудь густые пряные ароматы Западного моря.

Впереди уже можно было различить мощные укрепления, преграждавшие вход в гавань Херриды. Острые глаза киммерийца замечали даже суда, подошедшие к бухте и ожидавшие открытия морских ворот. Пара крупных кораблей с квадратными парусами, скорее всего зингарские

галеоны, да с десятков всякой мелочи вроде купеческих барков, спустившихся по Громовой реке или доставивших грузы из Кордавы, да неопределенного вида галеры вроде той, на которой сам он приплыл из столицы Зингары. Властям капитан «Орла» наверняка клянется всеми благами Митры, что перевозит одни лишь тюки и мехи с вином. Да только вряд ли кого-нибудь обманет эта команда, прожженные физиономии и плотоядные ухмылки моряков.

Сегодня они и впрямь могут перебросить какой-нибудь безобидный груз вдоль приморской полосы, представив себя перед портовой стражей честными ребятами. А завтра... Кто их знает, сколько оружия у них там припрятано в трюмах? По крайней мере, нос юркой галеры, выполненный из бронзы в виде злобного орла, раздиравшего крючковатый клюв, не навевал мысли о мирном нраве тех, кто служил в команде судна.

Но, честно говоря, разбойничьи эти рожи были симпатичны Конану, хотя он и не заметил среди них ни одной знакомой. Было бы времени побольше, можно было бы потолковать с ними — наверняка кто-то да слышал имя Амра, еще недавно гремевшее по всему побережью.

Амра... море... туго надутые ветром паруса... Все это в одно мгновение рождало целый шквал пережитого, и шквал этот обрушивался на сознание варвара.

Суровый киммериец не любил попусту вспоминать то, что происходило с ним раньше. Он ненавидел воспоминания ради самих воспоминаний,

ради непонятого самоуслаждения. Нужно жить только настоящим, только сегодняшним днем, всегда считал он, но бывали странные моменты, когда его память сама словно открывалась и становилась огромной, как весь Гирканский материк с Западным морем в придачу! Кром, а как же иначе? Как тогда в голову, пусть даже и киммерийца, вмещается Башня Слона, что пронзает небо над Аренджуном? Как в лабиринтах памяти умещается огромное подземелье, раскинувшееся под зингарской столицей Кордавой?

Стоит только вот так выйти утром на палубу галеры и набрать в грудь густого морского воздуха, как перед глазами возникает белоснежная улыбка Белит, а в ушах начинает звенеть ее горланый голос, через мгновение уже вдоль спины пробегает какая-то странная дрожь и колени вроде как слабеют...

А, Нергал только знает, что это за шутки... что это за непонятная вещь — человеческая память...

Варвар раньше не поверил бы, что можно вот так, с быстротой удара меча, представить себе давно прошедшие события. Одно дело — шрамы, бесчисленные отметины на его крепком теле. Шрамы, если постараться, могут многое рассказать о прошлом. Только о таком не всегда хочется вспоминать, потому что тогда в жилах сразу закипает кровь.

Конан невольно бросил взгляд на свои огромные ладони. Никакие мозоли от рукоятки меча и поводьев скакуна никогда не смогут скрыть округлых рубцов, белеющих в центре каждой ладо-

ни. Кажется, только вчера ухмыляющийся Константиус приказал прибить эти руки к кресту, вкопанному в землю неподалеку от Хаурана. Киммериец тогда провисел на гвоздях несколько часов, впервые в жизни ощущая себя совершенно беспомощным. Даже в бушующем море он никогда не чувствовал такого бессилия, как в те страшные мгновения, когда стервятники уже хлопали крыльями над его головой. Но Константиус все-таки проиграл, и именно его глазами полакомились смердящие хищники. А Конан уцелел и по-прежнему дышал благословенным воздухом. С той поры прошло уже несколько лет, судьба снова занесла варвара и к морю Вилайет, и в Замбулу, и в Афгулистан — до сих пор его грудь стягивал короткий жилет, а на ногах доживали свой век видавшие виды калиги, походные сапоги на ремнях, скроенные специально для него еще в Пешкаури. «Хороша была обувь, — с сожалением подумал киммериец, — только недолго ей осталось странствовать со мной». Подошвы почти отвалились, и из прорех высывались огромные пальцы.

...Херрида приближалась с каждым мгновением. В рассветном небе уже реяли голодные чайки, утренний бриз разносил их желчные резкие крики.

Рядом с Конаном на палубе остановился капитан галеры, коренастый зингарец с острой черной бородкой. Его карие глаза лукаво поблескивали в свете утреннего солнца.

— Что, путешественник, вот мы и в Зингаре, — сказал капитан, хитро улыбаясь.

Накануне киммериец уклончиво назвал себя странником, обыкновенным странником, пересекающим вдоль и поперек пределы хайборийских королевств. В ответ зингарец только гоготнул, смерив взглядом мощные плечи Конана, покрытое шрамами лицо и длинный забарский кинжал, к которому варвар так привык в Афгулистане. Да, что ни говори, не очень-то киммериец напоминал безобидного странника, передвигающегося от одного храма Митры к другому.

— Прекрасная страна Зингара, — улыбнулся Конан. — Все в ней нравится мне: и дома, и дворцы, и площади... Красиво...

— Клянусь Светом Митры, что именно это интересует тебя больше всего в жизни, — ухмыльнулся моряк, поглаживая ладонью острую бородку. — Добавь еще, что ты едешь послушать ученые диспуты митрианских риториков. Этих философов-болтунов в Херриде можно встретить на каждом шагу.

Варвар с удовольствием потянулся и расправил необъятные плечи, в очередной раз наполняя грудь свежим бризом, после чего признался:

— Нет, по правде говоря, я сел на твою галеру, потому что спешу на праздник трюверов. Очень, знаешь ли, нравятся мне их сладчайшие песни о любви, когда они голосят, тренькая на лютне и притопывая ножкой, обутой в башмачок с бантиком. Вот это мне по душе!

Морской воздух, легкий шум бриза, равномерные удары весел о воду, гортанные крики вперемешку — все это кружило голову не хуже выдержанного вина. Настроение у Конана со вче-

рашнего дня оставалось приподнятым, и он не смог отказать себе в удовольствии немного пошутить.

Начиналась новая жизнь. Он возвращался к морю. Или море возвращалось к нему, как женщина? Несколько лет назад киммериец пытался уйти от этих волн, вспенивающихся под острым носом корабля, от хлопков парусов и пьянящего чувства погони, когда пузатое судно какого-нибудь купца становится все ближе и ближе, когда команда уже дрожит от нетерпения, зажав в руках абордажные крючья, мечи и секиры.

Несколько лет назад он расстался с морем, и судьба гнала его на Восток, к висячим садам Хаурана и горам Афгулистана, но и тогда порой его вдруг настигало видение моря. Это налетало на него редко, и только Кром мог бы объяснить, почему это происходило. Но стоило иногда в конце дня устало сомкнуть воспаленные солнцем веки, как перед глазами возникала синяя гладь, бескрайняя, как гирканская степь, — а на самом краю видимости небольшая черная точка, корабль, который еще нужно настигнуть.

Капитан галеры, по-прежнему любовно поглаживая бородку, спросил:

— И чем же ты, странник, собираешься заняться в Зингаре? Может, вечером встретимся в какой-нибудь таверне, потолкуем за кувшинчиком доброго мессантийского о жизни? Мне для одного похода нужен помощник, нет ли у тебя, случаем, кого на примете?

Невольная улыбка тронула губы Конана. Бородатый зингарец, хоть и считал себя сильно про-

ницательным, все-таки плохо понимал, кого он взял на борт, если решил прозрачно предложить стать его помощником. Ха, великое дело — галера! Пусть даже и пятидесятивесельная — такая мелкая рыбешка уже не интересует киммерийца! Прошли времена, когда он довольствовался малым. Тридцать пять весел уже далеко за плечами, а это едва ли не половина пути, который Кром разрешит ему пройти по хайборийскому миру. Не нужна ему уже галера!

Поэтому варвар с нарочитым равнодушием пожал плечами:

— Вряд ли я смогу тебе помочь, приятель, в Зингаре у меня нет знакомых...

Наивный чурбан, зингарская медуза, тупоголовый моллюск! Он еще решается предложить ему стать помощником на какой-то грязной посудине, лоханке Нергала!

Конан никому еще не открыл, зачем он добирается в Зингару, а между тем планы его были вполне определены. Море неотвратимо манило его, и самым жгучим желанием киммерийца было снова стать капитаном. Слишком многое в его жизни было связано с именем Амра, чтобы можно было так просто оставить иссеченную ветрами палубу.

Он собирался пройтись по тавернам Херриды и Кордавы, окинуть взглядом знатока все причалы и пирсы, чтобы собрать на свой будущий корабль крепкую команду. Многие из его прежних знакомых, конечно, уже покоятся где-нибудь на морском дне. Редкий корсар доживает до преклонного возраста, немного ему удавалось видеть ста-

рых пиратов. Слишком бурную жизнь они ведут — кто получает топором по голове при abordaje, кто нож в спину в пьяной драке в таверне. Поэтому и не видно в городах Зингары и Аргоса пожилых морских гуляк, опирающихся на тросточки и кормящих крошками лебедей в каналах.

Но кого-нибудь из своих старых знакомых он обязательно должен был встретить. А если нет, то наметанный глаз выберет здесь самых лихих abordажников, самых метких лучников, самых опытных кормчих на всем побережье Западного моря. Славное имя Амра снова должно сплотить вокруг него лихую компанию.

А корабль... Что же, не раз киммериец слышал, что зингарские власти продают каперские свидетельства, дающие право на аренду приличного морского судна. Должность капера предоставляет полную свободу в наборе экипажа и столь же полную свободу действий на море. И только два условия нужно выполнять, чтобы не ссориться с высокими чиновниками: не грабить суда из Зингары да отдавать часть выручки в казну.

Конан не сомневался, что вскоре он будет стоять на капитанском мостике какого-нибудь крупного корабля, имея под командой добрую сотню отборных головорезов. Тогда этот сильно воображающий о себе капитанишка с острой бородкой еще с благодарностью вспомнит имя Митры за то, что Владыка не сделал Конана помощником на галере «Орел». Не прошло бы и седмицы, как прежний капитан перестал бы командовать своей командой...

«Орел» вплотную подошел к морским воротам Херриды, закрывавшимся каждую ночь. Уже опустилась в воду огромная цепь, преграждавшая вход в бухту, и скопившиеся за ночь корабли осторожно направлялись в узкий проход, расходясь с судами, покидавшими гавань.

* * *

Астрис Оссарский, знаменитый аквилонский путешественник, по справедливости считался философом, хотя никто ни разу в жизни не видел его среди ученых, предающихся рассуждениям на избранную отвлеченную тему, вроде таких: «Что есть красота света Митры?» или «Есть ли тайный смысл в фигурах птичьих полетов?» — а именно к подобным темам наиболее благосклонно относились многие известные хайборийские мыслители. Эти чахлые умники, не посетившие за свою жизнь ни одной страны и с трудом ориентировавшиеся даже на улицах родных городов, будь то Нумалия, Бельверус или Тарантия, строили свое представление о мире исключительно на основе густой пыли увесистых манускриптов да вида в полузапущенный сад, открывавшегося из узкого окна библиотеки, где протекали их дни.

Не таков был Астрис Оссарский. За свою жизнь неутомимый аквилонец не только успел объехать невероятные пространства хайборийского мира, но и в точных полновесных словах описал свои путешествия. Ученый мир Аквилонии и Немедии узнавал о нравах и обычаях мифических стран Востока во многом из писем Астриса к Алкидху Муд-

рому, немедийскому наставнику. Астрис писал о джунглях Вендии, о чародеях с лицами, напоминающими маски из желтой кожи, о кутрубах-людоедах, знающих толк в хорошем мясе и поэтому предпочитавших мягкие части молодых стигиек...

Немедийцу Алкидху обычно сначала приходилось расшифровывать послания своего друга, потому что они были начертаны особым шифром, эзотерическим языком, понятным лишь посвященным. Только истинный философ поймет, что чем сложнее язык общения, тем свободнее становится мысль. Проницательный взгляд аквилонца зачастую отыскивал в жизни восточных земель такие вещи, за упоминание о которых можно было бы заплатить головой. Но ни один восточный жестокий сатрап не узнал о язвительных пассажах Астриса, ни один владыка не догадался о той желчи, которая порой явственно ощущалась в суждениях путешественника о правителях и богах стран, через которые пролегал маршрут его длительных путешествий.

* * *

Хлодвиг и Хундинг, братья-близнецы и ученики Астриса Оссарского, отправились в свое первое путешествие, лишь только минула шестнадцатая весна, дарованная им Митрой, Подателем Жизни. После смерти Алкидха, их отца, аквилонский странник без колебаний стал опекуном молодых немедийцев. Их страны в очередной раз находились в состоянии войны, Нумалия враждовала с Тарантией из-за границ, но разве это могло

иметь хоть какую-то связь с отношениями между людьми?

Опытный Астрис рассудил, что неразумно было бы вместе с юношами, с этими впечатлительными неофитами, отправляться в дальнейшее странствие и держать путь к Вендии или Афгулистану. И тогда взгляд аквилонца упал на Зингару. Давно уже он не посещал это приморское королевство, к тому же его старинный друг Томезиус (на зингарский манер — месьор Томезиус) в своих последних посланиях сообщал о неких таинственных находках, обнаруженных неподалеку от Храма Небесного Льва. Астрис считал эти послания чрезвычайно интересными, и, таким образом, стрела маршрута будущего путешествия нацелилась на Зингару.

* * *

...Братья-близнецы, Хлодвиг и Хундинг, проснулись почти одновременно, что случалось с ними довольно часто. За свою жизнь они так привыкли друг к другу, что порой действовали как один сложный и взаимосвязанный организм — почти всегда они одинаково реагировали на события, испытывали схожие чувства и постоянно ловили себя на одних и тех же мыслях. Одновременно они свесили вихрастые головы с плетеных гамаков, болтающихся под самым потолком душной каюты, и обнаружили, что ложе наставника Астриса пусто. Судя по всему, их наставник достаточно давно покинул каюту, потому что его спальное место было аккуратно прибрано и застелено покрывалом.

Братья в одно и то же мгновение ринулись прыгать со своих шатающихся коек и ощутимо столкнулись в полутьме лбами. Это окончательно разбудило их и вырвало из сладких объятий сна, так легко обволакивающего под утро под мерное покачивание речных волн. Близнецам, разумеется, хотелось поскорее выскочить на палубу, но сразу по пробуждении каждый воспитанный немедийский юноша должен был поблагодарить богов, позволивших благополучно проснуться: почтить священное имя Исиды, охранявшей сны, обратиться к Иштар, заботящейся о хлебе, и, конечно, вдумчиво прочитать вслух лауду, торжественный утренний гимн, посвященный Золотоокому Митре.

Под защитой богов несколько аквилонских судов, в том числе и купеческий барк «Шамар», спустились вниз по течению Громовой реки к ее устью, к месту, где Громовая впадает в Западное море. Именно там раскинулась Херрида, крупный зингарский город, в котором путешественников ждал Томезиус, долгие годы друживший с их покойным отцом Алкидхом Мудрым и с их наставником Астрисом Оссарским.

Когда братья поднялись на дощатую палубу, рассвет еще не наступил, но за громадой Рабирийских гор, темневших слева по борту, уже угадывались едва заметные золотистые полоски. Митра, Владыка Света, готовился вдохнуть жизнь в бескрайние хайборийские пределы и подарить всем живущим еще один ясный солнечный день.

Близнецы сразу заметили фигуру наставника, неподвижно стоявшего у бушприта. Переглянув-

шись, они осторожно приблизились к нему. Никто из них не осмелился окликнуть учителя, нарушив тем самым его размышления, поэтому братья почтительно остановились в нескольких шагах, ожидая, пока Астрис сам заметит их.

Купеческий барк успел продвинуться на несколько корпусов вперед по речной глади, прежде чем аквилонец обернулся и посмотрел на братьев, уважительно и благоговейно сопевших за его спиной. До этого взгляд его был устремлен вперед, в призрачный туман, стелющийся над водой и уже розовеющий в нежных первых солнечных лучах. Путешественник едва заметно улыбнулся отрокам и заметил:

— Владыка посылает нам доброе утро. Хороший знак в день прибытия...

— Доброе утро!.. Доброе утро! — одновременно выпалили братья, и Хлодвиг, более шустрый и смывленный, успел тут же подхватить: — Доброе утро! Да пошлет Всемогущий Митра для тебя, почтенный наставник, дней здравых, а не дней хворых!

— Ты прав, мой мальчик, — одобрительно кивнул Астрис. — Побольше здравых дней — вот все, что мне нужно в этой жизни. Клянусь богами, остальное стоит значительно меньше тех слез, которые проливаются за обладание теми или иными благами. Ничто в этом мире: ни золотые украшения, ни драгоценные камни, ни роскошные ткани — ничто не может сравниться со здоровьем... Но почему вам не спится в это раннее утро, ученики?

Ученый ослабил тугую шнуровку на горле и откинул назад капюшон туники, плотно облегающий до этого его голову. Близнецы знали, что эта походная туника была скроена по рисункам самого аквилонца и сопровождала его во многих дальних путешествиях. Сшитая из очень плотного войлока, на который пошла шерсть почти сотни озерных кроликов, эта туника надежно защищала от палящего зноя и песчаных бурь туранских пустынь, от пронизывающих ледяных ветров горных перевалов Кезанкиана, и от стигийских раскаленных ветров, и от уттарийских ливней, струи которых способны свалить человека с ног, и от снегопадов Ванахейма, заметающих по самую макушку.

Кроме этого, с внутренней стороны туники располагались карманы, хранящие множество вещей, необходимых каждому путешественнику. Братья еще не знали до конца, что же хранится в этих тайниках, какие именно чудеса они содержат, но видели достаточно многое: тонкие металлические ножи со специально выверенным балансом, зубчатые зазубренные диски, легко срезающие в полете верхушки молодых деревьев, моток тонкой крепчайшей бечевы, изготовленной, как им удалось выяснить, из нитей паутины гигантского паука из Арэнджуна; содержимое и назначение огромного количества небольших флажков и пузырьков с витыми горлышками оставалось пока неизвестно близнецам и поэтому особенно притягивало их воображение,— часть бутылочек торчала из небольших кармашков, а часть нахо-

дилась в кармашках широкого кожаного пояса, который Астрис не снимал даже ночью.

— Почему вам не спится в это раннее утро, ученики? — спросил он, подставляя лицо потокам свежего ветра.

Братья хотели что-то сказать, но Астрис, не дожидаясь ответа, обратил взор вдаль и с наслаждением вдохнул свежего речного ветра. Барк еще не вышел к морю, но в рассветной мгле уже обозначилась бескрайняя полоса.

— Посмотрите туда,— велел аквилонец, указывая рукой в сторону приближающегося моря.— Видите вы что-нибудь?

Близнецы с готовностью вытаращили глаза в серую темень. Ночной небосклон светлел с каждым мгновением, бесчисленное множество звезд бледнело, точно догорали костры в необъятной степи.

— Я вижу какие-то точки,— неуверенно заметил Хлодвиг.

— Мне кажется, это длинные лодки,— предположил его брат.— Неужели это опасно, наставник?

Еще в родной Немедии братья немало наслушались о бесчинствах аргосских пиратов и черных корсаров, постоянно грабивших поселения и корабли у всего побережья Западного моря. Конечно, «Шамар» спускался по Громовой реке в караване с тремя другими судами, на каждом из них находились оружие и воины, способные оказать сопротивление. Но горячее воображение рисовало молодым путешественникам картины кровавой схватки!

— Не волнуйтесь,— усмехнулся Астрис, уловивший встревоженный тон Хундинга и сразу оценивший направление хода его мыслей.— Вы видите лодки мирных людей. Но кто они такие, вы никогда бы не догадались...

Братья переглянулись между собой, и Хлодвиг уже открыл рот, чтобы ответить, но аквилонец продолжил:

— Нет, это не рыбаки. Зингарские рыбаки ходят на баркасах. А на длинных катамаранах в море выходят только сборщики дубовых листьев.

— Наставник! Ты смеешься над нами! — вскричал Хлодвиг, забыв о всяких правилах почтительности.— Как можно в открытом море собирать дубовые листья?

Вокруг их родного города в Немедии вздымались огромные дубовые леса. Плотная, устойчивая к влаге древесина использовалась в хайборийских королевствах повсеместно, и это было хорошо известно близнецам. Из дубовых стволов делали опоры для мостов через небольшие речки, дубовой дранкой крылись крыши, в дубовых бочках выдерживался несколько лет крепчайший обжигающий бренд,— Хундинг однажды тайком попробовал этого напитка и чуть не сжег себе горло,— из дуба изготавливались мебель и весла для галер, посуда для крестьян и украшения для красавиц. Да мало ли как можно было использовать эти могучие деревья... Но Астрис мягко повторил, не заметив горячности ученика:

— Эти люди выходят ночью в море, чтобы собирать дубовые листья. Среди них самые искус-

ные ныряльщики, ведь деревья растут под водой. А где еще, ученики мои, могут в наши дни подниматься валузийские дубы?

С лиц близнецов сбежало легкомысленное выражение. Еще мгновение назад им обоим казалось, что наставник шутит, но сейчас они видели его серьезным и понимали, что нужно сосредоточиться, чтобы не пропустить ни слова. Наставник всегда предпочитал говорить негромко, да и утренний ветер относил его тихую речь в сторону.

— Там, в море,— снова указал Астрис рукой вперед,— под кристальной толщей воды по-прежнему растут бескрайние леса древней Валузии. Когда-то под днищами тех катамаранов была жизнь. Вы помните еще, что я вам рассказывал об этой стране?

— Да, наставник! — почти одновременно откликнулись братья и торопливо, перебивая, как всегда, друг друга, стали извлекать из памяти все, что они знали: — От древних гор до моря землей владел царственный народ полулюдей-полузмей... Валузийцы построили роскошные города, но все поглотил Великий Потоп... Где-то в море оставался остров, последний оплот валузийцев...

— Да, Валузия погибла,— кивнул аквилонец.— Вода поглотила дворцы и святилища, улицы и площади. Но валузийские леса не погибли, даже опустившись под воду. Люди нашего времени не сразу обнаружили, что валузийские дубы продолжают расти, как и раньше. Эти деревья просто приспособились к новой жизни — стволы их стали такими огромными, что их даже можно срав-

нить с зиккуратами в Дамасте... а листья, листья по размерам часто превосходят шкуру молодого теленка!

Близнецы восхищенно переглянулись. Они прекрасно помнили небольшие волнистые дубовые листочки, устилавшие землю в лесах рядом с их родным городом.

— Лист валузийского дуба такой большой, что в него вполне можно завернуть поросенка. Поросенка, запеченного с майсом и пататами,— мечтательно добавил мудрец, невольно погладивший ладонью живот.— Только никому в голову не придет заворачивать поросенка в такой лист, ведь за один лист валузийского дуба можно получить тройной озз золота!

— Тройной озз! — изумленно прошептал Хундинг.— Но почему, осмелюсь спросить тебя, наставник?

— Вы видите, как лодки сборщиков торопятся к берегу? Они должны достигнуть суши, прежде чем наступит рассвет. Секрет в том, что дубовые листья, сорванные с ветвей, совершенно не переносят солнца. Сборщики валузийских дубов ныряют в море только ночью, иначе листья, попав на воздух, сразу расползаются на лоскуты. Представляете себе, дети мои, что значит нырять в ночные волны? Это значит — кидаться в неведомую темную пучину, где тебя в любое мгновение может схватить чудовище, проглотить голодная морская бестия. Зато потом, на берегу, из валузийских дубовых листьев выделяют особую ткань...

— Осмелюсь перебить, наставник,— но разве можно из листьев получить ткань? — не выдержал Хлодвиг.

— О, это не простая ткань! С ней не могут равняться даже лучшие кхитайские шелка. Листья подводных дубов даже не сшивают, а накладывают тонкими краями друг на друга, и они срастаются, точно живые,— после чего их длительное время натирают мякотью из живых устриц, пока не образуется легчайшая и прочнейшая ткань. Из нее потом шьются нижние рубахи для зингарских и аквилонских богачей. Стоит такая рубашка чрезвычайно дорого, целое состояние. В ней не жарко в летний зной, не зябко в сырой зимний вечер. Но самое главное, что ткань из листьев этих дубов придает мужчинам невероятные силы!

Астрис на несколько мгновений задумался, и близнецы терпеливо ждали, пока он мечтательно не продолжил, устремив взгляд вдаль:

— Эти рубашки дарят удивительные силы... Даже дряхлый старик, трясущимися руками опирающийся на трость, поносит только один день целебную рубаху, а к вечеру уже сможет порадовать цветущую пышногрудую девицу...

— Осмелюсь уточнить, наставник... Как именно трясущийся старичок может порадовать пышногрудую девицу? — невинно спросил Хлодвиг.

— Э-э-э, что ты спросил? — спохватился мудрый аквилонец.— Это все чепуха, болтают порой матросы всякое... А вы быстро посмотрите на север!

Близнецы, повинувшись указанию учителя, развернулись лицами к корме барка.

— Взгляните на небосклон,— возвышенно сказал Астрис.— Посмотрите на эту Звездную Степь... Замечают ли мои ученики самую яркую звезду, сияющую над Ванахеймом?

Братья послушно принялись отыскивать яркую звезду на бледнеющем небе, хотя золотистые лучи Ока Митры с каждым мгновением все явственнее выглядывали из-за вершин Рабирийских гор, громоздившихся вдали слева по борту «Шамара».

По правому борту появились пригородные поселения, да и сама Херрида уже отчетливо различалась впереди. Первые лучи утреннего солнца высвечивали основательные укрепления, тянувшиеся вдоль течения Громовой реки и до самой гавани, защищенной мощными морскими воротами-башнями.

— Херрида простирается вдоль Громовой почти на пять тысяч шагов,— пояснил Астрис.— Весь город окружен двойным поясом толстых стен. Сейчас вы, отроки, должны увидеть внешнюю линию, которая идет от устья реки и защищает город как от грабителей, так и от наводнений. Ведь море во время бурного прилива может наполнить русло Громовой своими волнами и гнать их назад, в сторону Аквилонии.

Суда, спустившиеся по Громовой реке, выстроились в линию и направились к узкому входу в бухту, обнесенную мощными стенами. Хлодвиг и Хундинг жадно рассматривали укрепления, ясно говорившие о той опасности, с которой постоянно приходилось иметь дело жителям Херриды. То и дело между Зингарой и Аргосом вспыхивали

войны, так что город, расположенный на расстоянии всего одного дня пути от Мессантии, главного порта аргосского флота, всегда принимал на себя первый удар, нанесенный Зингаре восточным соседом.

Братья уже отчетливо различали каждое звено охранной цепи из толстых звеньев, преграждавшей доступ в гавань Херриды. Цепь была растянута между двумя мрачными башнями-воротами, за ней следили не меньше сотни отборных морских гвардейцев, круглосуточно несущих свой пост.

На палубе «Шамара» появился хозяин барка, тучный аквилонец Лукей,— ему принадлежали и все модные товары, заполнившие трюмы снизу доверху. Купец приветственно кивнул Астрису, рядом с которым стояли ученики, взглянул на приближающуюся Херриду и удовлетворенно потер пухлые ладони. Он явно уже мысленно подсчитывал то количество золота, которое рассчитывал получить от зингарских нобилей в обмен на свои великолепные товары. Зингарцы и их жены-щеголихи ревностно следили за аквилонской модой и ни в чем не желали уступать своим северным соседям. А к счастью для купцов вроде этого Лукейо, в капризной и привередливой Тарантии мода менялась каждые несколько лун. Никто не мог объяснить, почему вдруг входили в моду ткани с орнаментом в виде морских волн, которые через некоторое время так же стремительно устаревали и почитались просто смешными. Дамы считали своим долгом немедленно их забыть, а

приобретали длинные бархатные жилеты и носили несколько кружевных юбок, а потом так же внезапно жилеты шли на подстилки остроносым гончим, а из модных юбок шились нижние сорочки. Взамен появлялось всегда нечто такое, что просто необходимо было приобрести каждому уважающему себя благородному нобилю как в Аквилонии, так и в любой цивилизованной стране, к которой, несомненно, по единодушному мнению ее обитателей, принадлежала и Зингара.

На этот раз Лукейо вез самые модные товары из Аквилонии. За время пути купец доверительно сообщил Астрису, что в трюмах стоят две огромные куклы — мужчина и женщина. Путешественнику, родившемуся на берегах Оссара, не стоило большого труда испросить разрешения взглянуть на этих разрумяненных деревянных истуканов, разряженных в полном соответствии с последними вкусами высшего света Аквилонии. Лукейо собирался выставить этих кукол в своей лавке в качестве образца для подражания. Глядя на деревянного кавалера и его даму, зингарцы должны были бы вблизи насладиться фасонами башмаков, самыми модными лентами и кружевами, бантами и поясами, — глядя на этакое великолепие, херридские модницы должны были бы скупить все, даже опустошив до последней монеты кошельки своих мужей.

Следом за купцом на палубе барка появился кормчий Седэн, прошедший «Шамар» по реке Ширке от самого Танасула до устьев Громовой, до волн Западного моря. С нижней палубы под-

нялись суровые охранники судна, воины в толстых кожаных жилетах. Барк с каждым мгновением приближался к конечной цели плавания по реке, и все с нетерпением ждали прихода в Херриду.

Огромная цепь между морскими башнями ослабла, звенья ее погрузились в море, чтобы вечером снова подняться из воды, преградив доступ в бухту.

«Шамар» осторожно вошел в узкий проход, обрванный высокими мрачными стенами.

— Не хотел бы я находиться на борту неприятельского судна, прорвавшегося сюда сквозь цепь, — заметил Астрис братьям, показывая им на мрачные мощные стены, нависающие над барком. — В любой момент сверху может обрушиться ливень из стрел с зажженными наконечниками, горящая смола из котлов... А видите камни на самом верху?

Близнецы запрокинули головы так, что с затлков соскользнули капюшоны их походных туник, — только тогда они смогли рассмотреть исполинские валуны, замершие на самом верху стен.

— Ужасно вульгарно! — заметил Хундинг. — Эти безобразные камни портят вид, всю стройную линию здания...

— Никто и не думал о красоте, — вздохнул аквилонец. — Эти страшные глыбы поднимались туда не в качестве украшений. Достаточно выбить изпод каждого деревянный клин, толкнуть и... Как вы думаете, путешественники, что стало бы с нашим судном, если бы такой валун рухнул на него?

Мысленная картина падения такой глыбы на корабль исторгла из уст близнецов дружный горестный вздох.

* * *

Корабли довольно долго продвигались по ущелью, образованному огромными толстыми стенами,— иногда приходилось пропускать выходящие из защищенной гавани суда. Наконец близнецы увидели раскинувшуюся на склоне пологого холма Херриду, уже освещенную Оком Митры, который почти наполовину вознесся за это время за Рабирийскими горами.

В просторной гавани теснилось множество судов. Мачты колыхались в утренней дымке стволами причудливого леса, словно выроставшего прямо из воды,— после рассказа наставника о валузийских дубах и такое казалось братьям вполне возможным.

Снизу, из бухты, открывался удивительно красивый вид на просыпающийся город. Взгляд выхватывал узкие башни, высившиеся среди множества остроконечных крыш, крытых терракотовой черепицей.

— Взгляните, сколько шпилей! — прочувственно произнес Астрис.— Херрида знаменита своими храмами, ведь в Зингаре почитают Митру всем сердцем: страстно, исступленно, а не прохладно, как в наших с вами гордых странах. Или вы не согласны со мной?

Юноши не успели ничего возразить, потому что нос «Шамара» под крики матросов тупо уткнулся

в потемневший помост пирса. С борта полетели канаты, и через несколько мгновений судно было пришвартовано, и на берег полетел деревянный трап.

Долгие сборы не требовались. Два вместительных походных кожаных мешка да посох Астриса — вот и вся поклажа, которую нужно было забрать из каюты, служившей путникам домом все время путешествия вниз по Громовой реке.

Хлодвиг и Хундинг не сразу смогли прийти в себя после того, как ступили на зингарскую землю. Несмотря на ранний час, вокруг гавани уже бурлила жизнь. У братьев возникло такое ощущение, что шум и гвалт поднимаются в Херриде, стоит только первым лучам солнца коснуться мостовых.

Братья ошеломленно озирались и глазели в разные стороны, в то время как их наставник уверенно шагал, рассекая пеструю разноязыкую толпу, кишевшую на набережной и на торговой площади. Тяжелый посох Астриса играючи взмывал в его руке и с металлическим стуком равномерно падал на гранитные плиты.

День только начинался, но на торговой площади уже все бурлило. Прилавки ломились от множества товаров, вокруг которых кружили купцы из самых далеких уголков Гирканского материка.

Близнецы ошеломленно осматривались по сторонам, порой даже теряя наставника из вида. По различным костюмам и головным уборам они пытались определить страны, из которых прибыл в Зингару этот торговый люд.

— Смотри, смотри! — возбужденно шептал Хлодвиг. — Видишь эти маленькие круглые шапочки с кисточками?..

— Вижу! — откликнулся его брат. — Это туранцы! А справа стоят трое в тюрбанах с жемчужинами, голову даю на отсечение, что они из Вендии!

Не успел Хундинг рассмотреть как следует костюмы вендийских купцов, как получил толчок локтем в бок:

— Не прозевай! Кхитайцы, самые настоящие кхитайцы!

Близнецы даже остановились, чтобы получше рассмотреть низкорослых щуплых мужчин, желтоватые лица которых были защищены от утреннего солнца соломенными округлыми шляпами, — и тут же на них налетел пухлый шемит в белоснежной длинной рубахе, расшитой загадочными красными знаками и фигурами. Шемит куда-то торопился и от неожиданности выронил сумку.

— Эй, бездельники! — гортанно крикнул он. — Нельзя ли поосторожнее!

Со всех сторон раздавался шум. Портовые смотрители громко командовали, купцы приветствовали друг друга, носильщики бегали со своими скрипучими деревянными тележками.

Братья, вынужденные извиниться перед шемитом, внезапно обнаружили, что потеряли Астриса из вида. Казалось, только что они видели перед собой его спину, но сейчас пестрая толпа, как волны моря, поглотила их наставника. Близнецы ринулись вперед, удобнее подбросив кожаные

мешки за спинами, и снова столкнулись с прохожим, на этот раз — со смуглым мужчиной огромного роста.

Хундинг первым врезался в проходящего по площади гиганта, и у него возникло ощущение, что он с разбега наскочил на ствол толстого дуба, из тех, что в достатке росли в их родной Немедии, — настолько крепким оказался высокий молодой мужчина. Следом за братом и Хлодвиг ткнулся головой в спину незнакомца и тоже в первое мгновение подумал, что боднул лбом каменную стену.

— Кром! Вы что, хотите с ног меня свалить? — усмехнулся тот, глядя сверху на ошеломленных близнецов. — Не успел я приплыть в Зингару, как на меня уже нападают...

Незнакомец стоял против солнца, и его фигура отбрасывала такую огромную тень на гранитные плиты, что в ней оказались не только Хлодвиг с Хундингом, но и еще пара прохожих. Братья переглянулись и обменялись немymi вопросами, потому что ни один не мог определить, из какой страны прибыл этот гигант.

То, что он не мог быть местным жителем, становилось понятно с первого же мгновения, — длинные густые черные волосы незнакомца не были защищены от солнца никаким головным убором; хотя загорелое обветренное лицо говорило о том, что он приехал не из северных земель, в то же время его черты свидетельствовали о том, что это не уроженец Востока. Наставник Астрис, недавно вернувшийся из Пешкаури, показывал близнецам

свои зарисовки костюмов афгулистанцев, и братья могли бы поклясться, что расшитый короткий жилет на этом гиганте носят именно в тех краях, но вряд ли эти голубые глаза могли быть глазами афгула...

Вот если бы его голову обтягивал красный платок, схваченный узлом на затылке, а в ухе покачивалась бы круглая серьга, близнецы в один голос воскликнули бы, что видят перед собой одного из морских разбойников, наводящих ужас на всех купцов Западного моря.

Гигант хмыкнул и двинулся вперед, уверенно рассекая пеструю гомонящую толпу. Следом за ним направились и близнецы, по-прежнему не обнаружившие своего наставника, — нашли они его только у выхода с торговой площади. Астрис стоял опершись обеими руками о посох и внимательно разглядывал запруженные народом улицы.

— Наставник, прости нас... — виновато обратился к нему Хлодвиг.

— Прости нас, наставник... — подхватил его брат, выглянувший из-за плеча. — Мы вели себя неразумно! Мы потеряли тебя...

Астрис лукаво посмотрел на своих питомцев, боявшихся поднять глаза, и наставительно заметил:

— Прелесть каждой потери порой в том, что за ней следует находка. Вы потеряли меня, зато теперь нашли — и это теперь навсегда останется в вашей памяти, на ее широких полях. Двинемся же теперь вперед. Нас уже, наверное, ждет Томезиус, мой большой друг.

Путники свернули на узкую улочку и направились к монастырю Небесного Льва, настоятелем которого и был давний знакомый Астриса Оссарского. По дороге аквилонец, прекрасно знавший Херриду, рассказывал питомцам о том, что она состоит как бы из нескольких городов. На этом месте много эонов лет назад уже существовал роскошный валузийский полис, с причудливыми роскошными дворцами, широкими площадями и высокими башнями. Великая Катастрофа погрузила жизнь в небытие, и только пыль металась многие эоны лет по руинам мертвого города. Только потом образовалась Зингара, и ее жители должны были основать здесь город, чтобы защищать свои границы от воинственных аргосцев и черных корсаров, промышлявших грабежом торговых судов, спускавшихся к морю по Громовой реке.

Как объяснял ученикам Астрис, Херрида делилась на Нижний город и Верхний, защищенный внутренним кольцом укреплений. В Верхнем городе, конечно же, располагались замки и дворцы зингарских нобилей, здесь жили советники и крупные торговые магнаты. А внизу обосновался народ повеселее, но попроще — ремесленники, рыбаки, мелкие купцы. А за границей внешних стен селились те, кто не боялся ничего потерять, — нищие, воровавшие масло из уличных светильников для еды, да чернокожие беглые невольники, сумевшие улизнуть, прежде чем их продали бы на Рабском рынке для работ на зингарских плантациях. Здесь жил своей жизнью как бы еще один город, жилища в котором зачастую вырастали

внутри барков и галер, доживавших на берегу свой век. Самой распространенной пищей здесь была барда, нечто вроде кочанной капусты, в изобилии произраставшей на морском дне вдоль побережья. Барда росла даже на мелководье, так что собирать ее могли и дети, не умевшие плавать. Вареная на костре барда, политая маслом из фонарей с улиц и площадей, да морские ракушки, выброшенные приливом на берег,— вот и вся еда, о которой могли мечтать жители гниющих галер.

Обо всем этом поведал братьям Астрис, пока они шагали по старинным узким улицам Херриды. Часто на пути им приходилось пересекать площади, и тогда восхищенным взорам юношей открывались величественные храмы. Святилищ в Херриде было множество, еще с моря близнецы заметили обилие взметнувшихся над городом куполов храмов Иштар, невольно напоминавших молодым путешественникам огромные женские груди, рубчатые обелиски святилищ Исида и, конечно же, выкрашенные охрой шпили храмов Митры, число которых, скорее всего, не уступало числу мачт, легко колыхавшихся на волнах у причалов херридской гавани. Наставник обратил внимание учеников еще в бухте, когда они смотрели на город снизу вверх, задрав головы:

— Смотрите, ученики мои, такое впечатление, словно не существует разницы между городом и гаванью. Здесь мачты, а в Херриде шпили...

Уже на городских площадях Хлодвиг и Хундинг смогли вблизи рассмотреть дивные храмы, вытянутые в длину и действительно напоминав-

шие морские суда, даже шпили их располагались в центре крыш, словно мачты без парусов.

— Каждый раз, глядя на зингарские святилища, я думаю, что Храм Митры и в самом деле является тем ковчегом, что способен перевезти нас от одного берега жизни к другому,— проникновенно заметил Астрис, откидывая назад седую голову.— Только на палубе такого судна можно не бояться ревущих валов Зла. Ведь в бушующих волнах мне всегда видятся изгибы чешуйчатых колец мерзкого Сета... Нужно каждое мгновение остерегаться его ловушек, никто на свете не может чувствовать себя спокойно, пока по земле ходят его слуги, Рабы Вечной Тьмы.

Шли они довольно долго. Коварная дорога то вела как будто к Храмовому Холму, но потом, точно издеваясь, сворачивала куда-то вбок и, не удаляясь от храмов, все же к ним и не приближалась. Солнце уже нещадно припекало, близнецы изнывали от зноя и жажды, но никто и словом не обмолвился о своей усталости, потому что Астрис словно не замечал духоты, бодро вышагивая по мостовым, набросив на голову войлочный капюшон походной туники.

— Скоро вы увидите нашего старого друга,— жизнерадостно сказал он, указывая на высокий шпиль, выкрашенный яркой охрой.— Когда-то мы с вашим покойным отцом, да пребудет в мире его мудрый дух, короновали неумного Томезиуса! Мы признали этого могучего Льва царем нумерологии, вождем философии, верховным командующим всех древних и ныне существующих языков, на

каких только изъясняются народы! Трепещите, неопиты, скоро вы предстанете перед его мудрыми очами и почувствуете себя мокрыми мышатами, которых рассматривает величавый Лев, подняв за хвостики из лужицы...

Наконец путники миновали узкую улочку и оказались на углу прямоугольной площади, противоположная сторона которой образовывалась оградой Храма Небесного Льва. Одновременно из уст близнецов вырвались вздохи облегчения, но тут же они насторожились, взглянув на учителя. С губ Астриса неожиданно сползла радостная улыбка, и на лице его появилось озабоченное выражение. Он даже невольно остановился на краю площади, и в то же мгновение с обеих сторон рядом с ним застыли Хлодвиг и Хундинг.

— Ничего не понимаю...— тихо промолвил аквилонец.— Врата храма закрыты и завешены белым пологом...

Близнецы устремили взгляды вслед за учителем и увидели, что на самом верху створок ворот белеет какая-то ткань. Они напряженно молчали, не осмеливаясь ни о чем спросить, потому что ясно видели, какое тяжелое впечатление произвела на Астриса эта деталь.

— Белый цвет всегда был в Зингаре цветом горя,— тяжело вздохнув, объяснил он.— Его вывешивают над вратами в дни траура. Томезиус, этот лохматый неумный старик, всегда очень переживает утрату близких. Как жаль, что мы были в день его печали! Но что поделать, не отплывать же нам обратно в Аквилонию...

Сопровождаемый учениками, аквилонец под палящим солнцем не спеша пересек безлюдную площадь, и они оказались перед высокими воротами.

Астрис три раза звучно ударил в дверь металлическим кольцом, висевшим под горлом металлической львиной морды, красовавшейся в центре каждой из двух створок. Не успели близнецы вдохнуть и выдохнуть воздух из груди, как под бровями львиной морды отодвинулась в сторону узкая пластинка и в образовавшемся просвете с внутренней стороны возник чей-то настороженный глаз.

— Мое имя Астрис Оссарский! — с достоинством объявил аквилонец.— Вместе со своими учениками я прибыл в славную Херриду по приглашению почтенного Томезиуса, да пошлет Всемогущий Митра ему дней здравых, а не хворых!

Громыкнул запор, и створка ворот подалась, но очень немного, так что образовалась лишь узкая щель, в которую еще нужно было протиснуться.

— Хороший прием,— пробурчал Астрис, проталкивая свое тело в тесный проем.— Сейчас я выскажу все этому лохматому умнику, сейчас я примусь трепать его нечесаную гриву...

Близнецы, проникшие внутрь за учителем гораздо проворнее, обнаружили, что изучавший их сквозь львиную морду взгляд принадлежал молодой жрице, из-под белой повязки которой на плечи падали густые рыжие локоны. Хлодвиг встретился с ней глазами и почему-то почувствовал, как сердце в груди дрогнуло и качнулось куда-

то в сторону, настолько прекрасной показалась ему эта юная служительница Митры.

— Адальджиза, добрая моя девочка, мы приветствуем тебя,— сказал аквилонец.— Мы видим, что у вас случилось горе. Представляю, как переживает месьор Томезиус, да пошлет ему Податель Жизни здоровья и побольше толстых фолиантов...

— Ах, вы опоздали! — со слезами отозвалась рыжеволосая жрица.— Митра уже никогда не пошлет здоровья доброму месьору Томезиусу! Два дня назад страшная смерть настигла нашего любимого друга...

* * *

Разваливающиеся на ходу калиги не давали Конану покоя. Всем были хороши в свое время эти мягкие сапоги — в горах Химелии их мягкие подошвы не скользили даже на самых отвесных кручах, а в забарских тиковых лесах делали походку бесшумной, как у барса. Но здесь, на зингарских площадях и улицах, мощенных неровными булыжниками, они не доставляли особой радости при ходьбе, да и выглядели, надо признаться, отвратительно.

Будущий капитан не должен выглядеть жеманным щеголем, кто спорит. Дело молодых зингарских нобилей холить свои тоненькие усики, подпиливать и полировать ногти да с жадностью следить за последней аквилонской модой. Какое до всего этого дело моряку?

Но будущий предводитель морского вольного братства должен выглядеть достойно. Никто, по-

нятно, не хихикнет за его спиной по поводу дражной обуви,— какой бы ветер ни свистел в головах пиратов, кулаки варвара не позволили бы им брякнуть что-нибудь обидное.

Но ему предстояло встречаться с зингарскими чиновниками, с советниками, выдающими каперские патенты. А знатные вельможи, хитрые змеи, всегда уделяли большое внимание одежде, Конан это прекрасно понимал. Придешь в приемную к советнику — тут тебе и полированное дерево, и роскошные драпировки, золотые подсвечники и фарфоровые кхитайские вазы до потолка. На полах везде ковры из Иранистана... Да на такой ковер еще могут и не пустить в запыленных рваных калигах...

Невольно взгляд киммерийца остановился на деревянном сапоге, болтавшемся над вросшей в землю дверью, обитой снаружи толстой кожей. В нерешительности он остановился перед этой вывеской, задумавшись на несколько мгновений, и сразу почти перегородил людской поток на узкой полутемной улице. Спешащие по своим делам горожане оказались перед необходимостью огибать исполина-чужеземца — никто не осмеливался попросить его посторониться.

Хозяин, видимо, заметил в окно небольшое столпотворение перед своей лавкой, потому что обитая кожей дверь широко распахнулась и на пороге возник худощавый зингарец в фартуке.

— Прошу вас, почтенный месьор, входите! — темпераментно закричал он, приветственно раскинув руки.— В моей лавке вы найдете лучшую обувь

на побережье! Клянусь Светлыми Лучами Митры, Подателя Жизни, Пастыря Рассвета, Охранника Заката, в лавке Хромого Риэго почтенный месьор найдет все, что только пожелает его душа!

Конан, вообще-то, и не собирался ничего находить. Взгляд его просто упал на деревянный сапог, висящий над дверью. В Херриде можно было увидеть сотни таких эмблем — над тавернами висели днища бочек, а то и целые бочонки, над харчевнями красовались деревянные морды свиней, а над рыбными лавками, понятно, выпиленные из досок рыбыны.

По всей видимости, покупатели не баловали вниманием Хромого Риэго, поэтому зингарец почти вцепился в руку варвара, приглашая его зайти внутрь.

— О, все Святители-Покровители-Хранители-Податели-Возжигатели...— тараторил без умолку хозяин.— О, клянусь кончиками волос Светлоокой Иштар, у меня вы отыщете все, что только захотите!

— Ладно, молчи! — рявкнул Конан.— Нергал с тобой, морская трещотка, показывай, что там у тебя...

Он двинулся вперед и низко наклонил голову, чтобы не врезаться лицом в дубовую притолоку. Какие гномы строили эти дома...

На узкой улочке людской поток сразу пришел в нормальное состояние, как и раньше, понеслись в обе стороны по своим делам шумные зингарцы.

Хозяин лавки, заметно припадая на левую ногу, отошел к узкой длинной скамье, на которой

красовались сапоги и башмаки самых разнообразных форм и размеров. Очутившись внутри, киммериец невольно поморщился от резкого дубильного запаха.

— Конечно, почтенный месьор носит прекрасную обувь, кто спорит,— не прекращал трещать Риэго.— Но и прекрасную обувь иногда приходится менять. Поэтому уважаемый месьор совершенно правильно поступил, что пришел именно ко мне, именно к лавке Хромого Риэго. Только здесь лучшая обувь на всем побережье от Кордавы до Мессантии, от Мессантии до Асгалуна, от Асгалуна...

— Закрой рот, Риэго Стоптаный Каблук! — оборвал варвар его болтовню, свободно изливавшуюся и могущую продолжаться, судя по всему, бесконечно.— Я еще не решил, что мне нужно...

— Так, может, почтенного месьора интересуют перчатки? У меня имеется несколько отличных пар из тончайшего кордавского шевро. А пояса! Какие здесь вы увидите пояса и перевязи! Почтенный месьор...

Риэго осекся, потому что возле его носа возник солидных размеров башмак. Конан легонько ткнул его каблуком в губы и, грозно насупив брови, предупредил:

— Если ты не захлопнешь свой клюв, отродье крикливой чайки, то тебе придется сожрать башмак собственного изготовления, вместе с каблуком и гвоздями. Причем я не дам тебе запить это лакомство ни каплей вина... Понятно?

Смысл обещания дошел до хозяина мгновенно. Он только взглянул снизу в глаза киммерий-

цу, судорожно сглотнул и кивнул в знак согласия.

— Мне нужны сапоги,— сообщил варвар, задумчиво похлопывая башмаком по своей ладони.— Хорошие правильные сапоги, которые может носить уважающий себя капитан каперского корабля. Есть у тебя такие?

— Э-э-э, почтенный месьор, понимаете ли,— осторожно заметил Риэго, не выпуская из вида башмак в руке Конана.— Наметанным глазом я вижу, что у вас огромная ступня...

Киммериец опустил взгляд и посмотрел на свои ноги. Что значит огромная ступня? Нога как нога. Как и он сам...

— Длина вашей ступни, почтенный месьор, осмелюсь заметить, почти достигает локтя. Сожалею, но в моей лавке не найдется ничего, что подходило бы почтенному месьору по размерам.

— Чтоб ты провалился к Нергалу в задницу,— с отвращением сплюнул варвар.— Тебе только башмаки там чистить языком своим, рыба! требуха! «Лучшая обувь, лучшая обувь!»

Он бросил в угол башмак и уже развернулся, чтобы уйти, как Риэго снова заголосил:

— Клянусь Ресницами Митры, почтенный месьор, я смогу скроить для вас самые красивые, самые правильные сапоги капитана каперского корабля, лучше которых не сыщешь на всем побережье от Кордавы до Херриды, от Херриды до...

— Открой-ка пошире свою пасть,— рявкнул Конан, молниеносно схвативший со скамьи башмак с модным в Зингаре длинным носком, заги-

бающимся кверху в виде птичьего клюва.— Разевай челюсти пошире, крысиный хвост, сейчас тебе придется сожрать это!

— Нет, прошу вас, уважаемый месьор капитан! — взмолился зингарец.— Выслушайте меня! Сейчас я сниму с вашей ноги мерку... это будет очень быстро — вы только сядете в кресло, поднимете ногу, и мерка уже окажется у меня... и очень скоро вы выйдете из двери в самых роскошных сапогах, каких не было еще на всем побережье!

На мгновение киммериец нахмурился, рассуждая — впихнуть все-таки в глотку шельмеца каблук или позволить ему снять мерку. Потом бросил на скамью модный башмак и махнул рукой. Оставалось только сесть в кресло.

— Действуй, мерзавец,— вздохнул он, поднимая ноги, обутые в разваливающиеся афгульские каллиги.— Сам Сет с тобой не справился бы...

— Что вы, что вы, месьор капитан! — испуганно взвился боязливый зингарец, делая рукой защитные пассы.— Разве можно в честном доме упоминать это страшное имя! Особенно когда гнусное чудище бродит по ночным улицам Херриды...

Понимая, что заказчик уже не уйдет, Риэго снова дал волю своей болтливости. Стаскивая с ног Конана порванные пыльные сапоги и снимая с его ступней мерку, он без умолку молот языком:

— Как думает почтенный месьор капитан: скоро ли добрая Херрида избавится от Ночного Губителя? Долго ли еще мерзкий душегуб будет мучить честных жителей жестокими убийствами?.. Ну и нога у могучего месьора!.. Светлое Око Мит-

ры должно рассеять уже сплошной мрак и прекратить убийства... В лавке Ризго еще никогда не шились сапоги такого огромного размера!.. Клянусь Дарами Пухлых Грудей Иштар, теперь ночью даже стражники боятся выходить на улицы... Ну и подошва выйдет у этих сапог!

— О Кром...— не выдержал варвар и выдернул левую ногу из ловких рук зингарца.— Твой язык вертится, как хвост у старой ослиной задницы, а толку никакого. Что ты несешь, морская пена? Я ничего не мог разобрать, о каком еще губителе ты мелешь?

Зингарец от легкого толчка опрокинулся назад, не выпуская, однако, из рук деревянную мерку. Тут же он приподнялся и вытаращил на Конана изумленные блестящие глаза.

— Уважаемый месьор не знает, что творится в Херриде? — удивленно пролепетал сапожник.

— Плевать я на это хотел,— хладнокровно заметил киммериец.— Сегодня я приплыл сюда, а через пару-тройку дней, надеюсь, уже забуду о твоём вонючем городишке. Есть на свете места и лучше...

Варвар и в самом деле не рассчитывал долго задерживаться здесь. Конечным пунктом его маршрута все-таки оставалась Кордава. Именно в столице можно было надеяться получить приличное каперское судно, да и с самим патентом капера там не должно возникнуть существенных трудностей. Кое-кто там, понятно, еще и держал на него зло,— у многих в Зингаре имя Амра вызывало зубной скрежет. Но все решают, в конечно счете,

деньги, золотые кордавские золотые с солнечным диском Митры. А их Конан мог добыть порядочно, к тому же ему бы не понадобилось слишком много времени, чтобы в казну полилась золотая струя, половина той реки, которую он в будущем собирался повернуть в сторону своего кармана.

А насчет того, что Херрида — вонючий городишка... Так тут не особенно он и преувеличивал. За свою жизнь Конан видел города сказочной красоты, удивительные, непохожие друг на друга полисы. Разве можно забыть, как сверкают в лунном свете золотые купола бесчисленных храмов в Аренджуне? Как сотня высоченных зиккуратов поддерживает расплавленное небо над Дамастом? Разве можно с чем-то сравнить роскошь дворцов Султанапура, этой восточной красавицы, у стройных ножек которой распростерлось прирученным диким медведем бескрайнее море Вилайет? Да что там говорить с каким-то колченогим зингарским сапожником, проторчавшим всю жизнь в лавке среди стелек и каблучков... Конечно, он станет клясться каждым волоском в бороде Митры, что краше его родной Херриды нет города на всем побережье от Кордавы до...

— Ужасные убийства сотрясают Херриду,— обиженно взвился хромой.— Через каждые три дня новая смерть!

— Ну и что? — равнодушно пожал плечами киммериец.

Сколько он себя помнил, вокруг постоянно ходила смерть. Даже во сне варвар не мог никогда расслабиться, и сон его всегда был чуток, так что

никто не смог бы спокойно приблизиться к изголовью его кровати, как бы крепко Конан ни спал.

Детский лепет... каждые три дня — новое убийство. Да ему столько пришлось повидать на своем веку убитых, что из них можно было бы составить целую армию. Киммериец даже невольно усмехнулся при мысли о такой армии, хотя улыбка вышла достаточно зловещей, ведь он подумал, что такая армия была бы самой страшной на свете. Воображение помимо его воли нарисовало картину наступления безмолвного войска: залитые кровью бойцы с зияющими глазницами разрубленных черепов... лучники с отрубленными головами... конники, прошитые насквозь десятками стрел, но продолжающие управлять тяжелым бегом своих скакунов, защищенных мощными доспехами... Перед атакой такой армии в ужасе отступили бы самые доблестные защитники.

— Через каждые три дня в Херриде происходит новое убийство,— продолжал сапожник.— И самое страшное, что каждой жертве Губитель вырезает сердце, а потом ставит на лицо несчастного огромное клеймо!

— Да, это противно,— поморщился варвар.— Кром, бог моей родины, велит нам вырезать печень своему врагу. Но ведь это происходит во время схватки, когда воины дерутся друг с другом и все находятся в равных условиях. Ты согласен, хромой? Воин не станет убивать по ночам безоружных!

— Конечно,— поспешил согласиться сапожник, никогда не державший в руках оружия, кроме, разве что, широкого ножа для кожи.

— Ну что, трещотка, снял ты наконец мерку? — недовольно спросил Конан, которому надоело торчать в вонючей мастерской.

Он поднялся с кресла и понял, что вряд ли сможет еще раз надеть свои любимые калиги. После того как этот херридский болтун небрежно стащил их с ног киммерийца, его ветхая обувь совсем развалилась. Не шлепать же ему по зингарским мостовым босыми ногами!

— К завтрашнему вечеру почтенный месьор капитан сможет надеть новые сапоги,— сладко улыбаясь, сообщил Ризго.— Это будут лучшие сапоги, клянусь Дыханием Митры, и...

— Что ты несешь, мерзавец? — взревел киммериец.— Да я вырежу тебе не только сердце, но и заставлю сожрать собственные кишки вместе со всей требухой! Клянусь Взглядом Крома, я поставлю такое клеймо на твою воровскую морду, что тебя не узнает сам Нергал, когда встретит на краю своей помойной ямы! Сапоги мне нужны немедленно!

Но, как бы велик ни был его гнев, варвар понимал, что чудеса встречаются на этом свете редко, тем более в сапожной лавке. Хромой зингарец меньше всего походил на чародея вроде Витариуса,— тот, наверное, смог бы с помощью заклинаний быстро создать необходимые сапоги,— а Ризго умеет действовать только иглой да молотком.

Сапожник кричал и клялся всеми мыслимыми клятвами, что не сможет быстрее обещанного выполнить работу, а Конан громогласно обещал содрать с него кожу и сделать из нее подметки в

следующей мастерской. В конце концов стало ясно, что раньше вечера этого дня сапог ему было не видеть.

Скрепя сердце, киммериец согласился и все-таки стал натягивать рваные калиги, хотя они с каждым мгновением все меньше и меньше напоминали обувь.

— Но мы еще не поговорили о цене, — промурлыкал хитрый Ризго. — Мы еще не выяснили, из какой кожи мне шить сапоги почтенному месьору капитану...

— Из какой кожи? — хмыкнул Конан. — Да разве это не все равно?

— Нет, конечно! В лавке Ризго шьются сапоги из кожи рабирийских козлов — для стражников, из кожи пуантенских ягнят — для нежных дам, из кожи ванахеймских оленей — для моряков. Но почтенному месьору я могу предложить самую лучшую кожу, которая вообще существует на свете, клянусь Дарами Митры и всеми...

— Ты опять захотел попробовать на вкус свой башмак? — зловеще поинтересовался киммериец. — Говори коротко, мошенник!

— Хорошо! Скажу прямо: лучшей кожей для сапог почтенного месьора будет кожа гликона. Ничего более подходящего нет, — понизил голос сапожник.

Варвар озадаченно почесал затылок.

Он, конечно, слышал о существовании гликонов, огромных змей, живущих в мутных водах Черной и Громовой рек, но никогда не видел этих жутких тварей, способных утащить с деревянных

мостков зазевавшуюся селянку, стиравшую белье у реки, или даже опрокинуть лодку рыбаков. Гликоны подстерегали людей и около купален, близ речных причалов и безобидных заливчиков. Никому не удавалось вернуться из их подводных нор, и поэтому жрецы Митры из зингарских храмов проклинали гликонов: было строжайше запрещено использовать их кожу и есть мясо (весьма вкусное), потому что змеи-людоеды считались прямым порождением Сета, Змея Вечной Ночи.

— Это, конечно, не совсем законно, — заговорщицким тоном объяснил Ризго. — Королевским приказом запрещено даже прикасаться к шкуре гликона, если удастся поймать змею, ее следует немедленно сжечь. Но вдоль рек никто не слушает приказа... из гликонового мяса получается дивное жаркое... одним змеиным яйцом можно накормить целую крестьянскую семью... но, главное, кожа гликона носится вечно! Она очень мягкая и приятная на ощупь, но прочнее ее ничего не создано на этом свете... Месьор капитан будет носить сапоги до самой старости и передаст их в наследство своим внукам, а они будут как новые!

— Ты опять завертел языком, бездельник!

— Нет, нет, уверяю тебя, благородный месьор! Я сразу подумал об этой коже, как только увидел почтенного месьора. Не каждому ведь в Херриде можно предложить запрещенные вещи, а почтенный месьор капитан упомянул, что скоро ухнет от нас...

Сапожник проковылял к окну и осторожно выглянул, убедившись, что с улицы никто не загля-

дывает в его лавку. Потом запер дверь и вернулся к объемистому деревянному сундуку. Нырнув туда так глубоко, что в какой-то момент его ноги даже оторвались от пола, Риэго извлек свернутый рулон.

— Вот она...— благоговейно прошептал он, смахивая пыль с лица, красного от прилившей крови.— Самое лучшее, клянусь Дарами... э-э-э, простите меня, почтенный месьор!

В глазах Конана, без предупреждений схватившего со скамьи ботинок, блистала такая решительность, что болтливый сапожник счел за лучшее умолкнуть, не дожидаясь дополнительных угроз.

— Хорошо, шей из этой кожи или из шкуры самого Сета, но только делай это побыстрее, мерзавец! А не то я нарежу твою задницу себе на подметки!

— Почтенный месьор может не волноваться! Все будет очень быстро. И подошва выйдет самая крепкая — я сделаю ее в пять слоев кожи и прошью крепкими гвоздиками по краю всей ступни. А не хочет ли почтенный месьор, чтобы я изобразил на подошве рисунок его герба?

— Чего это ты еще мелешь?

— Это сейчас очень модно! Нобили просят, чтобы гвоздями на подошвах обуви выбивались их гербы. Почтенный месьор имеет собственную эмблему?

— Мой меч — мой герб,— ухмыльнулся киммриец.

— Прекрасно! Вот меч я и могу изобразить на твоих подошвах. Десять гвоздиков вдоль это бу-

дет лезвие с рукояткой, а три гвоздика поперек, это, стало быть, защитная гарда...

И Риэго выложил шляпками гвоздей на скамье абрис меча.

— Это и будет твоим гербом, почтенный месьор! — угодливо захихикал он.— А уж как я буду стараться! Очень, очень... особенно когда вы заплатите мне шесть кордавских золотых.

Конан прекрасно понимал, что сапожник просит за сапоги немыслимую цену, но в таких случаях он вел себя беспомощно как ребенок. Что подлаешь — когда Кром одаряет своих детей искусством воевать, он не наделяет их искусством торговаться.

— Сколько это будет на вес? — скривился варвар, заглядывая в свой мешочек с золотом.— Я здесь недавно и еще не успел обменять монеты.

Лицо Риэго вытянулось. Сапожник испуганно посмотрел на кожаный кошель гостя и попросил:

— Пусть почтенный месьор обменяет свое золото на зингарские монеты... Совсем недалеко есть лавка менялы. Ее легко найти: перед дверями висит эмблема весов, две такие чаши... Меняла взвесит золото, тогда Риэго сможет спокойно начать работу.

— Где эти твои весы? — хмуро спросил Конан.— Чтоб Кром сожрал твою печень...

* * *

Кладбище Четырех Фонтанов примыкало к задней стене Храма Небесного Льва. Здесь находились фамильные склепы знатных зингарских родов —

даже живущие в глубине страны нобили привозили усопших сюда, потому что традиция предписывала хоронить их недалеко от моря.

В центре кладбища возвышалась усыпальница семьи Фредегара, герцога Херридского, на протяжении многих лет властвовавшего в приморском городе. Здесь были захоронены его благородные предки, всегда властвовавшие в Херриде.

День и ночь печальная влага струилась в четырех фонтанах, окаймлявших их огромную усыпальницу, по черному мрамору, добывавшемуся в каменоломнях герцога в отрогах Рабирийских гор. Место каменоломен было известно лишь немногим, потому что использовать черный рабирийский мрамор имели право лишь принадлежавшие к династии Фредегара. Каждый, осмелившийся в Херриде заказать себе хотя бы небольшую вазу из священного камня, приговаривался к немедленной казни, а его имущество переходило в собственность городской казны, то есть казны Фредегара. Такова была воля светлейшего герцога, такова была воля Митры, Хранителя Священного Дома.

Вокруг герцогского склепа, черного периптера с каннелированными колоннами, располагались усыпальницы из полированного рабирийского обсидиана и несокрушимого барахского базальта, из морского гранита и белого речного бушонга. Здесь можно было увидеть все богатство зингарских и аквилонских пород камней, кроме черного рабирийского мрамора, потому что много лет назад придворный астролог герцога Фредегара вычислил, что черный мрамор является незыблемой основой

герцогской династии, но он же может и привести ее к гибели. Никто из знатных зингарских нобилей не возмущался этим законом публично: слишком сильны всегда были находящиеся у власти члены династии Фредегара, родственники королевской фамилии. Хотя многие охотно использовали бы черный мрамор для семейных усыпальниц, потому что священные манускрипты предписывали хоронить усопших в склепах именно из черного камня, а не было в ближайших пределах других пород, кроме рабирийского мрамора.

* * *

Астрис довольно долго водил близнецов по Кладбищу Четырех Фонтанов и рассказывал им о священном значении этой породы камня. Вечером здесь должны были захоронить его дорогого друга, месьора Томезиуса, поэтому аквилонец находился в скорбном состоянии духа и в сопровождении учеников гулял по кладбищу, печально сложив руки на груди.

— Сегодня вы увидите зингарский похоронный обряд... — печально сказал он, остановившись напротив очередного памятника. — Зингарцы считают, что смерть не означает полный разрыв с миром, а умерший погружается в особый сон, от которого может потом очнуться и снова вернуться к жизни...

Аквилонский мыслитель болезненно поморщился и задумчиво спросил себя:

— Но как сможет очнуться несчастный Томезиус, если у него вырезано сердце?

Близнецы услышали тихий голос наставника и почти одновременно содрогнулись от воспоминания об его убитом друге.

Утром, когда рыжеволосая Адальджиза открыла им ворота с львиной мордой и сообщила страшную весть, Астрис от изумления выронил из рук посох. Но он просто почернел лицом, когда узнал ужасные подробности смерти своего друга: благородное сердце было вырвано из груди Томезиуса, а на искаженном от боли лице стояло непонятное клеймо, напоминающее след огромной птичьей лапы.

Все обитатели храма дрожали от страха, потому что Томезиус стал очередной жертвой Ночного Губителя, оставлявшего каждый раз на их лицах жуткое клеймо.

— Славного настоятеля похоронят в согласии с зингарскими обрядами, — со слезами в голосе вздохнул Астрис и печально повернулся к близнецам: — Сколько самых разных обрядов я видел за время своих странствий. Об этом можно написать целый манускрипт, да только мне не очень хочется к нему подступаться... Почти в каждой стране хоронят по-разному... Кочевники-шанки, живущие в туранских пустынях, просто оставляют мертвецов на песке — ветер за несколько дней смешивает их тела с песком и соединяет с родной пустыней, из которой они и вышли... У иранистанцев есть особые «башни молчания», они не могут осквернить земли трупами, поэтому затаскивают их высоко на крыши башен, пока дожди, солнце и стервятники не сделают свое дело... у

северных варваров есть обычай насыпать курганы над погибшими. Есть там даже бог Кром, Владыка Могильных Курганов... Стигийские жрецы владеют жутким искусством: они могут превратить тело умершего в черную мумию...

Хлодвиг и Хундинг боязливо оглядывались по сторонам. Им совсем не нравилось гулять по кладбищу, да еще слушать жуткие подробности разных похоронных обрядов. Но ни один из братьев, естественно, не мог признаться в этом учителю, который прочувственно предавался воспоминаниям:

— Стигийцы возводят для повелителей и пирамиды колоссальных размеров... Возле Кеми их можно видеть издалека, а внутри каждой такой пирамиды целый лабиринт, целый подземный город. Стигийские жрецы всегда боятся мстительной души усопшего владыки мало ли что душа может вспомнить? Поэтому они стараются задобрить душу умершего и отправляют вместе с ним в нижнее царство всех его жен, всех слуг, собак и певчих птиц... Мало ли кто там может понадобиться?

Близнецы были вынуждены согласно кивать, хотя им больше всего хотелось уйти подальше от давящей кладбищенской тишины. Не очень-то весело начиналось их первое путешествие...

После тяжелого известия, услышанного ими прямо у врат храма, все представлялось им в мрачном свете. Даже сама величественная постройка не произвела на братьев того восторженного впечатления, которое ожидалось, ведь Астрис несколь-

ко раз говорил им, что это сооружение принадлежит к одним из самых совершенных в Зингаре.

Но после известия о смерти, мучительной и загадочной смерти Томезиуса здание храма казалось Хлодвигу и Хундингу тяжелым и мрачным. Собственно, само храмовое помещение, увенчанное высоким восьмигранным шпилем, покоилось на двух возвышенных прямоугольных террасах, расположенных одна над другой. И нижняя терраса, большая по размерам, и верхняя со всех четырех сторон были окружены крытыми галереями с двойными рядами каннелированных колонн, покрашенных яркой охрой и натертых горным воском до блеска снизу доверху, от базы до капителя.

В храм можно было попасть только через крытый ход, ведущий через священную рощу от Привратни. В Привратне и остановились путешественники: Астрису выделили отдельные покои, а братьев поселили в крохотной каморке рядом с кладовой. Здесь жили жрецы и служители храма, здесь перед воротами у крытого хода располагались источники, день и ночь струящиеся из камня,— перед посещением храма каждый должен был пройти очищение.

Как успели заметить близнецы, Привратня представляла собой не одно здание, а целый ряд строений различной высоты, тесно прилепившихся друг к другу, так что узкие окна одних покоев порой смотрели в окна других.

Когда они рассматривали Привратню изнутри, то вплотную подошли к крытому входу, ведущему к террасам храма. Тут же с обеих сторон из

мрака вынырнули молодые прислужники в белых длинных плащах.

— Сюда вам нельзя приближаться! — злоеще прошептал один из них, видимо старший, потому что его подбородок украшала острая бородка такой черноты, что выделялась в полумраке даже на его смуглом лице.— Кто вы такие? За нарушение правил мы посадим вас в подвал!

Хлодвиг и Хундинг в одно и то же мгновение растерянно повернули головы, уставившись друг на друга в поисках поддержки. Но не успели они по-настоящему испугаться, как из-за угла показался знакомый силуэт и уверенный голос произнес:

— Простите юношей! Они не знали здешних правил.— Астрис приблизился вплотную к близнецам и приобнял их за плечи.— Это мои немецкие ученики, они только первый день в Херриде, поэтому о многом еще не подозревают.

— Прошу прощения, уважаемый месьор Астрис,— почтительно поклонился прислужник с бородкой.— Мы не знали, что это ваши воспитанники, но все равно, входить в это время в Священный Ход запрещено даже избранным!

— Да пошлет Митра много света в вашей жизни,— отозвался аквилонец.— Мы удаляемся и приблизимся к Ходу только вечером...

Когда служители снова отступили в темноту, а путешественники удалились от охраняемого места на безопасное расстояние, наставник отчитал братьев и строго запретил им заходить в незнакомые места, особенно в ближайшие дни. Он задумчиво пояснил:

— Сейчас тут очень беспокойно. Даже в лучах божественного света многое остается для меня неясным. Покойный, да пребудет его дух с нами, занимал очень высокий пост. Долгие годы он был теннетором — настоятелем и Верховным Жрецом главного храма Херриды. И неожиданно смерть настигает его, причем какая! Ужасная, мучительная смерть...

Они шли по длинному мрачному коридору, словно прорубленному в цельном огромном куске камня. Приглушенный голос Астриса едва был слышен братьям из-за шороха шагов и шелеста одежды, гулко отдававшихся под высоким сводчатым потолком.

— Осмелюсь спросить, уважаемый наставник, — не выдержал Хлодвиг. — Неужели мы должны сидеть в каменной конуре в то время, пока ты отсутствуешь? В твоих покоях есть высокое окно, там достаточно светло... а мы не можем даже читать, так тускло в нашей камерке! Что нам делать?

— Думайте о милости богов. В темноте и безмолвии вы можете вызвать в памяти самые достойные мысли о Дивном Свете Митры, о благах Иштар и милости Исида. Глаза сообщают нам о свете, о всех красках и разнообразных формах. Уши — о всевозможных формах звуков, о сладких мелодиях песен и суровой скорби погребальных гимнов. Ноздри знакомят нас со всеми существующими запахами. Со всевозможными вкусами пищи — рот. Но какой орган сможет поведать нам о милости богов?

Спутники вышли из темного коридора и оказались в просторной высокой зале, свет в которую проникал сквозь просторное круглое отверстие в потолке. Братья уже знали, что если повернуть в коридор, начинающийся напротив, то можно упереться в толстые дубовые двери кладовых, — рядом с ними и располагалась отведенная им каморка, похожая, скорее, на объемный каменный сундук с крохотным оконцем. Из просторной высокой залы вырастала и крутая каменная лестница, ведущая в главные покои Привратни, в покои теннетора Храма Небесного Льва — круглую башню, возвышающуюся над всеми строениями жилых помещений.

Долгие годы башню занимал Томезиус, и Астрис неоднократно бывал у него наверху, проводя долгие вечера в ученых беседах. Теперь покои теннетора стояли закрытыми, и никто в храме не знал имя их будущего хозяина. Близнецы видели, как их учитель вполголоса переговаривался с некоторыми жрецами, своими старыми знакомыми, — они вели речи осторожно, внимательно поглядывая по сторонам, так что даже стоящим в нескольких шагах братьям не удавалось разобрать ни слова.

До наступления вечера оставалось недолго, и погребальная служба должна была скоро начаться, — это становилось понятным уже по тому, что в зале Привратни появлялось все больше людей из города, не проживающих постоянно у храма. Томезиуса знали и уважали многие зингарские нобили, поэтому они пришли в этот вечер проводить его в последнее странствие.

В длинном коридоре, ведущем ко входу в храм, вспыхивали укрепленные на стенах факелы, освещившие неясным пламенем мрачные своды. Близнецы шли следом за Астрисом, в знак траура задрапировавшим плечи белоснежным покрывалом, — даже в эти скорбные мгновения он не пожелал расстаться со своей походной туникой, в то время как и Хлодвиг, и Хундинг заставил облачиться в длинные белые плащи, поглотившие облием своих складок хрупкие фигуры юношей.

Наступал Час Лилии. Как объяснил аквилонец, лишь дважды — в полдень и полночь — над Храмом звучал звон главного Гонга. Время здесь обычно бесшумно отмерялось Часами Цветов, одним из удивительных чудес Херриды.

Часы Цветов представляли собой обширную круглую клумбу, разбитую перед центральным порталом Нижней террасы храма. Круг разделялся на двенадцать сегментов, каждый из которых был засеян особым сортом цветов. Секрет часов, видных из окон жилых помещений и из храма, состоял в том, что бутоны различных цветов раскрывались и закрывались в определенное время, сменяя друг друга в строгом порядке, предустановленным божественной природой, человеческой мудростью и волей всемогущих богов.

Ранним утром, стоило только первым Ресницам Митры коснуться спящей земли, просыпались и расправляли лепестки чашечки шамарской орхидеи — наступал Час Каттлеи, прихотливого и своенравного цветка, закрывавшегося сразу, как только лучи солнца начинали пригревать. Тогда на-

ступал Час Козлобородника, вместо орхидеи выпускал бутоны этот яркий коринфийский цветок. Затем время показывали красные крокодилы из гирканских поим, мессантийские нарциссы, скромные северные наперстянки и другие цветы.

Вечер начинался с Часа Лилии. Как только раскрывались их белоснежные лепестки, всем приходившим на погребальный обряд было позволено омыть руки и лицо в источниках очищения.

Тихо струились прозрачные струи. В скорбном молчании каждый подходил к источникам и плавными движениями омывал священной водой лоб и щеки, чтобы войти в храм незапятнанным.

Близнецы делали все вслед за Астрисом, послушно повторяя каждое его движение. Казалось, они даже дышали в том же ритме, что и их учитель, благоговейно копируя каждый его поворот. Совершив обряд очищения, Хлодвиг и Хундинг получили право войти в Ход и направились к храму по этой крытой низкой галерее, освещенной редкими факелами.

Внутренние помещения храма, обнесенные рядами колонн, состояли из Столбовой Залы, куда разрешался вход обычным мирянам и молодым жрецам, и Святилища, доступного только посвященным, высшим жрецам.

Под сводами Столбовой Залы поплыла строгая погребальная мелодия. Зазвучал старинный зингарский похоронный напев, по обычаю исполняемый только мужскими голосами в унисон. Когда-то эта суровая мелодия звучала на полях брани — после страшных боев оставшиеся, обступив кру-

гом павших, хриплыми голосами пели о вечной дружбе. И сейчас голоса молодых жрецов дрожали от скорби, каждый плавный поворот простой, но страстной мелодии наполнялся истинным чувством, сразу же передававшимся всем присутствующим в Храме.

Близнецы невольно тесно прижимались плечами друг к другу, когда взгляды их падали на тело несчастного Томезиуса. Убитый лежал в свинцовом гробу, покоившемся на мраморном постаменте, вокруг которого располагались жрецы в белых траурных одеяниях.

Согласно старинному зингарскому обычаю, покойного должны были проводить в семейный склеп, находящийся на Кладбище Четырех Фонтанов, и там залить его тело прозрачной смолой, состав которой держался в строгом секрете. До этого в усыпальницу следовало доставить чашу со священным огнем из храма. Таков был древний обряд, пришедший в Зингару из тьмы времен. Никто не мог уже объяснить, что именно он означает, но все уважаемые граждане Херриды погребались в полном согласии с ним.

Хундинг печально вздыхал и благоговейно внимал суровым напевам, а Хлодвиг... Хлодвиг ничего не мог с собой поделать. Пылкий взгляд его постоянно устремлялся в сторону Адальджизы, рыжеволосой молодой жрицы, отворившей сегодня утром храмовые ворота. Еще тогда сердце юноши почему-то наполнялось сладкой дрожью, стоило ему лишь на мгновение встретиться с кроткими глазами девушки. И теперь, как только Хлодвиг

видел ее рыжие локоны, ниспадающие на белый каласирис, служивший одеянием всех обитательниц Храма, как дыхание его точно прерывалось.

— Я все расскажу наставнику,— шипел ему в ухо Хундинг.— Ты невнимательно читаешь траурную лауду!

Но Астрис, похоже, и сам все прекрасно видел. От его пронизательного взгляда не укрылось и то, как рыжая Адальджиза порой бросала украдкой взгляды в сторону близнецов, и тут же щеки молодой жрицы загорались румянцем.

— Слушайте песнопения и смотрите только на священное изображение диска Митры,— строго прошептал он братьям.— Этот траурный гимн сочинил несколько лет назад сам месьор Томезиус...

Днем Астрис долго вспоминал своего покойного друга, человека весьма религиозного и обладавшего многими талантами. Искусный оратор, тонкий знаток философии и астрологии, полиглот, владевший многими хайборийскими языками, настоятель Томезиус питал особенную страсть к музыке и сам написал в свое время немало вдохновенных мелодий на слова хвалебных лауд в честь Митры. Он любил пышную и торжественную службу, совершаемую по праздникам в Храме Небесного Льва, особенно сложнейшие песнопения, исполняемые капеллой.

«Музыка — это искусство прекрасного движения. Кто умеет ее чувствовать, тот пьет божественный напиток из брызжущего источника жизни...» — вспоминал Астрис слова покойного настоятеля, признаваясь, что именно Томезиус научил

его полностью воспринимать то богатство молитв в честь Митры, в которых проникновенная мелодия подчеркивала смысл божественных обетов, где музыка, соединяясь с текстом, наделяла слово высшей, сверхъестественной, магической силой, воздействовавшей на воображение каждого благоверного. Близнецы, стоявшие во время заупокойной службы среди митрианцев, были вынуждены подчиниться приказанию своего учителя и сосредоточиться на печальной музыке, в равномерном медленном темпе которой угадывался ритм немолимой поступи, равномерное колыхание похоронной процессии.

Взгляды братьев, как и велел наставник Астрис, обратились к священному изображению золотого диска Митры, сиявшего в середине центрального портала, а губы их беззвучно шевелились, повторяя сакральные слова плившей над куполом храма погребальной молитвы.

Хлодвиг разрешил себе бросить взгляд в сторону Адальджизы только тогда, когда в гулкой тишине растаяли последние ноты заключительной каденции траурного гимна. Жрецы на некоторое время смолкли, давая своим голосам краткую передышку перед следующим, заключительным песнопением, и в храме стало так тихо, что слышно было потрескивание толстых фитилей чашеобразных позолоченных светильников, свисавших на цепях вдоль стен святилища.

Когда Хлодвиг украдкой посмотрел на рыжеволосую послушницу, то увидел, что Адальджиза покорно кивает, видимо, в ответ на чьи-то слова.

Она смиренно склонила голову и скрестила руки на груди в знак своего подчинения, но с кем именно она разговаривала, юноша не мог определить. Ее собеседник стоял за колонной, и полутьма скрывала от взоров черты его лица.

Торжественный звук огромного круглого гонга возвестил о продолжении заупокойной службы, и капеллане, глядя в священные книги, начали следующее суровое песнопение, последнее звено обязательного похоронного ритуала, после которого гроб с телом настоятеля отправился бы к фамильному склепу, к своему последнему приюту. Жрецы, в согласии со старинным обрядом, должны были залить тело особой смолой и закрыть свинцовой крышкой до того момента, когда Податель Света Митра не призвал бы Томезиуса к новой жизни.

Хлодвиг посмотрел в сторону Адальджизы и увидел, что девушка направилась к выходу. Глаза ее были опущены, а руки бережно поддерживали позолоченную чашу с горящим фитилем, напоминающую светильники, свисающие на цепях возле каждой колонны храма.

Брат в очередной раз толкнул Хлодвига локтем в бок, но тот даже не заметил этого, потому что почувствовал непонятную тревогу. Горло юноши словно стиснул невидимый обруч, когда он увидел, что Адальджиза одна вышла из храма в ночную темень. Взглядом он проводил ее фигуру, девушка словно почувствовала это и обернулась на пороге святилища. Глаза их встретились, Хлодвиг боковым зрением заметил, что Астрис внимательно

наблюдает за ним, но ничего не мог с собой поделывать, не смог отвести взора.

Позже он так часто вспоминал это краткое мгновение, и в его воображении мимолетная сцена казалась очень долгой, потому что навсегда в память Хлодвига впечатался стройный силуэт, освещенный сверху лампами на фоне черного прямоугольника врат храма...

* * *

Адальджиза шла по ночному кладбищу, и сердце ее наполнялось ледяной дрожью. Ладони девушки бережно поддерживали круглую чашу с зажженной лампой, колеблющийся свет которой едва рассеивал тьму вокруг, выхватывая из ночной черноты то распутившийся ночной кладбищенский цветок, а то и очередной фасад фамильного склепа, круглые окна которого так напоминали пустые глазницы черепа.

Старинный обряд требовал, чтобы чаша со священным огнем из храма стояла в усыпальнице до того момента, когда наступит полночь и главный гонг Храма ударом должен возвестить о наступлении нового дня. Каждый раз чашу в склеп относил послушница, и Адальджиза с ужасом ждала своей очереди. Грудь ее беспомощно холодела от одной мысли, что ей придется одной идти ночью по кладбищу. Хотя многим из ее подруг уже пришлось пройти тяжелое испытание,— ведь похоронные службы совершались в Храме Небесного Льва не так уж редко,— Адальджиза думала, что умрет от страха, участвуя в старинном мрачном обряде.

И вот сейчас она осторожно ступала по мелкому гравию узкой дорожки, пугаясь звука собственных шагов и шороха ткани каласируса, плотно обтягивающего тело, облегающего икры и не позволяющего делать широкие шаги. Каласирус специально кроился так, чтобы послушница не могла быстро ходить в знак своего смирения перед Владыкой Света. Как бы девушка ни спешила поскорее доставить священную чашу из храма в фамильный склеп Томезиуса, ее походка была словно заранее предписана узкой юбкой, поэтому путь по кладбищу длился невыносимо долго. Адальджиза безостановочно повторяла про себя слова священного гимна, она взывала к Митре о помощи и просила Владыку защитить ее.

Внезапно ее чуткий слух уловил непонятные звуки, явственный шорох где-то неподалеку. От неясного предчувствия по телу девушки пробежал озноб, и фитиль, горевший в центре чаши, которую она несла в руках, ощутимо задрожал.

Ноги ее остановились сами по себе, и Адальджиза не могла заставить себя сделать хотя бы шаг вперед. Она пыталась убедить себя в том, что шум ей только послышался, что на кладбище в полночь никого не может быть, но...

Зловещее шуршание повторилось снова! Адальджиза беспомощно оглянулась назад, на храм, светящийся изнутри. Там, внутри, находилось много людей, но все они были так далеко...

Шум раздался совсем рядом с ней, где-то в кустах у ближайшего склепа. Сердце девушки дрогнуло, и она ринулась назад. Трескал по швам плот-

но облегающий тело каласирис, не хватало дыхания, и крики вырывались у нее из груди, но Адальджиза пыталась бежать, не выпуская из рук чашу с сакральным огнем.

Ей показалось в неясном свете лампы, что в кустах вился хвост огромной змеи, стелющийся по траве, растущей рядом с могильным склепом.

— Сет! — вырвалось у нее из уст проклятое имя Змея Вечной Ночи. Сам Властитель Тьмы подстерг ее и пытался преградить путь со священным огнем.

Она не смогла далеко убежать, через несколько мгновений нога девушки подвернулась, и Адальджиза не удержала равновесия и повалилась на гравий кладбищенской дорожки, роняя чашу. Сзади раздавался страшный звук чьих-то шагов.

— Помогите! — закричала она. — Помогите!

Девушка успела еще подняться на ноги и оглянуться, но тут же словно окаменела от того, что увидела за спиной.

— Помогите! — иступленно взывала Адальджиза.

На нее из темноты надвигался чудовищный монстр огромного роста. Девушка визжала от ужаса, но не могла стронуться с места, не могла сделать и шага из-за предательски ослабевших ног. Комок тошноты подступил к горлу Адальджизы, когда она увидела чешуйчатое лицо монстра, его горевшие злобной радостью красные глаза. Он неумолимо приближался к ней.

Девушка попыталась крикнуть еще раз, но из ее горла вырвалось лишь сдавленное сипение. От

страха все ее тело точно окаменело и сжалось в комок.

Монстр хрипло засмеялся, откинув голову назад, если только дети Сета могут когда-либо смеяться, потому что это было похоже, скорее, на рычание голодного зверя. Он сделал шаг вперед и поднял руку.

Адальджиза еще успела заметить, как в неясном лунном свете что-то блеснуло, но тут же почувствовала боль, дикую боль в сердце...

* * *

Конан покинул лавку Хромого Риэго только поздним вечером. Как он ни грозил неисправимому болтуну, как ни обещал нарезать ремней из его дряблой зингарской спины, но примерить сапоги варвар смог только после захода солнца. Кожа гликона и в самом деле оказалась хороша — сшитые из нее сапоги удобно сидели на ноге, и было видно, что им не страшна ни морская волна, захлестывающая палубу во время бури, ни полуденный зной безжалостного южного солнца.

— День пропал из-за тебя, колченогий петух! — бурчал Конан, дабы скрыть удовольствие, что появлялось у него при каждом взгляде на новые сапоги. — Я сегодня собирался поговорить с советником насчет каперского патента... уже наступил вечер, а я все торчу в твоей вонючей конуре...

Как бы ни стонал сапожник о своей усталости, как бы ни утверждал, что никому еще на всем побережье не удавалось сшить такие огромные сапоги за такой короткий срок, в его хитрых зин-

гарских глазах сквозило явное удовлетворение. Глядя на Риэго, становилось понятно, что Митра сегодняшним утром послал ему весьма привлекательного заказчика.

Зингарец по-собачьи преданно смотрел Конану в глаза и нахваливал свою работу:

— Почтенный месьор капитан нигде больше не увидит такую подошву! Пусть он специально покажет сапоги другим обувщикам! Каждый из них будет хвалить мою работу, клянусь Свежим Дыханием Митры и его Утренним Священным Взглядом! Вам ведь нравится, не правда ли?

— Нравится, нравится...— сквозь зубы замечал Конан, разглядывая новую обувь.— Только мне сказали, что шесть золотых для такой работы слишком много...

— Кто сказал это почтенному месьору? — изумленно таращил глаза Риэго.— Да пусть Владыка лишит того сна до конца жизни! Пусть Податель Жизни пошлет ему мужское бессилие, а жене его любовную трясучку! Да я еще сделал скидку!

Он делал вид, что рвет свои жидкие черные волосы, и тут же предлагал:

— А не хочет ли почтенный месьор приобрести еще и пояс из кожи речного гликона? Если он купит пояс вместе с замечательными перчатками, это будет стоить всего два золотых... Клянусь...

Варвар не смог уже дальше терпеть безостановочную болтовню хромого шельмеца, поэтому выложил на скамью полновесные золотые монеты и направился к двери, с удовольствием впечатывая в пол подошвы новых сапог.

Кром, скрежетал он про себя, после этого хромоногого бандита и золота-то почти не осталось! Но что делать? Можно было бы, понятно, не платить, а просто разmozжить зингарцу голову и уйти, не попрощавшись. Но никто в хайборийском мире никогда не поверил бы, что он, сын гордой Киммерии, способен на такое! Эти руки принадлежали некогда искусному вору, пирату и воину, но они никогда бы не поднялись на немощного ремесленника, почти весь день корпевшего над огромными сапогами.

Сумерки длились в Зингаре недолго, и черная ночь наступала всегда стремительно, точно Хранитель Света Митра в один момент задувал невидимый светильник. Солнце очень быстро скрывалось за морем, и на городских улицах появлялись фонарщики с лестницами — их зажженные фитили заставляли вспыхивать уличные лампы в богатых кварталах.

Узкая улочка, на которой находилась сапожная лавка Риэго, никогда не освещалась такими фонарями, поэтому Конан, шагнув за порог, оказался в полной темноте. Все вокруг уже смолкло до утра, и городской народ устроился на ночлег, прочитав перед сном благодарственные лауды Митре Всемогущему.

Киммериец прошел несколько кварталов, не встретив никого на пути. Тишину городских улиц нарушали только звук его шагов да лай собак, выпущенных на ночь во внутренние дворы зажиточных херридских жителей. Он двигался в сторону гавани, к постоялому двору «Западный ве-

тер», где еще утром договорился о ночлеге за умеренную плату.

Несмотря на темноту, варвар прекрасно ориентировался в городском лабиринте и готов был поклясться, что возвращается тем же путем, каким следовал и днем, когда наткнулся на лавку Хромого Ризго, чтобы Митра лишил его всех ресниц...

Поэтому изумлению его не было предела, когда очередная улица вывела его на запертые ворота, возле которых к тому же оказалась ночная стража. Звякнуло оружие, небольшой отряд ошетинился копьями и длинными зингарскими ламирами, а грубый голос спросил:

— Чужестранец, зачем ты идешь в Верхний город?

Рукоятка забарского кинжала удобно торчала за спиной Конана, в одно мгновение он мог бы обнажить его, но ничто пока не угрожало его жизни, и поэтому киммериец спокойно отозвался:

— Не нужен мне Верхний город... я иду к гавани, утром я проходил через эти ворота.

На всякий случай он остановился на безопасном расстоянии от гвардейцев и боковым зрением внимательно изучал темноту вокруг себя.

— Этот проход закрыт до утра, поэтому иди прочь, бродяга,— насмешливо произнес стражник, видимо главный в этом отряде.— Иди жрать барду на берег моря, а Верхний город не для таких, как ты!

Холодный взгляд Конана уперся в офицера. Киммериец за считанные мгновения успел оценить

ситуацию и сразу понял, что вполне мог бы справиться с семерыми зингарскими гвардейцами, самонадеянными гусаками, которым ничего не стоило бы перерезать горло и вытащить печень на радость мрачному Крому. В молодости он так бы и поступил, никакая сила на свете не помешала бы ему вступить в схватку с обидчиками. В сознании варвара в одно мгновение возникла картина короткой стычки, в ушах вдруг появился тяжелый гул, сквозь который до слуха Конана уже доносились чавкающие звуки ударов его длинного кинжала, хрипы и стоны умирающих, крики остающихся в живых...

Если бы эти олухи попались ему на пути еще десяток лет назад, никто бы не смог помешать ему засунуть горящий смоляной факел в вонючую глотку заносчивого зингарского офицера, ведь только так можно проучить наглого болтуна. Но сейчас варвар сдержался и только заставил себя ухмыльнуться со сжатыми намертво зубами. Гвардейцы не спускали с него глаз и держали оружие наготове, но он развернулся и спокойно направился в темноту. Слишком многое сулил завтрашний день, чтобы ввязываться в драку с первыми попавшимися зингарцами, пусть Нергал выжрет их гнилые языки! Будущему капитану корабля не следует как мальчишке бросаться в драку из-за одного обидного слова...

Киммериец шел по улицам и старался утихомирить себя, хотя чувствовал, как кипит от обиды кровь и рука невольно тянется к рукоятке кинжала. Несколько кварталов он миновал, не заду-

мываясь о том, куда нужно идти, и спохватился только тогда, когда прямая улица вывела его к большим воротам, над которыми виднелось изображение солнечного диска с протуберанцами, подсвеченное с обеих сторон зажженными лампами.

— Храм мне нужен меньше всего, — буркнул Конан. — Лучше бы попалась на дороге веселая таверна...

Изображение священного диска Митры ясно говорило о том, что на пути ему попалась смиренная обитель, коих в Херриде насчитывалось много, а желудок постоянно напоминал, что с утра так и не удалось толком закусить. Остановившись на мгновение у ворот, варвар определил, в какой стороне плещется море, и повернул налево, вдоль металлической ограды, украшенной затейливыми коваными листьями.

Но не успел киммериец миновать квартал, как внезапно слух его уловил какой-то странный звук. Конан даже остановился у каменного столба ограды и внимательно прислушался. Женский крик! Несомненно, женщина отчаянно звала на помощь! Она кричала так жалобно, и это происходило где-то совсем рядом, недалеко от того места, где он остановился...

Много раз в своей жизни варвар приходил на помощь женщинам, и достаточно часто это приносило только неприятности в дальнейшем, но сейчас он не задумываясь прыгнул на каменный парапет и легко перемахнул через металлический забор.

— Кром! Да это кладбище! — выругался Конан.

Киммерийцы не боятся ничего, но даже они предпочитают лишний раз не приближаться к могилам, тем более ночью, когда лишь слабый лунный свет едва рассеивает кромешную тьму. Оказавшись по другую сторону ограды, Конан поморщился, но не от страха, а от инстинктивного чувства опасности, перешедшего к нему от варварских предков.

Ни за что на свете он не позволил бы себе тут же прыгнуть обратно, на улицу, только потому, что внимательный взгляд передвигался от одного могильного склепа к другому.

Крик повторился еще раз, и это было совсем рядом... В несколько шагов варвар миновал надгробия и выскочил на дорожку.

— Во имя Крома! — грозно рявкнул он. — Кто бы ты ни был, исчадие тьмы, оставь несчастную!

Лезвие его забарского кинжала было готово встретить нападение, но Конан увидел лишь, как огромная тень метнулась в сторону и исчезла в глубине кладбища, с треском ломая кусты цветов, оставляя на дорожке недвижно лежащее тело.

Слегка согнувшись, напрягая слух и зрение, киммериец осторожно подошел ближе, едва слышно ступая по мелкому гравию. Слабый серебристый свет луны осветил лицо лежащей девушки, и лицо это не понравилось Конану. Что скрывать, он любил женщин, но только живых, а не мертвых.

Девушка распростерлась вдоль дорожки, закинув обе руки за голову, ее белое монашеское одеяние было залито кровью, а грудь ее была рассечена двумя страшными ударами крест-накрест.

— Да у нее вырвано сердце! — прошептал варвар, наклонившись над телом несчастной. — Это шутки самого Нергала!

Многое ему довелось увидеть за свою жизнь. На его глазах во время войн киммерийцы, его старшие братья, для смеха сбрасывали со скал маленьких детей, взятых в плен со своими родителями; он не раз видел, как туранские солдаты ножами вскрывали животы беременных хауранок, чтобы посмотреть, что таится там, внутри; мунгане каждый год в честь праздника привязывали выбранную в жертву девушку за руки и за ноги к гривам необъезженных степных кобылиц, и те за несколько мгновений разрывали несчастную на куски пыльного мяса...

Но сейчас киммериец чувствовал, что сердце лежащей на дорожке монашки вырвано для какого-то непонятного чудовищного обряда. Конан ощущал, что здесь только что побывала странная сила, и от этой неизвестности странно холодели пальцы.

Внезапно слух его уловил какой-то шум. Подняв голову, варвар увидел, что из ворот храма высыпали люди. Несколько ярких факелов колышались в их руках, и в темноте было хорошо заметно, как они приближаются, петляя между надгробиями.

Конан мгновенно оценил обстановку. Подсознательное чувство не сулило ему ничего хорошего, а оно никогда не обманывало киммерийца. Он стоял над трупом девушки и ничего не смог бы объяснить приближавшимся...

— Нергал пусть все им расскажет, — злобно выругался он. — Нет у меня на это времени...

Мягко прыгая от склепа к склепу, варвар быстро достиг ограды и снова очутился на длинной улице.

* * *

Заупокойная служба в Храме Небесного Льва подходила к концу. Мрачно звучали раскатистые акценты ритуального гонга, близился к финалу похоронный распев. Унисонная мелодия заключительной каденции с каждой нотой поднималась все выше и выше, становясь более напряженной, точно суровые мужские голоса шаг за шагом совершали горнее восхождение в память о покойном теннаторе Томезиусе.

Взор пылкого Хлодвиг туманился. Он чувствовал, как от пения жрецов на глазах неотвратимо набухают слезы, и в то же время в памяти все время оставался силуэт рыжеволосой Адальджизы, замершей на миг в проеме Северных врат на темном фоне ночных небес. При мысли о ней юноша испытывал мгновенный трепет, он ощущал, как тайная робость сладостно стесняет душу.

Адальджиза вышла через врата, расположенные за колоннами, она покинула храм с сакральной чашей в руках, и неясное предчувствие внезапно посетило душу Хлодвиг, с каждым новым мелодическим поворотом погребального хора оно усиливалось все больше и больше. Юноша невольно отошел в сторону от учителя и брата и все время бросал взгляды сквозь раскрытые Северные вра-

та. Его взор словно пытался пронзить ночную тьму и увидеть рыжеволосую жрицу, в одиночестве шествующую по темному кладбищу.

Длинная громкая нота возвестила о завершении погребальной службы, как жирная точка свидетельствует об окончании длинного сложного предложения. Певцы смолкли и скорбно опустили головы, готовясь проститься с любимым многими Томезиусом. Но прежде чем тело его двинулось бы на плечах жрецов в последнее странствование, новый теннетор должен был произнести последнее слово о своем предшественнике, и оно связало бы их как два звена цепи.

Имя нового хозяина башни до этого момента оставалось неизвестно всем присутствующим в Столбовой Зале, поэтому находящиеся здесь замерли в нервном ожидании. Шесть высших жрецов, уединившихся в Святилище, решали, кто именно станет полноправным хозяином в Храме. Астрис заметил вскользь перед службой, что, конечно же, они уже знают имя избранника, но древний обычай предписывал держать его в тайне до последнего мгновения.

Взгляды присутствующих были прикованы к золотым створкам высоких дверей центрального портала — именно в этих дверях скоро должен был возникнуть новый теннетор. В томительном ожидании все молчали, и в напряженной тишине отчетливо раздавалось шипение фитилей многочисленных светильников. Невольно откашливались после долгого пения молодые жрецы, кругом стоявшие около свинцового гроба Томезиуса.

Но все внимание Хлодвиг по-прежнему оставалось приковано к Северным вратам. Душа его продолжала пребывать в непонятном смятении.

Два служителя в белых плащах, держа в руках зажженные факелы, торжественно проследовали к Золотым Дверям и встали по обе стороны от них, развернувшись лицом к Столбовой Зале. Бросив беглый взгляд на них, Хлодвиг сразу узнал тех внимательных стражей у крытого входа, что грозились упрятать его вместе с братом в подвал.

Раздался гулкий удар храмового внутреннего гонга, и все напряженно уставились на сверкающие в свете факелов и светильников створки дверей, медленно отворяющиеся и открывающие взглядам присутствующих преемника Томезиуса, нового теннетора Храма Небесного Льва.

Высокий мужчина, стоявший до этого за дверями в полумраке, сделал шаг вперед и оказался на широкой ступени, освещенной многочисленными светильниками и факелами.

Величественным жестом он поднял правую руку, вытянутые вверх длинные пальцы разлетались от ладони, словно солнечные лучи от божественного диска Митры. Затем так же плавно эта ладонь легла на левое плечо, и мужчина слегка наклонил бритую наголо голову, отчего на его темени заблестели золотые блики, отражающиеся от золотых створок.

В первые мгновения после его появления в храме царил полная тишина, было такое ощущение, что никто не решался даже дышать. Но на-

ступила пора вздохов, и по рядам митрианцев пронесся ошеломленный шелест. Судя по гулу, повисшему над сводами, никто не ожидал, что именно этот человек выйдет к ним из-за створок Золотых Дверей. Жрецы и служители, миряне, пришедшие на похороны Томезиуса,— все изумленно переглядывались и вполголоса бросали отрывистые реплики.

Хлодвиг приблизился к Астрису, чтобы понять, почему все так взволнованы, и заметил, что даже умудренный опытом аквилонец, обычно умеющий прекрасно сдерживать свои чувства, на этот раз выглядит несколько обескураженным.

— Это Оровез из Междуречья,— тихо пояснил он братьям.— Вот уж кого я не ожидал увидеть на ступени теннетора, так это его. Почему не Лолл? Почему не Фарасманс? Не Каррисдас?.. Вот мужья, действительно достойные носить пурпурный саккос и золотую цепь с диском Митры...

Видимо, и остальные, присутствующие на похоронной службе, разделяли точку зрения Астриса, потому что шум в зале не утихал, а, скорее, даже нарастал.

— Оровеза очень не любил мой бедный Томезиус,— едва слышно шепнул аквилонец.— Этот человек был его ярким противником и всегда придерживался противоположных взглядов. Зато его почему-то привечал сам Фредегар, правитель Хериды. Без Фредегара никогда бы пришелец из Междуречья не смог бы стать теннетором главного городского храма... Но мне казалось, что еще недавно Оровез появлялся в Столбовой Зале. Ведь

это он послал Адальджизу со священной чашей к усыпальнице Томезиуса. Вот почему девочка так послушно пошла...

— Учитель, ты видел, как он приказал Адальджизе? — восторженно воскликнул Хлодвиг.

Аквилонец кивнул и хотел что-то ответить, но в это время громкий голос нового теннетора пререзал возбужденный гул:

— Волей богов отныне ключи от врат Храма Небесного Льва будут в моих руках,— уверенно произнес Оровез.— Месьор Томезиус сейчас ступит в Царство Вечной Благодати и оттуда будет направлять нас в беспрестанном служении Светлому и Священному имени Митры, Подателю и Хранителю нашего дыхания...

Митрианцы замерли, все их внимание было сконцентрировано на новом настоятеле, так неожиданно появившемся в сей скорбный час. Только Хлодвиг, повинаясь безотчетному чувству, медленно пробирался к выходу из храма. Он даже осмелился оставить наставника Астриса, внимательно слушавшего речь Оровеза. Хлодвиг слышал голос Оровеза словно сквозь пелену, словно сквозь завесу густого тумана, плохо понимая смысл патетического надгробного слова.

— Митра дает каждому из нас шанс! Митра дарит каждому из нас земную жизнь только для того, чтобы выяснить наше истинное значение,— высокопарно изрекал новый настоятель.— После смерти человек обретает то, чего глубоко жаждал на земле, и только после кончины каждый из нас может попасть в общество тех, кого по-настоящему

заслуживает... Месьор Томезиус уже предстал перед Божественным Оком Митры и...

Незаметно для себя Хлодвиг оказался у открытых ворот храма. Он почувствовал доносящееся снаружи дуновение теплого вечернего ветерка, и в тот же момент по спине юноши пробежал ледяной озноб — из тьмы до его слуха донеслись истошные женские крики! Дыхание перехватило, и сперва он не поверил своим ушам, но тут же крики повторились.

Сомнений не было: о помощи взывала Адальджиза!

— Скорее! Она в беде! — взвился Хлодвиг. — Она кричит о помощи!

Голос его от нервного напряжения сорвался в фистулу, и никто в храме в первый момент не понял, в чем дело. Хлодвиг хрипло повторил:

— Она в беде! Она в беде!

С этими словами он выбросил руку в сторону, указывая на открытые врата храма. В зале поднялся нестройный гул.

— Кто этот чужеземец? — прорезал стихийно возникший шум зычный голос Оровеза. — Как смеет он прерывать речь настоятеля?

Хлодвигу стало не по себе от тяжелого взгляда, которым испепелял его стоящий у Золотых Врат Оровез, но он еще раз закричал во все горло, уже плохо соображая, что именно. Похоронная процессия готовилась покинуть храм с гробом покойного, поэтому у открытых врат стояло шестеро прислужников с зажженными факелами в руках. Они тоже слышали вопли несчастной и ринулись

в темноту, не обращая внимания на грозные приказы Оровеза, запрещающего двигаться с места.

Дорожка, ведущая от святилища к кладбищу, делала большой круг, огибая продолговатые клумбы с цветами. Хлодвиг первым нарушил негласный запрет и побежал к склепам по ухоженным клумбам, а за ним, слегка поколебавшись, последовали и митрианцы с факелами в руках. В лунном свете впереди мелькали неясные силуэты, поэтому они примерно представляли себе место, откуда взывала о помощи девушка, и неслись, огибая на своем пути склепы.

Навсегда Хлодвиг запомнил свое прерывистое дыхание, которое он слышал на бегу как бы со стороны, так же как и хриплую одышку бегущих за ним монахов, не привыкших к столь быстрому способу передвижения. Скользила под ногами влажная от вечерней росы трава, хлестали по лицу ветки кустарника, но юноша не замечал боли.

Он выскочил на дорожку и остановился, боясь сдвинуться с места. В нескольких шагах от него лежала Адальджиза, и лунный свет мертвенно играл на ее искаженном мукой лице, застывшем в жуткой гримасе. Хлодвиг успел услышать, как голова его наполняется гулким тупым звоном, звучащим на одной низкой ноте. Через мгновение колени юноши предательски подломились, и он рухнул набок, проваливаясь в бесконечную темноту...

Возвратил его к жизни необычный резкий запах. Подоспевший вместе с остальными монахами Астрис наклонился над потерявшим сознание воспитанником, откупорил небольшую бутылоч-

ку с витым корпусом, приподнял голову Хлодвиг и поднес к его носу открытое горлышко. Острый аромат пронзил обоняние юноши, ему показалось в первый момент, что невидимая тончайшая игла пронзила его голову насквозь от ноздрей, уперевшись в затылок с внутренней стороны колким лучом. Невольная судорога сотрясла все тело.

— Он пришел в себя?..— услышал Хлодвиг откуда-то издали встревоженный шепот брата.— Наставник, это не опасно?

Потом из тумана донесся голос наставника Астриса:

— Возьмись-ка с другой стороны, Хундинг. Нужно приподнять его, тогда сознание быстро вернется. Кхитайская соль любого возвратит к жизни.

Глаза Хлодвиг все еще не открывались, но он чувствовал, как, поддерживая с двух сторон, его поднимают с земли. Расслабленное тело не повиновалось ему, и руки безжизненно болтались вдоль туловища.

Он поднял тяжелые веки. В неверном колеблющемся свете полыхающих факелов мелькали темные силуэты фигур, доносились крики ужаса, сливавшиеся в сознании Хлодвиг в сплошной гул. Юноша разобрал только слова «Ночной Губитель», несколько раз со страхом повторенные монахами. Наконец, собрав все силы, он смог самостоятельно подняться на ноги.

Громовой голос Оровеза перекрыл возбужденный гул:

— Следы! Здесь остались следы Ночного Губителя! Отойдите в сторону и посветите оттуда факелами!

Жрецы и служители, все высыпавшие из храма покинули дорожку и отошли, уступая место тем, кто держал горящие факелы. В их колеблющемся свете Хлодвиг снова увидел распростертую на земле Адальджизу...

В глазах его потемнело, как и несколько мгновений назад, и если бы Астрис не поддержал его за локоть, душевные силы снова покинули бы юношу. Все наблюдали со стороны, как Оровез из Междуречья внимательно смотрит на безжизненно лежащее тело прекрасной девушки и на пустую дорожку.

— Здесь хорошо отпечатались мужские следы! — громко сообщил он.— Это отпечатки ног огромных размеров! Ступня его в длину достигает локтя! Такие следы не могут принадлежать обыкновенному человеку!

Астрис подался вперед, чтобы лучше рассмотреть отпечатки, четко выделяющиеся в свете факелов на мелком гравии дорожки, но Оровез предостерегающе выставил вперед руку с поднятой вверх ладонью и грозно произнес:

— Запрещаю кому-либо ступить на дорожку! Теперь Ночного Губителя, наводящего ужас на мирных жителей Херриды, можно будет изловить по оставленным им следам!

Все с ужасом взирали на мертвую девушку и со страхом повторяли, что только три дня назад точно так же был убит добрейший теннетор То-

мезиус. Эта мысль заставляла всех цепенеть от жути, жрецы боялись даже произнести ее вслух и едва слышно перешептывались.

— В центре каждой подошвы Ночного Губителя я вижу какой-то знак! — громко объявил Оровез.— Десять гвоздей в линию идут вдоль подошвы, а три — поперек! По форме напоминает кинжал, орудие убийств, которым Губитель вырезает сердца своих невинных жертв. Митра Всемогущий, защити нас от этого порождения Сета Проклятого, защити нас от Вечного Зла Черной Ночи!

Все судорожно подхватили его слова, их губы зашевелились, повторяя слова охранительных лауд. Страх настолько владел людьми, что, когда теннетор приказал жрецам приблизиться к телу Адальджизы, они боялись подойти близко к следам Ночного Губителя. Несчастную девушку осторожно уложили на длинный белый плащ из прочной ткани и понесли между усыпальницами, а не по дорожке, идущей кругом от храма. Слишком силен был ужас, чтобы ступать на те же самые места, которых еще недавно касались ноги гнусного чудовища, похитителя человеческих сердец.

Адальджизе суждено было занять место в подвальной части Привратни, там, где двое суток до этого ожидал своей участи Томезиус, так и не завершивший в эту ночь скорби свой земной путь. Гроб с его телом было решено выносить через Южные врата, дабы не проходить мимо того места, где только что была убита Адальджиза, и не осквернять последние шаги мудрого теннетора напоминанием о крови, недавно пролившейся на землю.

Астрис отправился провожать своего ученого друга до усыпальницы, приказав братьям возвращаться в покои. Хундинг, вздыхая, пробубнил священные слова молитвы перед сном и, громко зевнув, спросил:

— Как ты считаешь, Губитель не сможет взломать дверь наших покоев? Может, подпереть ее чем-нибудь изнутри? Я так устал с дороги, что мечтаю о хорошем сне...

Хлодвиг едва сдержался, чтобы не вспылить. После смерти Адальджизы всякие разговоры о собственной безопасности казались ему кошунственными. Он находился в таком состоянии, когда рассудок противится сну, хотя изнуренное тело, усталое после долгой дороги, и жаждало покоя.

Он положил набок неказистый стул и толстой прочной ножкой подпер дверь изнутри.

— Теперь, братец, можешь спать спокойно,— мрачно сказал он.— Никто не причинит вреда твоему сердцу...

Но Хундинг не заметил язвительного тона и добродушно поблагодарил:

— Спасибо, Хло, я очень благодарен тебе.

После этого он дунул на светильник, и в тесной комнатке воцарилась полная темнота. Измученный и возбужденный Хлодвиг прилег на свое место. Он никак не мог успокоиться, раз за разом перед его внутренним взором возникало прекрасное бледное лицо Адальджизы, лежащей в лунном свете. Юноша был уверен, что не заснет в эту ночь, и неожиданно подумал, что не сможет теперь заснуть никогда, что обречен на вечное бод-

рствование, дабы искупить хоть как-то мучения рыжеволосой девушки.

Занятый своими мыслями, Хлодвиг даже не заметил, как крепко заснул. Просто точно погас на время светильник его рассудка, и он погрузился в бесконечную темноту.

Проснулся Хлодвиг еще до рассвета. Он привстал, опершись локтем о свое ложе, потому что кто-то словно толкнул его в плечо. Юноша даже осмотрелся по сторонам, но, конечно же, в крохотной каморке никого, кроме сладко сопящего Хундинга, рядом не оказалось. Сквозь маленькое, размером с оловянную тарелку, оконце едва проникал снаружи серый свет.

Неожиданно со стороны двери раздался легкий шорох. Хлодвиг затаил дыхание и замер, напряженно вслушиваясь в тишину. Сомнений не было — шорох снова повторился, и дверь слегка качнулась, как будто кто-то пытался отворить ее снаружи.

Взгляд юноши был прикован к толстой ножке стула, которой он предусмотрительно подпер ночью дверь. Именно она крепко держала сейчас створку, не давая ей распахнуться. Хундинг по-прежнему ничего не ощущал, и даже в предрассветной мгле было заметно, как порозовели от крепкого сна его щеки.

Прошло не так много времени, всего несколько глубоких вздохов, и едва различимая суeta за дверью прекратилась. Хлодвиг осторожно спустил босые ноги на холодный каменный пол и привстал со своего ложа. Каморка была очень небольшая

по размерам, поэтому стоило ему сделать пару шагов, как ухо его оказалось около двери. В коридоре, с другой стороны, стояла полная тишина — как юноша ни прислушивался, ничего нельзя было различить.

Мысли его, до этого момента разрозненные, словно собрались в тугой пучок. Хлодвиг ясно понял, что Ночной Губитель, опьяненный кровью Адальджизы, забрался в мирные покои Привратни в поисках новой жертвы.

Можно было бы переждать опасность, укрывшись за толстой дверью, подпертой изнутри стулом, но юноша сразу же подумал о наставнике. Его уже не волновала собственная судьба, в это предрассветное время сознанием завладел страх за судьбу Астриса. Наверняка наставник поздно вернулся в свои покои после погребения своего друга и, скорее всего, не запер за собой дверь. В воображении Хлодвиг с быстротой молнии пронеслась картина: утомленный ночными переживаниями Астрис неподвижно лежит на своем ложе, а в его комнату украдкой проникает Губитель с острым ножом в руке...

От подобных жутких видений кровь мгновенно прилила к лицу юноши. Не раздумывая, он схватил свою одежду и быстро облачился в нее. Нужно было предупредить наставника!

В длинном каменном коридоре царил полная тьма, только впереди в узком проеме брезжил неясный серый свет. Здесь было гораздо холоднее, чем в тесной каморке, поэтому от свежего воздуха, а может быть, и от волнения по спине Хлодвиг

га пробежала дрожь. Юноше казалось, что он не чувствует под собой ног, но тем не менее он заставил себя двинуться вперед, к покоям Астриса. Неясное беспокойство постоянно подгоняло юношу, толкало вперед.

Хлодвиг старался идти тихо и все равно с досадой отмечал, что в гулкой пустоте отчетливо раздается звук его шагов. Он пытался ступать только на носки, крадучись, не сводя глаз с проема дверей.

Повернув направо, он стал искать дверь в комнату учителя. Но, так как днем они с братом только мельком видели, куда он направился, а двери в этой части строения походили одна на другую, найти нужную дверь ему не удалось. Хлодвигу казалось, что все-таки он припоминает, в каком месте коридора была та дверь, поэтому он решил открыть одну из комнат, которая, по его мнению, могла оказаться именно той, какую он искал. Ни малейшей опасности, по мнению юноши, в этом не было,— если Астрис окажется в комнате, то можно будет его предупредить о возможной опасности, а если комната не та, он просто извинится и уйдет. А если хозяин ее спит, что представлялось самым вероятным, то он и не заметит прихода Хлодвига...

Ухо юноши вплотную прижалось к двери: внутри стояла полная тишина. Тогда он постучал так тихо, что спящего стук бы не разбудил, а бодрствующий непременно откликнулся бы. Но снова за дверью ничего не было слышно. Хлодвиг обхватил пальцами круглую холодную ручку и ос-

торожно толкнул вперед дверь. И тут из груди его невольно вырвался глухой вскрик.

В этот самый миг сильная ладонь плотно обхватила его рот, не давая произнести ни одного слова. Кто-то бесшумно подкрался к юноше сзади и из-за спины обхватил его за туловище, прижимая руки к телу и зажимая губы.

Не прошло и мгновения, как Хлодвиг попрощался со своей жизнью. Он был совершенно уверен, что сильные руки эти принадлежат Ночному Губителю и сейчас они безжалостно вырвут сердце из его груди. Юноша успел судорожно сглотнуть, ясно представив, что если сейчас блеснет лезвие жуткого ножа, он никогда больше в этой жизни не увидит Хундинга, никогда не выйдет на солнце и не повалится на траве...

— Нужно внимательно следить, что происходит за твоей спиной,— наставительно прозвучал над его ухом знакомый до слез тихий голос.— И думать, в чью комнату ты собираешься вломиться на рассвете...

От облегчения у Хлодвига даже невольно подогнулись колени. Он так перепугался до этого, что готов был залиться слезами от счастья.

— Повернись,— велел сзади Астрис.— Я должен понять, кто из братьев пытался проникнуть в покои невинных жриц, помышляющих только о благолепном служении имени Митры Всемогущего.

— Учитель видит перед собой Хлодвига,— торопливо прошептал юноша.— Мне показалось, что Ночной Губитель пытался открыть дверь нашей комнаты, и я поторопился предупредить тебя об

опасности, наставник! Поэтому я и хотел войти в эту дверь... Я не думал, что здесь могут спать девушки.

— Ты повернул в женские пределы. Моя опочивальня находится в противоположной стороне. Это я пытался открыть вашу дверь, чтобы посмотреть, насколько спокоен ваш сон.

— Так ты видел, как я выходил из дверей?

— Да, мой юный друг.

— И все это время ты шел за мной?

— Да, мой юный друг.

— Но я ничего не замечал! — изумленно признался Хлодвиг. — Мне казалось, что я совершенно один в длинном коридоре...

— Хорошо, теперь ты спокоен? Можешь возвращаться к себе и охранять мирный сон Хундинга. У меня еще есть дела.

Астрис повернулся и пошел по направлению к выходу. В неясном свете его фигура была не совсем ясно видна, но Хлодвиг мог бы поклясться, что учитель уже полностью одет, то есть облачен в свою неизменную тунику, а значит, собрался выйти из Привратни.

— Осмелюсь спросить, наставник, куда ты направляешься? — жалобно проговорил ему вслед юноша. — Не позволишь ли ты пойти вместе с тобой?

Аквилонец на мгновение остановился и повернул голову.

— Будь я на твоём месте, я бы пошел и так, не спрашивая разрешения, — усмехнулся он. — Пойдем, но, надеюсь, ты уже успел вспомнить утрен-

ние благодарения богам? Произнес слова утренней лауды? Хотя солнце еще не поднялось, Митра уже проснулся! Зайдем ко мне и захватим светильник...

* * *

Склепы и надгробья выплывали из клубов серого тумана, как чудища, и сердце Хлодвига сжималось от ужаса, несмотря на то что впереди уверенно шел опытный наставник. Юноша сознавал, что они идут к тому месту, на котором ночью произошло ужасное преступление, и от этого трепетал от страха, вдыхая свежий утренний воздух.

— Пока тут никто не появился, мы сами рассмотрим следы, — едва слышно сказал Астрис, остановившись у склепа. — Зажги пока лампу, я позову тебя, когда будет нужно... Следует потопиться, а то скоро все проснутся.

Хлодвиг увидел, что аквилонец зачем-то обматывает кусками материи ступни своих сапог. Но когда через мгновение наставник вышел на мелкий гравий дорожки, стало понятно, что он не оставляет почти никаких следов.

— Внимательно слушай и смотри по сторонам, — приказал он Хлодвигу. — Если кто-нибудь появится, немедленно дай мне знать!

Укрывшись во влажных от тумана кустах, Хлодвиг напряженно вглядывался и вслушивался в утреннюю тишину, пока наставник Астрис с лампой в руках изучал место, на котором ночью лежала бедная Адальджиза, отходил в сторону, приседал и смотрел куда-то вдаль, углублялся в ку-

сты и пропадал, причем так долго, что юноша уже начинал беспокоиться.

Когда аквилонец в очередной раз приблизился к отпечатку тела рыжеволосой девушки, Хлодвиг неожиданно услышал слабый шум. Острые юношеские глаза разглядели мелькнувший между склепами силуэт, и тут же Астрис услышал предупреждение. Аквилонец неслышно и очень ловко исчез с дорожки и укрылся рядом с Хлодвигом в густых кустах.

Через несколько мгновений из-за поворота показался чернокожий мужчина огромного роста, судя по всему уроженец Куша. Туман уже начал рассеиваться, поэтому юноша и его наставник смогли хорошо рассмотреть этого наголо обритого пришельца, ведь дорожка была всего в нескольких шагах от них.

Он шел неторопливо и тяжело, как каменный истукан, с хрустом припечатывая гравий почти негнувшимися ногами. Хлодвиг дрожал от утренней прохлады и от волнения, его обостренный слух уловил, что к равномерно повторяющемуся звуку шагов примешивается легкий постоянный скрежет. Когда темнокожий поравнялся с кустами, где укрылся Астрис со своим учеником, юноша заметил, что он за своей спиной обеими руками тащит какое-то приспособление. Обрезок толстого бревна в ширину дорожки катился вслед за ним, крепясь парой округлых дуг к длинной прочной ручке, — Хлодвиг сразу вспомнил валик для окраски стен: как-то ему довелось видеть работу маляра, ловко орудовавшего подобным приспособлени-

ем. Бревно ехало по дорожке и ровно разглаживало гравий, еще недавно бугрившийся следами, как утренняя скомканная простыня.

Темнокожий прошел так близко, что слышно было его тяжелое хриплое дыхание. Он добрался только до того места, где ночью лежала бедная Адальджиза, а потом повернул обратно, продолжая тащить за собой бревно по уже гладкому гравию.

Хлодвиг вопросительно посмотрел на наставника, но тот приложил указательный палец к губам в знак молчания и внимательно вслушался в утреннюю тишину. Астрис убедился, что грузные шаги и скрежет гравия окончательно смолкли, и только тогда позволил себе громко вздохнуть полной грудью.

Никогда еще юноша не видел учителя таким озабоченным.

— Осмелюсь спросить, наставник, что происходит? — не выдержал он. — Что здесь было и почему мы должны прятаться от всех?

Но аквилонец даже не повернулся в сторону ученика. Казалось, он даже не слышал обращенных к нему вопросов — все внимание наставника было обращено на склеп, высившийся неподалеку. Астрис сначала перевел взгляд с усыпальницы на дорожку, потом обратно, пошевелил беззвучно губами, снова посмотрел на дорожку и наконец осторожно двинулся к склепу, отгибая руками ветки кустов. Шаг в шаг за ним последовал и Хлодвиг. Он тоже пытался смотреть в те же точки, куда падал взгляд обожаемого учителя, так же прищу-

ривался и морщил лоб, но абсолютно ничего не мог разглядеть. Склеп как склеп, вокруг стоял не один десяток подобных... Но Астрис осмотрел его вход, потом землю вокруг и направился к внешней ограде, не отрывая взора от земли, словно перед ним находились страницы увлекательного манускрипта.

У ограды аквилонец наконец прервал молчание. Он удовлетворенно хмыкнул и шепнул Хлодвигу, следовавшему за ним по пятам:

— Да, я был прав! Смотри!

Юноша наклонился и увидел на рыхлой земле около ограды след. Отпечаток ноги можно было назвать огромным, не менее локтя в длину. Хлодвиг даже подставил свою ногу для сравнения. Выходило, что в гигантский след в длину поместилось бы два отпечатка подошвы дорожных немецких башмаков, да еще осталось место и для куриного яйца.

Наставник в это время рассматривал другой след, такого же размера.

— Взгляни-ка сюда! — шепнул он ученику.

Хлодвиг с готовностью повернулся и уперся взглядом в гигантский отпечаток. Он мечтал увидеть что-нибудь значащее и поэтому не смог сдержать радостного возгласа:

— Наставник! Смотрите, здесь особый знак! Это эмблема... Десять гвоздей идут вдоль подошвы, и три — поперек...

Но тут же в его сознании вспыхнула прежняя картина, помимо своей воли юноша увидел ночную тьму, озаряемую факелами, мелькающие тени,

возгласы ужаса и громовой голос: «Здесь следы Ночного Губителя!»

Хлодвиг снова почувствовал странную слабость, охватившую его ночью у дорожки, и со страхом прошептал, обращаясь к наставнику Астрису:

— Это же следы страшного убийцы... О Митра... Он погубил Адальджизу!

Ему казалось, что аквилонец оценит его наблюдательность. К невольному ужасу примешивалось чувство гордости, ведь Хлодвиг не сомневался, что наставник должен был обязательно отметить способности своего ученика. Но все вышло совсем не так. Астрис печально улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Боюсь, что все далеко не так просто...

— Осмелюсь напомнить тебе, наставник, что ночью у тела бедной послушницы все видели точно такие же следы. Десять шляпок гвоздей вдоль подошвы и три поперек — разве не такая эмблема была на отпечатках ног Ночного Губителя на дорожке? Утром вы изучали эти следы! — выпалил Хлодвиг.

Аквилонец внимательно осмотрелся вокруг, бросил взгляд поверх ограды и не спеша двинулся вдоль нее, не поднимая глаз от земли. Юноше пришлось снова послушно следовать за наставником, пока тот не воскликнул:

— Вот, смотри! Я так и думал!

Шагах в десяти от первых следов рядом с оградой чернели еще два, такого же размера. Хлодвиг мог поклясться, что в центре каждого из них находилась эмблема Ночного Губителя...

— Взгляни на эти отпечатки,— кивнул Астрис.— Чем они отличаются от первых?

Догадка осенила юношу, и он услышал свой возбужденный голос:

— Направлением! Здесь носки глядят внутрь монастырской ограды, а там идут к улице!

Судя по лицу аквилонца, Хлодвиг попал в точку. Астрис одобрительно кивнул:

— Правильно, потому что здесь он проник на кладбище, а там — место, где он покинул его.

— Значит, Губитель выскочил на улицу?

— Нет, тот, кому принадлежат огромные следы, вряд ли может называться Ночным Губителем,— твердо сказал наставник, не переставая внимательно осматриваться вокруг.— Настоящий Губитель скрылся в другом направлении.

С каждым вздохом Светлое Око Митры все выше поднималось над землей, заставляя пробуждаться от сна спящую Херриду. На узкой улице, прилегающей к ограде кладбища, уже слышались голоса, скрип деревянных повозок и цокот копыт низкорослых зингарских осликов, трусящих по древней мостовой.

— Полагаю, мы с тобой должны вернуться в свои покои,— решил Астрис.— Жрецы уже пробуждаются ото сна, и нам неплохо бы находиться в Привратне. Не следует лишний раз привлекать к себе внимание... Да и добрейший Хундинг вот-вот может проснуться. Тогда он будет бегать по галереям, искать нас и всех спрашивать...

Они ускорили шаг и стали пробираться между склепами. Хлодвиг все время жгли изнутри

мучительные вопросы: что увидел учитель в свете лампы, что означает разное направление гигантских следов, почему эти следы не могут принадлежать Ночному Губителю?

Но юноша не мог решиться задать эти вопросы на ходу, а аквилонец, казалось, настолько погрузился в свои размышления, что не замечал нервозности ученика.

Они обогнули продолговатые клумбы и вышли к Северным вратам храма, тем самым, через которые этой ночью вышла в свой последний путь бедняжка Адальдиза, затем миновали крытый ход и вышли прямо на Часы Цветов перед центральным порталом Нижней террасы.

Час Каттлеи, этой прекрасной и капризной орхидеи, уже закончился, и вступил в свои права Час Козлобородника, на всем сегменте круглой клумбы раскрылись корзинки с желтыми цветками, с которых свисали узкие мохнатые листья, напоминающие бородки молодых козлов.

Хлодвиг взглянул на часы и снова мысленно восхитился их устройству, совершенному, как сама божественная природа. Но не успел он выразить свое восхищение, как его учитель заметил:

— Смотри, Хлодвиг, одна каттлея не хочет подчиняться общему порядку. Что-то случилось с цветком, раз он не хочет жить в том же ритме, что и его собратья.

Действительно, крупная орхидея по-прежнему гордо красовалась в центре своего поля. Все остальные каттлеи уже закрылись, успев подставить тончайшие соцветия самым первым солнечным

лучам, и теперь ждали наступления следующего рассвета. Сочная зелень толстых, причудливо изогнутых стеблей блестела от бесчисленного множества капелек росы, и на этом фоне особенно отчетливо выделялась та единственная орхидея, что не пожелала подчиниться зову природы.

— Когда-то в Пайканге, в удивительном граде Пагод, меня величали Знающим Язык Цветов, — заметил Астрис. — Кхитайцы были чрезвычайно изумлены, что человек может с жасминами и ирисами беседовать так же свободно, как и со своими друзьями во время пирушки в фарфоровом павильоне.

Аквилонец приблизился к часам, склонился над полем орхидей и начал осторожно вращать правой рукой вокруг не желающего закрываться цветка. Хлодвиг с изумлением осознал, что почти видит магическое кольцо, повисшее в воздухе около нежно-молочных лепестков, испещренных затейливым узором тончайших бордовых прожилок. Точно флуоресцирующий пояс засветился вокруг бутона, и юноша услышал, как наставник тихим, баюкающим голосом шепчет:

— Засыпай, засыпай... Вечно лишь солнце, безбрежное море и небо... Засыпай, засыпай, час твой пока завершился... Засыпай, засыпай...

Плохо спавший ночью Хлодвиг и сам почувствовал, как веки его начинают слипаться, он уже ощущал слабость в коленях. Голос Астриса начал доноситься до него словно издали, и сквозь заставшую взгляд пелену юноше казалось, что мерно звучащие слова обращены именно к нему. На-

конец глаза его сомкнулись, сладкая улыбка заиграла на губах, и Хлодвиг рухнул в мягкую траву, влажную от утреннего тумана...

Очнулся он от резкого запаха, снова пронзившего голову насквозь, впившись тончайшим острием в затылок с внутренней стороны. Потом он услышал над собой голос Астриса:

— Второй раз за последнее время тебе приходится наслаждаться кхитайской солью. Мне кажется, ты просто пристрастился к этому аромату...

Хлодвиг пытался возразить, что никогда в жизни он не привыкнет к невероятному запаху, заставляющему мгновенно пробуждаться от забытья, но учитель уже поднялся на ноги, пряча в потайной кармашек небольшую бутылочку с витым горлышком. Они двинулись по направлению к покоям, но перед этим юноша на мгновение остановился перед полем орхидей. Он даже не смог определить, какая именно каттлея еще совсем недавно стояла с раскрытым бутоном, потому что все цветы спали, склонив головки набок.

На пороге галереи их встретил встревоженный Хундинг. Он простер руки:

— Где вы были? Я так перепугался!

Но его жалобный возглас словно разбился о мягкую улыбку Астриса. Аквилонец нарочито спокойным и ровным тоном заметил:

— Кажется, Владыка посылает нам всем доброе утро...

— Доброе утро! — смущенно спохватился юноша. — Да пошлет для тебя, наставник, Владыка Света дней здравых, а не скорбных.

Аквилонец не замедлил шага и продолжал идти по сводчатой галерее, поэтому Хундингу пришлось развернуться и устремиться вслед за учителем и братом, подбирая обеими руками полы длинной митрианской хламиды, которую он накинул, чтобы спастись от утренней свежести.

На ходу он попытался вопросительно заглянуть в лицо брату, но Хлодвиг принял нарочито неприступный вид и не отвечал на его немые вопросы, на многие из которых он и сам бы жаждал получить ответы.

Но им не сразу пришлось проследовать к крытому входу и совершить очищение, перед тем как вступить в галерею, ведущую к храму. Завернув за угол, путешественники почти налетели на Оровеза из Междуречья. Первым остановился Астрис, а следом за ним замерли на месте и близнецы, расположившись, как обычно, по обе стороны от наставника.

Хлодвигу стало не по себе, когда он встретился глазами с Оровезом. А тот, казалось, впился взглядом в юношу. Впервые Хлодвиг видел нового теннетора так близко, и чувство неосознанной тревоги охватило его в это мгновение точно так же, как и прошлой ночью, когда Адалджиза, подчиняясь приказу, вынуждена была выйти из храма с зажженной чашей в руках.

Глубоко посаженные глаза теннетора внимательно изучали фигуры всех троих путешественников, они словно сверлили их насквозь.

Хлодвиг ощутил, что ему хочется спрятаться за спину учителя.

Астрис, однако, нисколько не растерялся и с подчеркнутой обходительностью воскликнул:

— Владыка посылает доброе утро Храму Небесного Льва и его достопочтимому теннетору! Мои немедийские ученики желают здравия тебе, уважаемый месьор Оровез...

Близнецы дружно подхватили, повинувшись требовательному взгляду, который украдкой бросил им аквилонец:

— Да хранит Митра, Податель Жизни, Храм Небесного Льва и его теннетора!

Тонкие бескровные губы Оровеза слегка раздвинулись в стороны, что должно было, по всей видимости, означать дружелюбную улыбку. Он как-то странно выдвинул нижнюю челюсть вперед и глубоким, очень низким голосом произнес:

— Хранит Митра, Податель Света, и знаменитого путешественника с его неопитами...

Братья уловили движение головы Астриса и одновременно с ним склонили головы в вежливом поклоне, почтительно скрестив на груди руки. Краем глаза Хлодвиг все время следил за длинным, вытянутым лицом теннетора, почему-то тоже не спускавшего с него взгляда.

— Еще не настал рассвет, а ты уже приступил к исследованиям, уважаемый наставник, — вкрадчиво начал Оровез. — Что же обнаружил твой пыливый взор среди клубов утреннего тумана? Что заставило тебя подняться до того, как на землю пали первые лучи Благодати Митры?

От звука этого низкого, почти хрипящего голоса у Хлодвига по спине побежали мурашки. Он

знал, что ни в коем случае нельзя рассказывать о том, что они изучали место, где ночью рассталась с жизнью Адальджиза.

И действительно, Астрис с вежливой улыбкой быстро отозвался:

— Мы ходили к Часам Цветов. Еще в пути я много рассказывал ученикам об этом чуде, и они с нетерпением ждали того момента, когда один час будет сменяться другим. Нам посчастливилось узреть, как гордые каттлеи закрываются и уступают свое место жизнерадостному козлобороднику...

— Вы действительно были у цветов? — быстро спросил Оровез.— Скажите, не заметили ли вы чего-нибудь необычного?

— Мы действительно были у Часов Цветов,— внушительно ответил аквилонец.— Конечно, мы заметили необычное: одна каттлея почему-то не желала засыпать и продолжала бодрствовать, хотя ее час уже прошел.

— Это началось после убийства нашего друга Томезиуса, да пребудет его дух вместе с нами. После его смерти орхидея не желала закрываться, и мы ничего не могли сделать...

— Теперь она закрылась. Я велел ей заснуть,— произнес Астрис.

Узкое лицо теннетора вытянулось еще больше, и он уставился на аквилонца, словно задавая немой вопрос — говорит ли тот истину. Но так продолжалось недолго, потому что в следующий момент всеобщее внимание было отвлечено шумом, донесшимся со стороны главной аллеи, ведущей от врат храма к привратной постройке.

Хлодвиг вместе со всеми повернул голову и увидел шествующий по направлению к ним небольшой отряд зингарских гвардейцев. Впереди шел высокий худой мужчина с узкой бородкой — судя по всему, он был начальником этого патруля. За его плечами виднелись два могучих алебардиста, несущих у груди свои грозные орудия. От них не отставал коротышка, который тащил на плечах арбалет, а замыкали шествие два молодых парня: один — с волосами, черными как смоль, а другой — огненно-рыжий. Хлодвиг невольно отметил, что рыжие волосы этого гвардейца точь-в-точь напоминают тот оттенок, который окрашивал пряди Адальджизы.

— Капитан Селинас приветствует теннетора Храма Небесного Льва,— с достоинством изрек начальник отряда, когда гвардейцы приблизились к ступеням.— Нам сообщили, что ночью опять было совершено ужасное убийство...

— Теннетор Храма Небесного Льва приветствует капитана Селинаса, да хранит Митра, Пастырь Света, его жизнь во время ночных обходов,— отозвался Оровез.— С глубокой скорбью мне придется сообщить, что страшный убийца снова расправился со своей жертвой! На этот раз ею стала беззащитная девушка, одна из молодых жриц храма. Черная тень Ночного Губителя мелькнула совсем близко от нас. Каждый, пришедший проститься с убитым Томезиусом, да пребудет его дух вместе с нами, мог бы распрощаться прошлой ночью со своим сердцем. Но кровавый взор Губителя упал именно на Адальджизу!

Оровез неуловимым движением руки достал из необъятных складок своего пурпурного саккоса тонкий свиток и развернул его. Хлодвиг увидел, что на листе изображен огромный отпечаток, в центре которого гвоздями выбито нечто вроде ножа с рукояткой.

— На этот раз убийца оставил свои следы, — грозно сказал теннетор. — По этим отпечаткам вы должны изловить Ночного Губителя!

* * *

Ночью Конан плохо спал и проснулся в отвратительном настроении. Перед сном ему удалось подкрепиться только вареными подводными трюфелями, приправленными соусом из пиниевых яблок. Ничего попроще у хозяина постоянного двора «Западный ветер» не нашлось, Конану не досталось даже куска хлеба или лепешки из майса, и ему пришлось давиться морскими грибами. Хозяин предлагал еще крайне аппетитных, по его словам, улиток, их можно было бы доставать живыми из раковин и глотать, поливая соком цитрона, соблазнял он Конана, но киммериец зарычал:

— Я ведь не бессмертен! Ты что думаешь, я смогу выжить после такой дряни? Старая ты дырявая сковородка, раздобудь мне кусок нормального мяса!

— Сейчас ночь! — взмолился розовощекий упитанный хозяин. — Мясо и рыба кончились еще до захода солнца, а хлеб съели сразу после этого... Ни за какие блага я не выйду ночью на улицу, да если бы и вышел — без толку: все боятся Ночно-

го Губителя, поэтому крепко запирают замки. Почему бы почтенному месьору не попробовать улиток? Их много, целая корзина, и они совсем свежие, потому что переложены водорослями. Так они могут храниться несколько дней, оставаясь прохладными.

— Нет! — отрезал варвар и, скроив брезгливую гримасу, пододвинул к себе глиняную миску с подводными скользкими грибами.

Есть хотелось невероятно, в это мгновение он проглотил бы, пожалуй, и самого хозяина, если бы тот был хорошо приготовлен, а сам Конан родился не в Киммерии, а в Дарфаре. Не так давно ему довелось столкнуться с подобными гурманами на одном постоялом дворе в Замбуле. Интересно, хорош ли оказался на вкус Арам Бахш, хозяин этого заведения, собиравшийся отправить киммерийца на ужин черномордым людоедам? Оценили ли они по достоинству мясо своего знакомого? Долго ли пришлось его варить?

Но этим вечером варвару пришлось оставить хозяина «Западного ветра» в сыром, неприготовленном виде и набить живот грибами, а наутро он проснулся в гнусном состоянии. За время странствий по гирканским пределам его организм привык, конечно, к разной пище. Таков удел странников и солдат удачи — сегодня есть одно, а завтра другое. Даже вода для питья везде разная, не говоря уже о хлебе. Конечно, герой должен совершать ратные подвиги, повергать недругов, защищать королевства, но и за столом ему есть где развернуться.

Прибрежные города Зингары всегда жили морем, воды которого давали рыбу и креветок, грибы и капусту, мясо черепах и съедобные водоросли. Только для того, чтобы получать от всего этого удовольствие и оставаться наутро живым, нужно обязательно родиться зингарцем...

Утром Конан даже не потребовал от хозяина «Западного ветра» завтрака, настолько его мучило от подводных грибов. Всякое киммериец пробовал в своей жизни, но такой отравы еще не водилось.

— Кром, для чего я начал войну против себя! — брюзгливо заметил он, с мучительной гримасой потирая мускулистый живот.

Варвар вышел с постоялого двора и направился в сторону порта. Утро еще только начиналось, но наверняка в тавернах уже появился всякий интересный народ, с которым можно было бы потолковать. Всю ночь он ворочался на жестком топчане постоялого двора, и перед глазами стояло море. Море в Херриде чувствовалось везде, оно пропитывало воздух, как солнечные лучи, оно настигало в самых укромных уголках порывом соленого ветра и постоянно дразнило ноздри запахом гниющих водорослей. Вот это уж аромат так аромат...

Вонял этот город не меньше других, за свою жизнь Конану довелось побывать в самых грязных кварталах Шадизара и Султанапура, Арэнджуна и Хоарезма. Каждый раз такое место называлось по-разному, но будь то Глотка, Пустынька или Лабиринт, смрад там стоял плотный и почти везде одинаковый. Нечистоты и помои выкиды-

вались из окон, да и жители таких кварталов никогда не считали зазорным остановиться прямо посреди улицы и опорожниться на кучу рыбьей трыбухи, только что выброшенную со второго этажа.

Но в Херриде даже такие кварталы были пропитаны благородными запахами моря. Варвар обходил таверны, в которых обычно собирались любители морского воздуха, предпочитавшие носить на головах платки, туго затянутые узлом на затылке, и мысленно подбирал себе команду. Он понимал, что получить от властей каперский патент гораздо легче, имея под рукой собственный экипаж. Не доверит же, в самом деле, морской советник судно одному человеку, пусть даже и рожденному в Киммерии. Нужно обязательно сколотить свою команду или хотя бы намекнуть, что она уже существует.

Поговорив за утро с добрым десятком молодых, готовых хоть к вечеру выйти в море, Конан составил себе примерный план действий. Опыт подсказывал ему, что получение каперского свидетельства и самого боевого корабля дело не одного дня — слишком много было бы в другом случае охотников за доступным королевским имуществом. Поэтому киммериец решил, не мешкая, нанести визит морскому советнику и напрямик высказать ему свои желания.

От гавани он свернул на узкую улочку и направился к Верхнему городу, где находился особняк высокого чиновника. По пути он миновал несколько площадей, запруженных народом: по традиции в Херриде рядом с храмом обычно распо-

лагались торговые ряды, где можно было выгодно купить или продать нужную вещь, и горожане, возвращаясь с утренней службы, по обыкновению заворачивали на рынки.

У одной лавки было особенно многолюдно. Конан обратил внимание, что по направлению к ней спешат компании хорошо одетых, явно богатых молодых горожан. Они о чем-то возбужденно переговаривались на ходу и старались обогнать друг друга.

Приблизившись, варвар увидел двух огромных кукол, деревянных истуканов, стоящих на площади перед лавкой. Одна из кукол, судя по всему, должна была изображать женщину, поэтому хозяин обрядил ее в пышное платье, кипящее пеной многочисленных оборок и каких-то замысловатых кружев, украшенное ворохом разноцветных лент и немислимых побрякушек. А вторая кукла явно представляла из себя знатного кавалера — тончайшая сорочка с кружевными манжетами белела под красным камзолом, густо расшитым золотом, замысловато скроенные штаны поддерживались тонкими кожаными ремнями, на которых висело несколько пар перчаток из прекрасной кожи.

Хозяин лавки хрипло выкрикивал:

— Лишь у Лукейо досточтимые херридцы смогут купить самые модные товары из Аквилонии!.. Прошу вас, благородные кавалеры, самые модные башмаки с носком «утиный клюв»! Такие башмаки носят только самые модные господа в Тарантии и Танасуле!.. Прошу вас, очаровательные дамы...

Было видно, что он постоянно выкрикивает одни и те же слова и, расхваливая свой товар, рискует окончательно потерять голос. Подручный купца едва успевал принимать деньги, бросая их в кожаный мешочек, и вытаскивать из лавки все новые и новые вещи.

Киммериец невольно взглянул на свои сапоги. В них он, конечно, не выглядел щеголем, но он никогда и не задумывался об этом для бойца не важно, насколько моден фасон меча, главное, чтобы он вовремя снес голову недруга. Варвар миновал площадь и попал на очередную узкую улочку, заперуженную пестрым городским людом. Хозяйки возвращались с рынка с корзинами продуктов. Уличные торговцы громко предлагали улитки и орехи, мелкие украшения из кораллов и сласти из вываренного виноградного сока, причем каждый расхваливал свой товар на особый манер, выпевая, как мелодию, особый мотив.

— Ули-итки!.. Ули-итки!.. Ули-итки! — вопил над ухом Конана молодой парнишка с плетеной корзиной. — Купите ули-итки! Лучшие ули-итки!

После вчерашних подводных грибов киммериец поклялся, что не прикоснется ни к чему, кроме хорошего куса жареной телятины с краюхой теплого хлеба. Он до сих пор ощущал какую-то неприятную слабость в животе, и от этого раздражение варвара все усиливалось.

— Клянусь Ресницами Пастыря Света, почтенный месьор капитан, ты приобрел самые лучшие сапоги на всем побережье от Кордавы до Асгалуна! — услышал он рядом с собой знакомый гнуса-

вый голос.— Сначала я увидел твои сапоги и оценил их, а только потом понял, что сшил их сам специально для почтенного капитана!

Черные редкие волосенки тощего сапожника взмокли от жары и торчали слипшимися птичьими перьями. Он явно был намерен не проходить мимо Конана и продолжал расхваливать свою работу, втайне надеясь продать нескупому чужеземцу что-нибудь еще:

— Клянусь кончиками волос светлоокой Иштар! Почтенный месьор капитан, теперь к таким великолепным сапогам тебе просто необходимы перчатки по локоть и кожаная перевязь! Я продам это уважаемому месьору всего за два с половиной золотых!

Киммериец и не думал замедлять шаг, поэтому хромоногому зингарцу приходилось почти бежать, чтобы поспевать за ним. Рот Риэго не закрывался ни на миг.

— Два с четвертью золотых! — задыхаясь, шептал сапожник, цепляясь за край короткого афгульского жилета Конана.— Два с четвертью, и клянусь Светлым Взором Митры, таких добротных и вместе с тем дешевых вещей ты не встретишь на всем побережье от Асгалуна до Мессантии, от Мессантии до Херриды, даже в самой Кордаве ты... Месьор! — вдруг заверещал он.— Что ты делаешь?!

Мощная рука варвара опустилась сверху на воротник зингарца и подняла, как котенка, за загривок. Ноги Хромого Риэго болтались в воздухе, пытаясь нащупать твердую опору под собой. На узкой улочке в один момент застопорилось дви-

жение, прохожие не могли отказать себе в удовольствии поглазеть, как черноволосый гигант одной рукой держит в воздухе болтливого сапожника, вытряхивая из него пыль, как из коврика.

— Предупреждали тебя, что ты проглотить собственный башмак? Да или нет? Вонючая ты подошва, ты, как я вижу, не понимаешь слов,— сквозь зубы цедил киммериец.

Настроение его никак не выравнивалось. Вчерашний случай на кладбище оставил гнусный отпечаток в душе варвара, а поганые подводные грибы по-прежнему воевали друг с другом в его желудке. Уличные зеваки показывали пальцами на болтающегося в его руке сапожника и весело смеялись.

— Иди и больше не попадайся у меня на пути, зингарская отрыжка, а не то я забью сапог тебе в глотку,— рявкнул для порядка Конан и наконец опустил сапожника на землю.

Риэго под бурный хохот окружающих попытался сразу же скрыться в толпе, но прежде его вновь настигла могучая рука. Конан не смог сдержаться и задержал доведшего его до белого каления болтуна, легким тычком в живот заставил его согнуться пополам и всей подошвой несильно поддал по выпяченному заду. К восторгу прохожих Риэго пролетел несколько шагов и растянулся на мостовой.

* * *

Капитан херридской гвардии Селинас во главе небольшого отряда из пяти человек обходил свой участок. Он был тщеславным человеком и стра-

тно мечтал о скорейшем продвижении вверх. Херрида изнемогала от страха, узнавая о новых злодеяниях Ночного Губителя, и порой месьор Селинас думал, что если бы все-таки ему удалось изловить страшного убийцу, наместник Херриды герцог Фредегар наверняка назначил бы его даже начальником гвардии.

Утром в Храме Небесного Льва Селинас увидел наконец следы таинственного преступника. Следы эти поразили его огромным размером, поэтому гвардеец справедливо полагал, что отпечаток ноги такой величины может принадлежать только гиганту, исполину, мужчине огромного роста.

Губитель был крайне опасен. Он обладал чрезвычайной силой, если мог легко рассекать грудные клетки своих жертв и извлекать их сердца. Среди обывателей Херриды только и говорили об этих кровавых преступлениях. Жители города не находили ничего сверхъестественного, когда человека грабили, отбирали у него золото и драгоценности, — такие преступления, конечно, тоже ужасали обывателей, но они были вполне объяснимы с точки зрения обыкновенных людей.

Ночной же Губитель не брал ничего, кроме сердца, и это вызывало дрожь у всех херридцев. Поэтому месьор Селинас мечтал о славе, которая пришла бы к нему в случае поимки жуткого убийцы.

Размышляя об этом, капитан неторопливо шел по улице, положив руку на рукоятку ламиры с четырехгранным клинком. По обе стороны от него следовали верные бойцы — Кабрера и Алвар с мощными алебардами, Риккар с арбалетом, заряжен-

ным зазубренным болтом, способным догнать любого беглеца, а братья-близнецы Ареас Рыжий и Ареас Черный были вооружены только ламирами, как и сам капитан. Навстречу отряду хромал, держась за ребра, какой-то ремесленник, посылавший яростные проклятия незримому обидчику. За ним бежала стайка мальчишек, хохотавших во весь голос и швырявших мелкими камешками в нелепого, смешного человечка.

— О Хранитель, Податель, Возжигатель! Пошли на его голову огненный дождь! Пусть Нергал обгрызет ноги чужеземца! Пусть его сожрет морской кракен! Пусть... — безостановочно ругался хромой зингарец, безуспешно отгонявший от себя гогочущих мальчишек и все глубже втягивавший голову в плечи под градом мелких камешков, пущенных их руками. — Да чтобы гнусный Сет забрал к себе этого бандита! Чтобы он вечно душил его своими кольцами!

Селинас невольно усмехнулся, проводив чудака взглядом. Капитан прошел несколько шагов, и улыбка внезапно сползла с его лица. Он нахмурил брови, не понимая, что его так беспокоит. Внезапно гвардеец остановился так резко, что следовавший за ним Ареас Рыжий грудью налетел на него.

— Вернуть ко мне хромого! — скомандовал Селинас. — Быстро!

Через несколько мгновений Ареас Рыжий и Ареас Черный уже тащили упирающегося ремесленника, легко подхватив его с двух сторон под мышки.

— Клянусь Светлым Оком Митры, я ничего не делал! Я не сделал ничего дурного, почтенный ме-
сьор капитан! — лепетал хромой, с ужасом озира-
ясь вокруг.

— Разверните его! — приказал Селинас, и в сле-
дующий момент перед его взглядом предстал ху-
дой зад ремесленника, обтянутый штанами из свет-
лой холстины. — Откуда у тебя это? Говори, или я
размозжу тебе голову!

На светлой ткани отчетливо выделялся след
огромной ноги. Отпечаток был настолько очеви-
ден, что можно было разобрать даже эмблему,
красовавшуюся в центре гигантской подошвы: де-
сять шляпок гвоздей шли вдоль подошвы сверху
вниз, а три шляпки образовывали что-то вроде за-
щитной крестовины ламиры.

— Откуда у тебя на заднице след Ночного Гу-
бителя? — заорал Селинас. — Отвечай, пока я не
бросил тебя в темницу на съедение крысам!

Хромой так испугался, что не мог вымолвить
ни слова. Рот его беззвучно открывался, как у
выброшенной на берег рыбы, и выпученные от
страха глаза беспокойно перебежали с оружия гвар-
дейцев к лицу их капитана.

— Так это был Ночной Губитель... — наконец
просипел он.

Глаза зингарца закатились куда-то за орбиты,
голова бессильно завалилась на плечо, и он без
сознания рухнул на мостовую.

— Митра! Да этот идиот никак хлопнулся в об-
морок! — недовольно рявкнул капитан. — Немед-
ленно приведите его в чувство!

Но гвардейцам пришлось немало повозиться,
прежде чем хромой снова открыл глаза и смог
произнести что-либо внятное.

— Это был чужеземец огромного роста... — су-
дорожно сглатывал он. — Черные волосы... синие
глаза... и главное! Он носит сапоги из кожи гли-
кона!

Селинас почувствовал, как на него накатывает
волна возбуждения.

Еще бы, перед ним открывалась невероятно
удачная возможность схватить самого Губителя!
В Зингаре запрещено использовать кожу гликона,
и каждый, кто шьет себе сапоги из такой кожи,
заключает сделку с самим Сетом, Вечным Змеем.
Сапоги из кожи гликона и носят только морские
разбойники да ночные убийцы вроде страшного
Губителя!

Капитан гвардейцев не мог отделаться от со-
блазнительной картины, ярко вырисовывавшейся
его воображению. Он видел себя на высочайшем
приеме у герцога Фредегара, видел восхищение
самых прекрасных дам Херриды и уважение и за-
висть кавалеров...

— Вперед! — нетерпеливо вскричал он. — Мы
схватим его и приведем к наместнику в кандалах!

* * *

Конан разгуливал в приемных покоях морско-
го советника, нисколько не смущаясь роскошью
обстановки. За свою жизнь немало пришлось ким-
мерийцу повидать богатых местьоров. Во многие,
правда, он входил без приглашения, под покро-

вом ночи, но это обстоятельство его совершенно не беспокоило.

В центре просторной залы тихо струился фонтан, огромные шпалеры с морскими видами закрывали арки, соединяющие залу с остальными покоями дворца. Над дверью, как и подобает покоям советника, виднелось изображение Священного Ока Митры, солнечного диска, изливавшего во все стороны длинные лучи.

Плечистые охранники внимательно следили, как варвар разгуливал по дорогим иранистанским коврам, рассматривал блестящие вазы из Кхитая, стоящие на мраморных постаментах и взмывавшие почти до сводчатого потолка. Конан еще не совсем представлял себе, как начнет разговор с советником, и полагался на удачу.

Взгляд его скользнул по голубовато-серым кхитайским вазам, покрытым изощренной росписью, фигурами обезьян и огнедышащих драконов, и остановился на просторной шпалере, за которой угадывалась полукруглая арка. Гобелен изображал море в солнечный ясный день, по которому летела сказочная ладья в виде затейливо изгибающейся раковины. Прекрасная девушка с развевающимися по ветру длинными волнистыми волосами управляла запряженной в ладью четверкой дельфинов, влекущих раковину в сторону солнца.

Невольно глаза киммерийца остановились на ее обнаженной фигуре, возбуждавшей страсть, насколько может воспламенить вытканное нитками изображение. За спиной его послышался легкий шум, но он даже не обернулся, с удовольствием

разглядывая искусную работу. Наверняка не один он хотел увидаться с морским советником...

Но уже через несколько мгновений варвар кожей почувствовал, что непонятная суeta за спиной непосредственно связана с ним самим. С юношества природный инстинкт самосохранения помогал Конану быстро ориентироваться в трудных ситуациях и мгновенно принимать единственно необходимые решения.

Шагом влево он отдалился от шпалеры. Опыт подсказывал, что это очень ненадежная вещь: за тканью в любой момент может вырасти вооруженный человек, поэтому прежде всего следовало подумать о безопасности спины.

Развернувшись, киммериец обвел взглядом просторную залу. Кроме двух охранников советника в помещении появились несколько гвардейцев. Глаза варвара сразу выхватили низкорослого зингарца, нацелившегося в него арбалетом. Арбалетчик находился всего в нескольких шагах и медленно приближался, не отводя глаза от прорези прицела. Кроме него вокруг Конана сжимался полукруг из четырех человек.

— Не двигайся! — раздался властный голос. — Капитан Селинас объявляет, что ты арестован! Именем Митры и герцога Фредегара заключаю тебя под стражу, Ночной Губитель! Не двигайся с места! Ты обвиняешься в убийствах!

— Что? — изумленно спросил киммериец. — Где Ночной Губитель?

За свою богатую событиями жизнь Конану пришлось отправить на Серые Равнины немало на-

рода. Никогда ему даже в голову не приходило подсчитать, скольких именно он послал в объятия к Нергалу, но никогда варвар не убивал ради удовольствия, никогда его оружие не поднималось на беззащитных людей.

— Не двигайся! — прошипел арбалетчик.

Он целился в грудь Конана, а с двух сторон от его шеи колыхались острия алебард, готовые в одно мгновение рвануться вперед и пронзить его. За спиной киммерийца в ножнах торчал добрый забарский кинжал, немало помогавший не так давно в Афгулистане, но чутье подсказывало ему, что как только он сделает движение рукой, болт арбалета сорвется со ствола и прошьет его грудь, а пики алебард немедленно воткнутся в шею.

Высокий капитан держал в руках кандалы.

— Вытани вперед руки, Ночной Губитель! — торжествующе объявил он. — Именем Митры и герцога Фредегара ты заключаешься под стражу.

Охранники дворца вбежали в залу с оружием в руках, а за ними маячило толстое лоснящееся лицо насмерть перепуганного советника, облаченного в пурпурную тунику. Глаза толстяка выражали ужас, он негодуяше воскликнул:

— В моем доме Ночной Губитель! Что делает этот злодей в моем дворце?

Конан усмехнулся и неторопливо протянул руки, всем своим видом показывая, что сдается без боя и готов дать заковать себя в кандалы. Он понимал, что если сейчас сделает хотя бы одно резкое движение, напряженные нервы гвардейцев могут не выдержать и сорваться.

Но когда капитан приблизился, пальцы варвара цепко схватили цепь посередине, и он мощно рванулся назад, увлекая за собой зингарца. Арбалетчик не мог выстрелить, потому что Конан защищался его начальником как живым щитом, а капитан, выпучив глаза, не доставал ламиру из ножен, продолжая сжимать кандалы.

В одно мгновение варвар отволоч его назад на несколько шагов, двигаясь спиной вперед, и пока зингарец успел что-либо сообразить, Конан, склонив голову, резко боднул того лбом прямо в лицо. Селинас только успел тихо вскрикнуть, колени его подломились, и руки бессильно повисли вдоль тела. В следующее мгновение киммериец швырнул безжизненное тело на арбалетчика с такой силой, что тот повалился на пол, непроизвольно выпустив заряд арбалета в расписной потолок.

Против варвара оставалось три гвардейца и два охранника с копьями, но во дворце советника уже начался переполох, и чуткий слух Конана различал где-то за шпалерами лязганье оружия. В руках его бренчала тяжелая цепь, и он не спешил достать из ножен забарский кинжал.

Неожиданно в его памяти вспыхнула картина двадцатилетней давности — закат зимнего солнца, золотивший зубчатые вершины заснеженного леса, и стая волков, преградившая путь обессиленному киммерийскому парню, бежавшему из плена с обрывком цепи около четырех локтей длиной. Тогда Конан с такой дикой яростью раскрутил цепь, что через мгновение один серый зверь уже хрипел на снегу с перебитым позвоночником, а дру-

гой откинулся в сторону с разmozженным черепом.

Что эти зингарские гусаки по сравнению со свирепыми лесными волками, рыскающими в поисках жратвы на излете зимы? Гвардейцы, воинственно завопив, ринулись на варвара, но уже в следующий момент звенья кандалов обрушились молотильным цепом сначала на одну алебарду, а потом на другую, и деревянные древки разлетелись в щепы. Несколько резких выпадов — ламыры нападавших пронзили пустоту, а их владельцы рухнули на мозаичный пол с проломленными головами. Два других гвардейца, ошеломленные быстротой кровавой расправы, нерешительно пятились назад, ко входу, но из внутренних покоев в зал вывалилась охрана советника, около десятка крепких зингарцев с самым разнообразным оружием в руках. Несколько человек сразу перекрыли путь к выходу из дворца.

— Ночной Губитель! Ты обречен! — закричал из-за спин своих охранников советник, благоразумно прячущийся за толстой створкой двери.

Цепь в руках киммерийца еще раз раскрутилась, превратившись в сверкающий круг, а потом с силой вылетела в сторону охранников. Первый еще сумел среагировать и увернуться, но стоящий за ним не видел летящих кандалов, и металлические звенья со страшным хрустом врезались ему в лицо. Охранник успел только коротко вскрикнуть, но его товарищи непроизвольно повернули в его сторону головы. Воспользовавшись мгновенным замешательством, Конан подбежал к галерее

и в один момент взобрался по богато украшенной колонне на верхний проход. Пока охранники успели что-либо сообразить, он ринулся внутрь дворца.

За спиной варвара раздавались крики, но он бежал через богато обставленные залы по направлению к внутреннему двору. Опыт подсказывал, что нельзя сейчас выскакивать из дома советника прямо на многолюдную улицу.

Просторная терраса с мраморными статуями выходила прямо в цветущий сад. Конан легко спрыгнул вниз и устремился к стене, белеющей за деревьями. За этой стеной находился двор другого дворца, который он быстро миновал, не обращая внимания на вопли служанок. Легко перемахнув через следующую каменную ограду, варвар оказался в заросшем, запущенном саду, в котором не было видно обитателей. Только здесь киммериец позволил себе замедлить бег и отдышаться. Времени на то, чтобы обдумать свое положение, у него по-прежнему не было, но он отчетливо понимал, что попал в какую-то путаницу. Так это или не так, хладнокровно полагал Конан, в любом случае удобнее действовать без кандалов на руках.

Бесшумно передвигаясь от дерева к дереву, он пересек обширный сад и за его стеной обнаружил следующий. Так варвар миновал несколько внутренних дворов, пока не оказался в ухоженном парке. За подстриженными вершинами деревьев сверкал золотой шпиль храма Митры.

Конан осторожно вышел из орешника и краем глаза уловил какое-то движение слева от себя.

Молниеносным движением руки он выхватил из-за спины забарский кинжал и мягко отпрыгнул в сторону, слегка согнувшись в ожидании нападения.

Но тут же он немного расслабился, потому что на дорожке стоял седой крепкий мужчина в длинной тунике, по обе стороны от которого испуганно выглядывали два паренька, удивительно похожие друг на друга. Оружия у них не было, и вид был самый что ни на есть мирный.

— Далеко ли отсюда до моря? — хрипло спросил варвар, неторопливо отправляя кинжал обратно в ножны. — Я гулял и немного заблудился...

Он заметил, как умные, сверкающие искорками глаза седовласого внимательно изучают следы, которые его сапоги оставили на дорожке.

— До моря довольно далеко, почтенный чужестранец, — вежливо отозвался мужчина. — Только я на твоём месте первым делом сменил бы сапоги...

— Что? — изумился киммериец. — Во имя Крома, что ты несешь, старик?

— Я сменил бы сапоги, потому что все в Херриде считают, что это сапоги Ночного Губителя... А мне кажется, что ты таковым не являешься...

Пока Конан, прищурившись, размышлял над словами незнакомца, близнецы восхищенно воскликнули:

— Наставник Астрис, но как вам удалось все узнать?

Седовласый мужчина, которого называли наставником, пристально смотрел на варвара, сосредоточенно нахмутив брови.

— Ты упомянул имя Крома... — заметил он. — Значит ли это, что ты родом из краев, где правит Владыка Могильных Курганов? Не очень-то ты похож на северянина...

Киммерийцу было в глубине души приятно, что в такой дыре, как Херрида, нашелся человек, имеющий представление о его боге, но он не собирался рассказывать о себе первому встречному. Тем более что в любой момент из-за стены могла появиться погоня: вряд ли зингарские гвардейцы забудут так просто разнесенный в клочья патруль.

Наставник перевел взгляд на руки Конана и уставился на шрамы, белевшие на тыльных сторонах его ладоней. Вряд ли когда-нибудь они исчезли бы, эти страшные меты, следы толстых гвоздей, вбитых в его руки по приказу Констанциуса Сокола. Варвар не любил об этом вспоминать, поэтому губы его недовольно поджались, и он бросил незнакомцу:

— Мне пора. У моря меня ждет корабль...

Но он сделал всего несколько шагов в сторону ограды, как за спиной раздался тихий голос:

— Не встречал ли ты когда-нибудь некоего Конана?

Киммериец развернулся так резко, что заколыхалась рукоять забарского кинжала, спрятанного в ножны за спиной.

Густые брови Конана разлетелись от изумления, он сверлил взглядом лицо седовласого мужчины, но тот не отводил взгляда и едва заметно улыбался.

— Пусть Кром вырвет мне ноздри, если я знаю, кто ты такой...— наконец протянул варвар.— Как твое имя? Мы встречались когда-то?

Как он ни старался вспомнить, как ни напрягал обычно цепкую память, ничто не откликалось в сознании при виде этого человека. Мужчина не спешил представляться, давая Конану возможность самому определить, где именно могла произойти встреча. Опасности от седовласого незнакомца не исходило — это киммериец почувствовал сразу, поэтому даже позволил себе на мгновение расслабиться и забыть о погоне, возможно идущей в этот самый момент по его следу.

— На твоих руках следы страшных ран,— заметил мужчина.— На правой и на левой руках похожие шрамы. Могу поспорить с тобой на десяток местных золотых, что и на ногах твоих мы увидим такие же жуткие отметины. Ты готов поспорить? Готов снять свои роскошные сапоги и показать нам свои шрамы?

— Ты в своем уме, старик? — хмыкнул варвар.— Ты принимаешь меня за нищего с рынка, показывающего за пару монет свои язвы?

Он говорил себе, что пора уходить, но в то же время непонятная сила удерживала его и мешала сдвинуться с места. Что-то интриговало киммерийца во внешности и словах незнакомца.

— Но я все равно уверен, что и ноги твои носят такие же шрамы,— ничуть не смутившись, продолжил седовласый мужчина.— Все очень просто: когда человека приговаривают к распятию на кресте, то пробивают ему толстыми гвоздями ладони

и ступни. Немногим удастся выжить после такого наказания. Но тебе ведь это удалось, не так ли?

Конан выразительно сжал зубы и процедил:

— Если через мгновение ты не объяснишь мне все, любитель загадок, я уйду, и мы больше никогда не сможем поговорить так просто... Я действительно повисел однажды на кресте, но помню, чтобы ты в это время проезжал мимо. Кто ты?

— В странах Запада меня знают под именем Астрис. Астрис с берегов Оссара... В Пайканге, Граде Пурпурных Пагод, меня называли Знающим Язык Цветов... в Камбуге обо мне помнят как о Филине, Далеко Видящем Днем и Ночью... В жарком Иранистане меня знают как Повелителя Воды... Да я мог бы многое рассказать о себе... Но сейчас тебе придется на время укрыться, потому что скоро здесь появятся какие-то люди... Я уже слышу их голоса!

Если бы варвар не потерял столько времени на бесполезные разговоры с этим Астрисом, погоня не настигла бы его и он спокойно шел бы сейчас по какой-нибудь узкой улочке. Но теперь скрываться было уже поздно, и киммериец молниеносным движением выхватил из ножен длинный кинжал, напоминающий по форме, скорее, короткий изогнутый меч. Рука привыкла к этому оружию еще в Афгулистане, поэтому Конан не расставался с ним, хотя сейчас не помешал бы и тяжелый двуручный меч.

Но Астрис выразительно взглянул на обнаженный кинжал и горячо попросил:

— Не нужно! Поверь, тебе лучше сейчас укрыться! Только не оставляй следов!

Времени на размышление не было. Теперь и варвар слышал, как за стеной в соседнем саду раздаются голоса. Он ринулся к кустам, бросив:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Но если что... пеняй на себя!

Краем глаза киммериец успел заметить, как мужчина что-то возбужденно говорит братьям-близнецам, а когда густые ветви скрыли его, раздался громкий голос Астриса:

— Помогите! Помогите! Кто-нибудь, на помощь!

Через мгновение послышалось бряцание оружия, и с высокой ограды посыпались зингарские гвардейцы. Два... пять... семь... Варвар, притаившись в кустах, осторожно выглядывал из-за листвы и считал, сколько человек ринулось за ним в погоню из дворца советника. Получалось, что не меньше десятка...

Близнецы тащили своего наставника навстречу гвардейцам, подхватив его с обеих сторон под плечи, словно тяжелораненого. Конан прищурился и изумленно протер глаза — он мог бы поклясться, что кровь заливает щеки Астриса, хотя еще мгновение назад его лицо было абсолютно чистым.

— Скорей! Туда!.. Туда!.. — наперебой галдели братья. — Злодей напал на нашего наставника и убежал! Вы еще успеете догнать его!

Юноши поддерживали своего учителя, а свободными руками указывали направление, совершенно противоположное тому месту, в котором укрылся варвар. Гвардейцев не пришлось долго уговаривать, раздалась отрывистая команда, и они ринулись в указанном направлении. Хотя кимме-

рийцу по душе была честная схватка и он чувствовал себя неловко, прячась за кустами, но в то же время он не стал бы отрицать, что маленькая хитрость его нового знакомого принесла успех очень быстро и с весьма небольшой затратой сил.

После исчезновения гвардейцев Астрис в один момент преобразился. Только что вооруженные зингарцы видели перед собой обмякшего, расслабленного человека с окровавленным лицом, а сейчас к кустам он подходил энергичным и подтянутым. Лишь залитое кровью лицо напоминало о его мгновенном перевоплощении, но аквилонец на ходу вытащил небольшую бутылочку из синего стекла, зубами достал пробку и плотно прижал ладонь к горлышку. Несколько раз перевернув пузырек вверх дном, он снова закупорил его, а затем провел рукой, смоченной какой-то жидкостью, по лицу. Варвар, выступивший из своего укрытия, с изумлением обнаружил, что щеки наставника опять стали чистыми, даже на его седой короткой бороде не осталось и следа крови.

— Отвар вендийского вишуда, — пояснил Астрис, поймав восхищенные взгляды близнецов. — Я постоянно ношу его с собой потому, что вишуд мгновенно заживляет раны, хотя его трудно отличить от самой крови. Пришлось брызнуть немного на лицо, чтобы ввести в заблуждение гвардейцев. Чего доброго, нашелся бы среди них какой-нибудь зануда, заинтересовавшийся следами. Тут бы они моментально и пришли к тебе в гости...

На дорожке и траве явственно виднелись отпечатки огромных сапог Конана. Действительно,

стоило бы кому-нибудь из зингарцев только опустить взгляд, как все сразу стало бы очевидным.

— Приходится всегда носить с собой несколько фляжек со снадобьями,— сказал аквилонец, поправляя широкий кожаный ремень с кармашками, из которых торчали узкие горлышки пузырьков синего и зеленого стекла.— Хлодвиг, например, потерял сознание этой ночью. Что бы смогло быстро привести его в чувство, если бы под рукой не оказалось кхитайской соли?

Стоявший слева от него парень смущенно опустил голову и едва слышно отозвался:

— Но, наставник, это было чудовищное зрелище! Адальджиза лежала на дорожке... казалось, она еще дышала, но я видел, что злодейская рука вырвала у нее сердце!

И он в закрыл лицо ладонями, словно не в силах видеть ужасную и таинственную картину, открывшуюся ночью его неопытному взору.

— Если я правильно мог судить по следам, ты ведь тоже оказался ночью у тела несчастной девицы? — спросил Астрис, пристально взглянув на киммерийца.— Отпечатки твоих сапог можно было обнаружить и на дорожке, и у ограды. Из-за этого кое-кто и поспешил назвать тебя Ночным Губителем. Мы с Хлодвигом поднялись рано утром, пока ты, Хундинг, еще сладко спал...

Второй брат, видимо, что-то хотел сказать, но аквилонец остановил его предостерегающим жестом руки и продолжил:

— Несчастная Адальджиза шла по дорожке медленно, ведь в руках она несла чашу со свя-

щенным огнем. На гравии утром были четко видны ее следы. Шаги Адальджизы были небольшими, она следила за горящим фитилем, и к тому же узкий каласирис, в котором она была, делает походку любой женщины немного скованной, семенящей,— так повелось еще давно, зингарцы считают, что все женщины должны ходить мелкими шагами и с опущенной головой. Только так женщины могут показывать свою покорность... Но Адальджиза увидела нечто, смертельно испугавшее ее! По следам девушки явно было видно, что она сначала остановилась, потом попятилась — утром на дорожке четко выделялись отпечатки ее ног, а когда человек идет спиной вперед, на пятки падает большая нагрузка, поэтому они сильнее вдавались в гравий. Девушка развернулась и попыталась убежать — было очевидно, что расстояние между следами увеличилось и изменилось направление шагов. Но далеко ей скрыться не удалось. Через несколько шагов кто-то настиг ее. На этом месте она и продолжала лежать, пока Хлодвиг не увидел несчастную... До этого к телу подходил и ты, доблестный воин, но утром я сразу увидел, что ты не мог быть убийцей. По следам было понятно, что ты подбежал позже и совсем с противоположной стороны. По отпечаткам получалось, что Адальджиза бежала не от тебя, а как раз в твою сторону...

— Она и не видела меня,— буркнул Конан.— Проходил я мимо кладбища и услышал крики. Нужно было бы пройти мимо, и сейчас я спокойно беседовал бы с советником... А теперь какие-

то чурбаны, Нергалово отродье, называют меня этим, как его?..

— Ночным Губителем,— кивнул Астрис.

— Кром! Никогда киммериец не нападет ночью на беззащитную женщину! Да и какому нормальному воину это придет в голову? Нет, ставлю свои новые сапоги против медяка, что дело тут нечисто. Любой из моих знакомых мог бы отобрать у этой красотки деньги, ну, в крайнем случае, повалил бы ее по траве. Но вырезать сердце не стал бы никто!

— Ночью никто не увидел следы крови. Понятно, что можно разобрать в темноте. Но утром стало понятно, куда ведут кровавые пятна. Обладатель огромных сапог скрылся за оградой, а настоящий убийца исчез там, где его никогда не стали бы искать...

— Осмелюсь спросить, наставник,— не выдержал один из братьев.— Но где же спрятался злодей? Утром ты так ничего и не объяснил мне...

Все говорили тихо, но аквилонец еще раз зорко огляделся вокруг и на мгновение замер, внимательно прислушиваясь к происходящему вокруг.

— Пока я сам мало что понимаю,— вздохнул он.— Но я должен узнать, почему погиб мой старинный друг и кому нужно было вырезать у него сердце, как и у всех других несчастных. Ты поможешь нам, Конан из Киммерии? Боюсь, что без твоей помощи мы с юношами не сможем найти убийцу.

Усмешка тронула губы варвара, и он язвительно произнес:

— Ты до сих пор так и не объяснил, откуда тебе известно мое имя. Да и я о тебе знаю только то, что ты — Филин, Знающий Язык Воды и Видящий Цветы Днем и Ночью. Почему я должен помогать тебе? Сегодня я оставляю Херриду и больше никогда не вернусь в этот поганный городишко. И поесть здесь нельзя нормально, чтобы в брюхе потом не бушевал шторм, и сапоги нельзя сшить без того, чтобы на тебя не накинута орава гвардейцев с алебардами и арбалетами. Плевать я хотел на Херриду со всеми Ночными Губителями! В Кордаве я был давно, но, может, кто-нибудь из старых знакомых по-прежнему топчет тамошние мостовые. А ты ищи своего Губителя, если это так тебе нужно и ты видишь далеко днем и ночью. Да пошлет Кром тебе удачу...

И опять, как и в первый раз, стояло Конану сделать только несколько шагов, как за его спиной раздался тихий, но отчетливый голос аквилонца:

— В Хауране ты производил впечатление решительного воина... Неужели все дело было лишь в благосклонной улыбке владычицы Тарамис?

Снова киммериец развернулся так резко, что разошлись полы его короткого афгульского жилета, покрытого тончайшей вязью вышивки.

— Странный город... Здесь шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на какого-нибудь чудака. Скажи наконец, кто ты такой, или закрой рот, а не то я завяжу твой длинный язык узлом. Узел получится крепкий, тебе трудно будет потом распутать его, клянусь когтями Нергала!

— Имя мое тебе уже известно,— с достоинством отозвался наставник после небольшой паузы, во время которой он в очередной раз огляделся вокруг.— Я понимаю язык цветов и трав, поэтому многие называют меня гербариусом. Я читаю Небесную Книгу, в которой не буквы, а звезды, поэтому иногда меня зовут астрономом. Числа и их сочетание тоже представляют для меня смысл, поэтому меня знают как нумеролога. Прибавь к этому геральдику, гармонию музыкальных звуков, искусство врачевания иглами и невидимым прикосновением... Я мог бы долго рассказывать о себе, но, главное, я — путешественник, умеющий читать великий Манускрипт, который создается днем и ночью, летом и зимой, на суше и на море, в воздухе и под землей,— всю свою сознательную жизнь я стараюсь разбирать Книгу Жизни. Рождаются новые поколения и погибают старые, играют свадьбы и тонут корабли,— ничто не исчезает бесследно из того, что происходило в нашем мире. Не пропадают мысли, страсти, поступки. Все это записывается божественными перстами, и нужно только уметь разворачивать свиток, на бесконечном пространстве которого в единой вязи слились причудливые буквы, мелкие странные графемы, означающие жизнь целой страны, династии или одного выдающегося человека!

Астрис закончил свою речь на высокой патетической ноте.

Близнецы с восхищением взирали на своего наставника, но Конан смачно сплюнул на траву и вздохнул:

— Я же говорю: странный город. Не иначе как сам Нергал тут присаживался опростать свое брюхо. Присел когда-то, и на этой куче основали город, так все и пошло, поди, с тех пор, нечего удивляться. Я спрашиваю тебя, откуда ты знаешь меня и кто такой, а ты в ответ про Небесную Книгу и причудливые иглы...

Порой киммериец старался выглядеть грубее и неотесанней, чем был на самом деле. Он давно понял, что в беседе это иногда дает некоторые преимущества.

Зачастую люди считали, что его интересуют только еда, выпивка, красивые бабы да игра в кости. Но вряд ли он смог бы командовать барахскими пиратами на «Тигрице», вряд ли он смог возглавлять гвардию красавицы королевы Тарамис в Хаурани, управлять шайкой зуагиров в Туране или афгулов в Гимелийских горах. Для этого мало умения орудовать мечом или топором, нужно еще хорошо разбираться в людях. Обычно варвар полагался на свой инстинкт, внутренний голос безошибочно подсказывал, как нужно вести себя в той или иной сложной ситуации. Да и можно ли научиться такому, даже прочитав все Книги Жизни, все замысловатые манускрипты и палимпсесты, существующие на свете?

Аквилонец не представлял угрозы, это Конан почувствовал с первого мгновения. Говорить с ним, может быть, было и интересно, но мало ли бродит по миру интересных людей? Нельзя же с каждым вести длинные разговоры... Этот Астрис точно понимал, что варвар не может просто повер-

нуться и уйти, не получив ответа на свои вопросы. Поэтому едва уловимо улыбнулся, глядя на нарочитую грубость киммерийца, а потом сказал:

— Минуло четыре весны с той поры, как я вернулся из Хаурана. Мне удалось подробно описать все, что произошло тогда в этом роскошном королевстве. В то время еще был жив возлюбленный друг мой, Алкидх Мудрый, отец сих смысленных мальчуганов.— С этими словами аквилонец обнял за плечи близнецов и чуть сдвинул их вместе.— Почтовые голуби— вот величайшее изобретение Алкидха, которое, несомненно, навсегда оставит его имя в хайборийской истории. Эти чудные птицы доставляли мои донесения к кофской границе в те дни, когда на троне воцарилась злобная ведьма Саломея. Вряд ли мне удалось бы уцелеть, если хотя бы одно из моих посланий было перехвачено мерзкой чернокнижницей. Тогда я и услышал впервые о неукротимом киммерийце по имени Конан, сумевшем выжить даже после распятия на кресте...

Варвар скрестил руки на груди, спрятав ладони с жуткими знаками в центре, потому что братья устремили жадные взгляды на его кисти. В этих взглядах сквозило, конечно, юношеское восхищение, но не станет же воин красоваться перед желторотыми мальчишками своими шрамами!

Все стало ему понятно. В глубине души Конан предполагал в первые мгновения встречи с седовласым аквилонцем, что перед ним стоит маг или ведун, действительно способный видеть прошлое и будущее. Но теперь все становилось на свои мес-

та, все объяснялось до обидного просто. Филин, Понимающий Язык Воды, видел его несколько лет назад в Хауране. Наверняка сидел со своими голубями в закрытой комнате и выглядывал на улочку из окна как, гирканский суслик из норки, когда варвар влетел в столицу во главе своего отряда, разметав охрану Южных ворот, как пепел, как клубы утреннего тумана. Может, он был в ликующей толпе, восторженно оравшей в честь освободителя Хаурана и его владычицы, что из этого? Киммериец негромко, но решительно сказал:

— Я рад был познакомиться с тобой, но мне пора идти.— Он растянул губы в слабой улыбке и обратился к братьям, переводя взгляд с одного на другого: — Не вы ли вчера пытались свалить меня с ног на пристани?

Братья одновременно загладели в ответ, но это мало интересовало варвара. Пусть их наставник вбивает им в голову разную премудрую дребедень, пусть учит понимать язык цветов, звезд, улиток и подводных грибов... Какую пользу могут принести эти мертвые знания? В их возрасте Конан пришел под стены Венариума, там он впервые ощутил, как Смерть пронесется над воинами и ее удары обрушиваются на несчастливцев, там он впервые убил в честном бою врага и почувствовал, как с хрустом входит клинок в грудь неприятеля. В их возрасте он уже побывал в невольничьих загонах Халогии и бежал оттуда лишь с коротким обрывком тяжелой цепи, которой крушил в лесу ребра изголодавшихся волков... Только так можно стать настоящим мужчиной!

Всего этого, конечно, он не сказал братьям, а лишь легко хлопнул разом по их плечам, отчего колени мальчишек подогнулись, и они едва удержались на ногах.

— Позволь вручить тебе на память о нашей встрече талисман,— попросил Астрис, снимая с шеи круглый глянцево-коричневый амулет на тонкой цепочке.— Это не простой лесной орех, как ты, наверное, подумал сразу, а желудь валузийского дуба, растущего под водой. Он поможет тебе в трудный момент, потому что защищает от многих заклятий.

Варвар помедлил, прежде чем протянул руку за цепочкой,— он знал, какой силой порой могла обладать подобная безделушка. Но внутренний голос не сулил ничего дурного, никогда не подводивший доселе первобытный инстинкт киммерийца не посылал ему предостерегающих сигналов, поэтому он, хоть и без большой охоты, все же принял талисман.

Конан и раньше слышал о валузийских дубах, удивительных деревьях, продолжавших свою жизнь под водой на протяжении многих тысячелетий после Катастрофы, но сейчас впервые взял в руки подводный желудь. На мгновение, задержав его в ладонях, он неожиданно ощутил, что стоит на шатком мостике, качающемся над черной бездной,— с обеих сторон не было никаких поручней, поэтому ему приходилось удерживать равновесие, балансируя всем телом, чтобы не рухнуть в мрачную гортань необъятной пропасти. Это видение вспыхнуло и погасло в один момент, короткий, но

достаточно для того, чтобы ощутить всю опасность, нависавшую неведомо откуда.

— В Киммерии всегда говорят, что добрый клинок — лучшее заклятие,— нарочито безразлично сказал он, скрывая свое замешательство, длившееся краткий миг.— Держись покрепче за его рукоятку, и такой талисман никогда не подведет.

— Как знать, как знать,— туманно улыбнулся Астрис.— Когда переходишь с одной страницы Книги Жизней на другую, никогда не узнаешь, что ждет тебя впереди... Бывают дни, когда и добрый клинок не может выручить, а вот знание языка цветов помогает...

Короткий смешок слетел с губ Конана, и он невольно смерил взглядом невзрачную, хотя и крепкую фигуру, аквилонского умника. Хорошо бы помогло знание языка цветов в Хауране, когда озверевшие от ужаса шемиты Констанциуса Сокола дрались за свою жизнь у Южных ворот,— в такие моменты силы врага словно удваиваются, и они начинают отчаянно сопротивляться, предчувствуя скорую гибель. Нет, все эти премудрости из толстых манускриптов хороши для малахольных мечтателей, для полудохлых мудрецов, философствующих в клубах книжной пыли...

— Что же, буду рад, если когда-нибудь твои познания смогут хоть как-нибудь помочь мне,— решительно произнес киммериец, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать ничемный разговор.— И буду рад, если наступит момент, когда мой клинок выручит тебя из беды. Но лучше не попадай ни в какие передрапты, а сиди

в тиши перед раскрытой страницей своей любимой книги. И тогда, клянусь взглядом Крома, старость твоя будет длиться долго и спокойно.

Варвар легко развернулся и направился к ограде, оставляя за спиной Астриса с близнецами. Как бы то ни было, встреча с аквилонцем много прояснила. Старый путешественник любил выражаться туманно, но главное он все-таки разъяснил — из-за нелепой случайности его, Конана, в этом поганом городишке принимают за ночного убийцу, за изверга, одним именем которого пугают малых детей перед сном. Проклятие! Прах и пепел! Большого позора трудно было представить, но что сам киммериец теперь мог сделать? Явиться в покои герцога Фредегара и попытаться объяснить, что они заблуждаются? Извиниться перед советником за разгром в его дворце? Чуть...

Только один человек мог бы ему помочь в таком положении — девушка, лежавшая прошлой ночью на дорожке рядом с кладбищем. Если бы она смогла явиться к зингарским гвардейцам и повредить, кто именно ее убил, Конан смог бы спокойно заниматься своими делами. Но что-то не принято было в Херриде, чтобы по улицам разгуливали девицы с вырванными из груди сердцами...

Легко перемахнув через высокую ограду, варвар оказался на узкой пустынной улочке, огибавшей и кладбище, на котором кто-то прикончил бедняжку. Конечно, нечего было девушке бродить по ночам среди могильников. Даже бывалые воины предпочитают не соваться в темноте в такие места, кто его знает, какие демоны могут здесь

встретиться, в схватке с такими можно лишиться не только сердца, но и души, которая останется навек прислуживать какой-нибудь гнилой гадине и никогда не обретет покоя... Зачем эта девчонка поперлась на ночное кладбище?

Неприятные мысли роились в мозгу, но, несмотря на это, Конан не мог позволить себе расслабиться и поэтому зорко следил за происходящим вокруг. Кром! Эта вонючая Херрида неожиданно превратилась в такое место, где, хочешь не хочешь, нужно становиться внимательным человеком, чтобы не оказаться мертвым человеком.

После разговора с Астрисом он прекрасно сознавал, что херридским гвардейцам уже отдан приказ о его поимке. Приметы его, скорее всего, уже сообщены гвардейским патрулям, а это довольно скверно. Если примета — шрам или бородавка какая-нибудь, это еще можно пережить, спрятать под одежду. А вот если будут разыскивать черноволосого гиганта... укрыть свой рост почти невозможно. Навстречу, как назло, попадались мужчины только невысокие, низкорослые, среди которых киммериец сразу выделялся, как корабельная мачта в окружении весельных шлюпок. А до портowych кварталов еще нужно было дойти...

Когда-то варвар уже сталкивался с подобными трудностями. В Султанапуре, городе, справедливо именуемом «Позолоченная шлюха Вилайета», с ним уже случались похожие неприятности, — тогда он вынужден был пробираться к одноглазому Ордо по узкой паутине восточных улочек с ковром на спине. Только так можно было согнуться,

чтобы не выделяться на фоне толпы. Чего только не придумаешь в мгновения опасности!

Накануне киммериец прибыл в Херриду, думая о морском ветре и могучих волнах, которые должны были бы подхватить его судно. А сейчас нужно было спасать собственную шкуру. И почему? Потому что какому-то мерзавцу понравилось убивать по ночам мирных людей! Да чтоб Нергал облепил его вонючей слюной с головы до пят и бросил на потеху своим бесноватым слугам!

Путь Конана пролегал по небольшим улочкам, прихотливо кружащим по склону холма, на вершине которого виднелись храм Митры и то самое кладбище... Одна из улочек влилась в площадь, и когда варвар оказался на ней, то стало понятно, что рынка никак не миновать. Он погрузился в орущую, кипящую толпу и стал осторожно пробираться к противоположному краю площади. Люди как будто вытекали сюда сквозь невидимые щели и никуда больше не исчезали. Киммерийца толкали, дергали со всех сторон за жилет, предлагая какие-то убогие статуэтки, дешевые украшения, плетеные корзины, но он осторожно двигался вперед, наклонив голову и исподлобья осматриваясь по сторонам. Вчера он небрежно растолкал бы кружащую под ногами толпу, и все эти крикуны разлетелись бы по сторонам при его появлении. Стоило бы только пару раз легонько придавить зазевавшихся горожан, стоило бы им пару раз взвизгнуть от боли на всю площадь, как остальные живо отскочили бы в сторону. Но сейчас так вести себя было бы неразумно. Ни к чему было

привлекать внимание, пусть бездельники пялятся на торговые ряды, на шевелящихся пестрых глянцевого осьминогов, на пурпурные вывороченные жабры огромных рыб, на страшные клешни глубоководных крабов...

Конан с одобрением отметил, что рыночную площадь обволакивает прозрачный дым множества жаровен, беспрерывно запекающих свежую, недавно выловленную рыбешку с молодым майсом и рабирийскими орехами. В таком дыму труднее было наблюдать за происходящим, и ему легче было затеряться в толпе, ведь несколько раз глаз варвара выхватывал патрули гвардейцев.

Аппетитные запахи, разносящиеся от жаровен, нещадно щекотали ноздри. Ночью гнусные подводные грибы так тяжело свалились в его желудок, что утром не было никакого желания поесть, и сейчас киммериец испытывал приступ голода, заставлявший его торопиться к своему постоялому двору, где хозяину под угрозой страшных кар было наказано приготовить мясо. С каждым шагом все вырастали размеры барана, которого варвар пожирал в своем воображении.

Он благополучно миновал базарную площадь и оказался на длинной улице, словно стекающей вниз по холму вместе с домами по направлению к морю. Места эти казались уже знакомыми ему, поэтому Конан перестал постоянно оглядываться по сторонам и вычислять, в какой точке города он находится.

Зажиточные горожане передвигались по мостовым в колясках, причем некоторые были кры-

тые, с занавесями из легкой материи на окнах. Низкорослые унылые ослики тащили коляски, повинаясь командам слуг, ведущих их за уздцы.

Не успел варвар сообразить, что за пологом он сможет беспрепятственно добраться до порта, — не будут же гвардейцы осматривать каждую коляску, как в нескольких шагах от него раздался скрипучий голос:

— Легкая дорога!.. Легкая дорога!..

Смуглый, худой, точно высушенный солнцем, старик предлагал свои услуги, держа за поводья серого пыльного ослика, запряженного в убогую повозку. Монет у Конана оставалось все меньше, поэтому он справедливо рассудил, что к роскоши никогда не привыкал, а постоялый двор «Западный ветер» это как раз то место, к которому может подъехать такое старье.

Повозка представляла собой, скорее, огромную корзину, сплетенную из ошкуренных прутьев в виде башмака. Дверь, служившая одновременно и окном, была завешена грязной парусиной, немало повидавшей на своем веку.

Низкая скамья жалобно скрипнула, когда киммериец протиснулся внутрь корзины и опустился на сиденье. Смуглый старик сначала подробно расспросил чужестранца о направлении маршрута и, только выяснив, что путь все время будет идти вниз с холма, согласился.

— Вверх мы не смогли бы поднять почтенного месьора, — объяснил он, уважительно поглядывая снизу на мощные плечи варвара. — Слишком тяжело для Рена и для меня...

— Кром! Никогда еще я не чувствовал себя тыквой, — недовольно пробурчал Конан. — Только тыква может ездить с такими удобствами...

Старик заставил ослика тронуться с места, а сам обошел коляску и сзади уперся в плетеную стенку, временами забегая вперед и заставляя своего Рена поворачивать. Солнце уже высоко поднялось над землей, жара стояла невыносимая, и киммерийцу казалось, что он слышит, как крупные капли пота шлепаются на мостовую, сорвавшись с лица извозчика.

Сквозь щель Конан осторожно выглядывал из-за вонючей парусины и поэтому хорошо представлял себе, что творится на улицах снаружи. Несколько раз его глаз выхватывал из толпы, растянувшейся вдоль обочины, цепочку гвардейцев, вооруженных пиками и алебардами.

Коляска угрожающе скрипела на каждом повороте, небольшие деревянные колеса с трудом преодолевали выпуклые камни мостовых. Порой казалось, что очередной поворот может оказаться последним в жизни передвигающегося плетеного башмака. Варвар с желчной улыбкой на губах представлял себе, как в один прекрасный момент убогая скамья под ним развалится на части и он грохнется на пыльную дорогу прямо под ноги херридских гвардейцев. Лучшего подарка для них трудно было бы и придумать!

Но тощий ослик все же доставил его до нужного места. В портовых кварталах Конан почувствовал себя гораздо спокойнее. Каждый хайборийский город, в котором ему довелось побывать, чем-

то отличался от других, но вот подобный квартал всегда походил на десятки точно таких же, будь то Пустынька, Глотка или Лабиринт. Здесь киммериец ощущал себя как дома, местные жители ему хорошо были понятны, и он прекрасно знал, как нужно себя вести, чтобы спокойно лечь спать и встать наутро в полной сохранности.

Залатанная одежда хозяина ослика и впрямь оказалась насквозь промокшей от пота. Киммериец сунул в его жилистую руку монету и невольно подумал, что этот смуглолицый зингарец напоминает ему бывалого моряка, вынужденного доживать свой век не на палубе просоленного ветрами корабля, а на пыльных раскаленных мостовых. Воображение Конана легко помогло ему представить этого извозчика за рулевым веслом какой-нибудь быстроходной галеры. Лет пятнадцать назад киммериец без колебания предложил бы ему место на своем будущем корабле — наметанный глаз многое говорил ему, а Конан редко ошибался в людях.

— Благодарю тебя, дружище, что ты доставил меня на своем галеоне в спокойную бухту, — усмехнулся варвар. — Плавание наше было легким, и это выдает в тебе опытного капитана... Знающий моряк и на суше ловко ведет караваны.

Тяжело дышащий зингарец сдул крупную каплю пота, набухшую на самом кончике его острого носа, подбросил на ладони полученную монету и вопросительно уставился, пытаясь понять, не смеется ли над ним гигант-чужестранец. Конан неплохо владел зингарским наречием, но произношение, конечно же, выдавало в нем пришлеца.

— Караваны я никогда не водил, дружище, — отозвался старик после недолгой паузы. — Караваны всегда убегали, завидев наши паруса... Будь ты помоложе, мы могли бы встретиться где-нибудь на перекрестке двух высоких волн Западного моря...

— Клянусь Взглядом Крома, я и сам только что об этом подумал. Хожу по твоему замшелому городку и присматриваю себе стоящую команду, чтобы и на парусах и на веслах были надежные ребята, да и на кормчего можно было бы положиться.

Взмокший ослик, прикованный к коляске-корзине, безропотно стоял около деревянных широких ступеней, ведущих к постоялому двору «Западный ветер» и вяло отмахивался от наглых мух, слетевшихся, казалось, со всего портового квартала попить на его потной спине. Но его хозяин не спешил отправиться восвояси, было видно, что он поражен проницательностью чужеземца, мгновенно разглядевшего в жалком извозчике бывшего моряка, да, судя по всему, и не простого гребца с купеческого барка, а любителя вольной жизни, наводящего когда-то вместе со своей компанией ужас на всех обыкновенных торговцев. Сейчас старик внимательно изучал фигуру киммерийца, и мощные плечи, многочисленные шрамы да выглядывающая из-за спины рукоятка кинжала явно служили самой блестящей рекомендацией в его глазах.

— Если ты действительно хочешь познакомиться с такими людьми, я мог бы тебе немного помочь, — проскрипел старик, хитро прищурив-

шись.— По вечерам меня можно найти в таверне «Парус и факел», это недалеко отсюда. Спросишь Марона. Марон — так ко мне обращаются друзья. А тебя как можно окликнуть на людной улице?

— Друзья и враги зовут меня одинаково: Конан из Киммерии. Хотя морской народ звал меня и по-другому: Амра.

Губы старика беззвучно пожевали что-то, и на лице его расцвела уважительная улыбка. Подумав немного и что-то припоминая, он почтительно заметил:

— Амра с галеры «Тигрица» не так давно заставлял говорить о себе в каждой портовой таверне. Не встречал ли ты его когда-нибудь?

— Встречал, встречал. Вот его встретил и ты, уважаемый Марон...

* * *

После нещадного полуденного зноя постоянный двор «Западный ветер» встретил киммерийца приятной прохладой. Только большая комната, служившая обеденным залом, была заполнена каким-то едким чадом, струившимся сюда, нужно полагать, с кухни, где на неуклюжем высоком очаге обыкновенно готовилась жратва для лихих молодцов, — за все время существования «Западного ветра» никто пока не удосужился заметить здесь благородного зингарского месьора с кружевным воротничком или его даму, подметающую грязный пол пышными шелковыми юбками.

Конан опустился на широкую скамью, наглухо прибитую к полу, — раньше во время частых

драк эти скамьи имели обыкновение перелетать из одного угла в другой, сокрушая по пути не только черепа дерущихся, но и всю остальную мебель, и хозяин постоянного двора догадался обезопасить хотя бы свое имущество, чтобы не заниматься ремонтом после каждой веселой пирушки. Тяжелый кулак несколько раз с грохотом опустился на грубо сколоченный стол, залитый вином и жиром, но, несмотря на стук, из кухни никто не вышел.

— Где ты, свинья задница?! — рявкнул варвар.— И где мое мясо?

Из-за засаленной занавески выглянуло испуганное лицо хозяина «Западного ветра». В это время его лихие постояльцы, по обыкновению, разбредались по своим темным делишкам, поэтому в зале никого не было, кроме голодного киммерийца.

— Где мое мясо? — грозно спросил Конан, увидев хозяина.— Тебе не удалось отравить меня подводными грибами, поэтому сегодня я пришел раньше всех, чтобы эта банда обезьян не успела сожрать мою пищу. Быстро тащи на стол, пока я не взял твою кухню на абордаж!

Зингарец торопливо исчез за портьерой и вскоре показался на пороге с глубокой миской, скорее напоминавшей ковш для вычерпывания морской воды.

— Митра послал сегодня достопочтенному месьору баранье бедро, — заискивающе заметил он, с поклоном поставив ковш на стол.

Варвар невольно отметил про себя, что глаза хозяина как-то странно бегают, предпочитая не встречаться с ним взглядом, и он подозрительно

быстро поспешил удалиться на кухню, но все внимание его было приковано к мясу, обширным островом возлежащему среди глубокого озера дымящегося соуса. Задубевшая кожа на пальцах всегда имеет свои преимущества — руки почти не чувствуют обжигающего жара, поэтому киммериец нетерпеливо схватил баранину, хорошенько вывалял ее в соусе, и зубы его жадно сомкнулись на аппетитном крае. Но через мгновение из груди Конана вырвался яростный рев.

— Иди сюда, подводная шельма! — воскликнул он, а когда из-за портьеры показалось бледное лицо, киммериец передразнил: — Митра послал сегодня баранье бедро... да только приготовил его Нергал! Прах и пепел, второй день подряд ты не можешь накормить меня по-человечески! Да ты что, вздумал поиздеваться надо мной?!

— Я все объясню! Все объясню! — залепетал зингарец, благоразумно предпочитая оставаться на кухне. — Я готовил мясо, как вдруг появился патруль гвардейцев! Они искали чужеземца высокого роста с черными волосами... Пока я объяснял им, что никогда не видел такого, мясо и пересушилось...

Невольно взгляд Конана упал на входную дверь. В любой момент она могла распахнуться, а на ее пороге показаться вооруженные гвардейцы...

Глава третья

Первая тысяча лет, прошедшая после Великой Катастрофы, показалась Ценор-Зера самой скверной в его жизни. Вряд ли серый комок чешуи, покрытый вековыми наслоениями зловонной слизи, будет доволен своей жизнью. Погибли Валузия и Грондар, Туле и Комория... Опустились в морские пучины одни земли, и вознеслись из волн другие... Огромные континенты поменяли свои очертания, а ветер разметал в прах руины величественных городов и крепостей... Древние полноводные реки обмелели или изменили направления, обвенчались с новыми руслами...

Мир стал иным, чем тысячу лет назад, но Ценор-Зера не подозревал об этом. Тысячу лет он провел под землей, комком слизи обволакивая Красный Хрусталь.

То, что раньше было туловищем Владыки Змеиног Скипа, ныне служило лишь оболочкой, чешуйчатой коркой для вечно живого камня, для

сердца зеленокожего пришельца с далекой планеты Иаг.

Никогда бы Цеенор-Зера не подумал, что настолько сродниться с Иаг-Алта. С детства наследник валузийского Скипетра любил играть с Изумрудным Хоботом. Никто во дворце уже тогда не мог точно припомнить, как именно попал сюда человек-слон. Должно быть, прошла не одна сотня лет с тех пор, как во дворце-кристалле появилось это диковинное создание, которого все воспринимали как развлечение для пирующих в Столбовой зале.

Но только Цеенор-Зера с детства понял, какой мудростью обладает чудище с кожей цвета травы. Став Владыкой Змеиноного Скипетра, он часто советовался с Иаг-Алта и в глубине души считал его своим придворным мудрецом. От человека-слона он впервые услышал и о таинственном Красном Хрустале.

Коварные боги ради веселья обрекли принадлежащие Цеенор-Зера земли на гибель. Боги решили развлечься и развеять скуку радовавшими их сердце картинами страшных разрушений и мучений. Они раскололи своими палицами небеса и швыряли сквозь трещины ослепляющие молнии, задыхаясь при этом от хохота, — каждый валузиец знал, что гром этот — хохот богов. Огненные потоки изломанных небесных стрел обрушивались на благодатные поля, на дубовые леса и красивейшие города Валузии. Вероломные боги пританцовывали от радости, наблюдая смерть и разрушения, и от их буйной пляски земля нача-

ла раскачиваться настолько, что необъятные потоки воды хлынули на валузийские пределы. Свирепые волны смывали с лица земли улицы и площади, дворцы и башни. Мало кто уцелел в этом гигантском завихрении, погибли и чешуйчатолычие валузийцы и голубоглазые пришельцы атланты, и опытные воины и изнеженные красотки, и богатые вожди и нищие калеки. Разве что жалкие племена дикарей, мало ушедших в развитии от домашних животных, забились в свои норы-пещеры и пережили Катастрофу. Но долгие времена они жили животной жизнью и не могли называться людьми, — по-человечески они могли лишь тяжело вздыхать, и ничего более.

Погибли почти все. Цеенор-Зера избежал этой участи, но порой ему казалось, что лучше бы и его в день Великой Катастрофы поглотила ненасытная гортань морской пучины. Тысячу лет он провел в заточении — такова была расплата за право обладать Красным Хрусталем.

Властитель Валузии узнал, что магический камень находится в груди человека-слона в тот момент, когда потоки морской воды уже вспенивались в коридорах дворца-кристалла, когда нижняя часть чертогов Владыки Скипетра уже погружалась в ужасную пучину. Пальцы Цеенор-Зера, соединенные между собой прочной гляцевитой перепонкой, словно сами нащупали витую рукоятку острого кинжала. Лезвие легко вошло в грудь Иаг-Алта, и по обнаженному телу человека-слона хлынули струи изумрудной крови. Не сразу Владыка Змеиноного Скипетра смог заставить себя про-

никнуть рукой внутрь содрогавшегося туловища. Иаг-Алта хрипел и дрожал, когда длинные чешуйчатые пальцы сомкнулись вокруг его сердца. Красный Хрусталь озарил рубиновым светом самые темные уголки полузатопленной комнаты, и его сполохи еще успели отразиться в выпуклых глазах человека-слона перед тем, как они потухли навсегда.

Цеенор-Зера бежал с Красным Хрусталем по туннелям дворца и не слышал ничего. Заходились в бессильных рыданиях женщины из прислуги, кипели от яростных проклятий стражи из дворцовой охраны, — все они оказались запертыми в подземелье и обреченно ждали мучительной смерти.

Рубиновое свечение приковывало взор Владыки Змеиного Скипетра, а в ушах его гремели последние слова, произнесенные пришельцем с планеты Иаг: «Тебе придется вечно убивать!.. Красный Хрусталь будет требовать крови, капающей из трепещущих сердец, и ты будешь охотиться за сердцами!»

Сырые лестницы вели его все выше, и в одной из зал к нему метнулись три тени — дрожащая от страха прекрасная Земела и близнецы Цес и Зеер.

— Прочь! — страшным голосом вскричал Владыка. — Прочь с дороги!

В это мгновение Цеенор-Зера не поменял бы Красный Хрусталь на все дары, на все бесчисленные богатства валузийской Сокровищницы, находящейся в укромном месте в центре дворца. Перед лицом бессмертия он готов был отказаться

от супруги и детей. Зачем они обретающему вечную жизнь?

Земела и близнецы испуганно отпрянули, хотя сыновья по-прежнему продолжали протягивать к отцу тонкие длинные ручки. Какая-нибудь из этих рученок с течением времени обязательно сжимала бы Змеиный Скипетр, кто-нибудь из братьев непременно вступил бы на престол Валузийского королевства, но Великая Катастрофа лишила их этой возможности, Потоп поставил жирную точку в летописи, ведущей историю чудного края.

Земела упала на колени и простерла руки, пытаясь схватить край длинного блестящего плаща Цеенор-Зера. Ее глаза, полные слез, тоже были прикованы к Красному Хрусталю — она не знала его таинственных сил, но природная женская интуиция подсказывала женщине, что магический камень может сулить избавление от страшных бед.

— Прочь! — яростно повторил Владыка Скипетра и свободной рукой выхватил кинжал, лезвие которого все еще было запятнано кровью изумрудного цвета. Шатаясь, с трудом лова ртом воздух, он открыл треугольную дверь и оказался на крутой лестнице, ведущей наверх.

На самой вершине дворца-кристалла располагалась его спальня, восьмигранная пирамида, устремленная своим пиком в небеса. Из узких наклонных окон-прорезей открывался ужасный вид, вспышки молний выхватывали из бушующей темноты волны, гигантскими серпами косящие толпы атлантов, как луговую траву. Гудели порывы сметающего все на своем пути урагана, казалось,

даже кристалл из черного мрамора раскачивался на месте и тяжело охал под ударами бесновавшегося моря.

Но волны удерживали небольшую ладью. Корабль то взмывал на гребне волны, то обрушивался вниз, но через мгновение снова взлетал в кипящей пене грозного вала. На его борту находились жрецы, завладевшие Книгой Скелоса и Коронай Кобры. Цеенор-Зера, припавший к узкому окну, всем своим естеством желал им гибели, скорой и мучительной. Но черная точка вновь появлялась при очередной вспышке, судно постепенно удалялось, унося самые священные реликвии царственного народа Валузии.

Вода поднималась все выше и вскоре достигла комнаты, хотя расстояние от вершины дворца до земли составляло не одну сотню локтей.

— Иаг-Алта! Я не кровь, не кровь твою лью! Я тебя к себе зову! — заклинал Цеенор-Зера, сжимая в похолодевших руках рубиновое сердце, по-прежнему истекающее крупными каплями. — Я тебя к себе зову!

Владыка чувствовал, что с каждой каплей сердце теряет тепло и точно каменеет, становится твердым и ребристым. Отчаяние захлестывало его и заставляло судорожно всматриваться в грани сердца, на его глазах превращавшегося в красный хрусталь.

Вода доходила ему до колен, и хвост уже свободно перемещался, повинаясь направлению потоков, захлестывающих комнату. Спасаясь от волн, Цеенор-Зера забрался на высокий каменный стол,

также высеченный из единого куска черного мрамора, как и царский дворец.

Последняя капля крови звучно упала на полированную поверхность, и внезапно Владыка Скипетра, продолжавший повторять слова заклинания, почувствовал, как на него навалилась невыносимая тяжесть. Точно незримая мощная глыба в одно мгновение легла сверху на его плечи и заставила согнуться под гнетом невыносимого груза. Повинуясь этой силе, Цеенор-Зера наклонился вперед, согнулся, едва удерживаясь на ногах, и внезапно ощутил, как тело его под чудовищным давлением стало уменьшаться. Каждой клеточкой тела, каждой каплей крови он чувствовал напряжение. Из горла вырывалось натужное сипение, глаза вылезали из орбит, и кости трещали, выворачиваясь в жестоких судорогах.

Перед глазами властителя плыл туман, мутная бездонная фосфоресцирующая пыль, в которую он погружался все глубже и глубже, пока страшная боль не пронзила все его тело от затылка до кончика хвоста и не заставила рухнуть без сознания.

Когда Цеенор-Зера сумел поднять чешуйчатые веки, ставшие тяжелыми, точно выточенными из камня, он увидел перед собой огромную фигуру. Тело мужчины исполинскими утесами устремлялось ввысь, к огромной голове зеленого цвета, увенчанной морщинистыми плоскими ушами и мощным хоботом.

Голова Иаг-Алта точно выплывала из светящегося тумана, и его топазовые глаза безжалостно смотрели на валузийского Владыку с высоты су-

ды. Распростершийся у его ног Цеенор-Зера в одно мгновение ощутил, что жалок, как червь, попавший под тяжелый башмак воина.

— Посмотри мне в глаза,— донесся до него сверху глухой рокот голоса человека-слона.— Я прочту всю твою жизнь, порождение змеи и человека!

Цеенор-Зера закинул назад голову и повиновался, дрожа всем телом. Взгляд, исходящий сверху, с изумрудного утеса, прожигал его насквозь. Владыка ни о чем не мог думать в этот момент, он лишь ощущал, как невидимые персты ощупывают его мозг, разворачивают его память, словно свиток, сплошь покрытый убористыми письменами. От такого взора невозможно было скрыться, как от солнечного жара в пустыне. Самые мерзкие, постыдные мгновения его жизни появлялись из небытия и проплывали жирными письменами на бесконечном свитке.

— Ты достоин смерти,— пророкотал тяжкий голос.— Но ты освободил Иаг-Алта от мучений, и тебе дарована вечная жизнь. Однако предупреждаю — жизнь твоя будет вечным страданием, порождение змеи и человека. Еще не поздно, ты можешь выбрать легкую смерть... Решай! Страшная жизнь или сладкая смерть?

Лежащий у гигантских ступней человека-слона захрипел, свирепая судорога скрутила его тело, и шея вздулась от напряжения. Он перекатывался и выгибался спиной, пена хлопьями падала с посиневших губ, но через несколько мгновений просипел:

— Жизнь! Жизнь свою зову!

— Ты должен знать, что выбираешь жуткий путь. Красный Хрусталь никогда не отпустит тебя, ты станешь служить ему, как господину. Но и Иаг-Алта не волен ничего изменить. Ты освободил меня, облегчил от груза сердца, и теперь дух мой сможет вернуться на планету Иаг, чтобы навсегда успокоиться в родных просторах.

Лежащее перед Цеенор-Зера сердце вспыхнуло изнутри таинственным переливающимся красным светом, и он не мог оторвать от него взора, не мог поднять голову. Доносившийся сверху голос подчинял его себе, держал за горло и не давал пошевелиться; грозный рокот голоса придавливал, расплющивал тяжело падающими словами:

— Ты должен знать, порождение змеи и человека, что вернешься к жизни только тогда, когда мой дух достигнет планеты Иаг, когда он пройдет вдоль алмазных цепей звезд и соединится с родными пределами. Для духа Иаг-Алта это будет краткой вспышкой, но для тебя... пройдет тысяча земных лет, прежде чем ты сможешь вновь ощутить себя. Пока же для тебя не будет настоящего, не наступит будущее. Тысячу лет ты обречен скитаться по своему прошлому!

Раскат грома оглушил Цеенор-Зера, и он увидел, как Красный Хрусталь вспыхнул еще ярче. Свет точно омывал камень изнутри, он играл и переливался всеми оттенками красного, начиная от бледно-розового и кончая темно-пурпурным. Владыка Скипетра с изумлением ощущал, как купающийся свет разворачивает перед ним из небольшого, раз-

мером с кулак, ребристого камня целую вселенную. Мерцающий камень влек к себе настолько сильно, что съеживающийся в размерах Цеенор-Зера помимо своей воли подползал к нему, и его продолговатое, покрытое чешуей тело словно кольцами свивалось вокруг кристалла.

— Сейчас ты вступишь в длинный лабиринт! — прогремели высоко-высоко над ним слова Иаг-Алта. — Ты вступишь в темницу. Это самая бескрайняя тюрьма на вашей планете — твоя память! Я приговариваю тебя к заключению в темнице собственной памяти на тысячу лет. Если ты посмеешь сбежать, то покинешь ее бесчисленные коридоры, ее бескрайние просторы и навсегда потеряешь себя. Ты потеряешь собственную память, что будет означать, что потеряешь себя самого. Другой жизни у тебя никогда не будет. Чтобы ее заслужить, нужно помнить предыдущую, а вместо этого ты получишь вечное небытие. Прощай, порождение змеи и человека! Алта возвращается на планету Иаг!..

Новый тяжкий удар грома сотряс все вокруг. Мощный ветер легко подхватил тело Цеенор-Зера, крепко прижимавшего к себе Красный Хрусталь, согнул его и нещадно закружил в бешеном потоке вихря.

Валузиец ощущал, что его тело точно обволакивает камень плотью в несколько слоев, а неведомая сила продолжает раскручивать его все дальше. Вселенная, мгновение назад развернувшаяся перед его взором, как будто лопнула в один миг, рассыпалась на бесчисленное множество кусочков,

смешавшихся и расплывшихся в туманных бликах.

Так же внезапно все вдруг успокоилось, и Владыка начал обонять свое зловонное дыхание. Он слабо ощущал, что внутренне изменился, и от этого испытывал отвращение и страх. Страх перед самими собой.

Свет погас, погрузив все в совершенный непроходимый мрак. Цеенор-Зера чувствовал, что движется куда-то, не прилагая к этому ни малейших усилий. Воздух вокруг него был плотный, словно самый густой мед с валузийских пасек, и влек его тело, как течение воды.

Только убитый воин может рассказать, что значит скитаться по Серым Равнинам. Только пепел может объяснить, что значит сгореть дотла. Только замурованный в темницу собственной памяти может поведать, что значит тысячу лет провести в своем прошлом.

Глаза властителя утратили способность видеть, и зримые образы представляли только перед его внутренним взором. С этого момента зрение Цеенор-Зера обратилось лишь внутрь: солнце, море, небо, люди — все это существовало лишь в его воображении.

Плотный, как мед, воздух прибил его к краю длинного туннеля, и чей-то тихий голос произнес:

— Шар закрутился... твое заключение началось...

Мрак рассеялся, уступив место странному свету, но в лучах этого призрачного света Цеенор-Зера не смог обнаружить рядом с собой того, кто сказал эти слова. Не успел он перевести взгляд в

противоположную сторону, как густой воздух начал колебаться — Владыка Скипетра поддался этому колебанию и слегка накренился и тут заметил, что все тело его словно онемело, оно просто ухнуло в бездну.

С покорностью обреченного он открыл глаза и увидел перед собой Земелу, близнецов, Иаг-Алта, всю дворцовую челядь, всех стражников... Все они явились, чтобы мучить его.

Время обратилось в мнимую величину. Цее-нор-Зера представлял себе время в виде серого шара, вращавшегося на одном месте и в то же время не сдвигавшегося ни на волос. Время не имело ни начала, ни окончания, — единственной целью, которую оно преследовало, было заставить Владыку Скипетра бесконечно повторять уже пройденное и пережитое, без ярких вспышек новых событий, без смен зимы и лета, дня и ночи.

Вновь и вновь он старался покинуть пределы своей пирамидальной опочивальни, с величайшим трудом отворял треугольную дверь, негнушными ногами переступал порог и попадал... туда же! В комнате уже ждали его Земела, близнецы, Иаг-Алта, дворцовая челядь и стражники. Как он хотел бы выбросить всех их из своей памяти! Но он не волен был здесь распоряжаться, а сам жил по законам темницы и носил рубище заключенного.

Цее-нор-Зера мог взглянуть на перламутровое зеркало с волнистыми краями, но оно никогда не отвечало ему отражением. Тысячу лет он пытался внезапно оглянуться, чтобы хотя бы краешком глаза увидеть собственную тень, — но, увы...

Земли Валузии содрогнулись от страха, они затряслись, и от этого Дворцовый Холм треснул, он разломился надвое, но Цее-нор-Зера не чувствовал этого, блуждая по своему прошлому. Владыка Скипетра не подозревал, что его дворец качнулся на вершине Холма и рухнул в исполинскую трещину, в огромный разлом, что храм Ца-тогуа рассыпался в прах, а храмовое дерево повалилось наземь, и бурные потоки утянули его в чрево земли, как сухую соломинку, подхваченную дождевыми струями. Властитель Валузии комком слизи упал вместе с дворцом и не знал, что тысячу лет провел под землей.

Но однажды что-то изменилось в его существовании. Непроницаемая гладь воображения внезапно обрела смутные приметы настоящего. Цее-нор-Зера с трудом разлепил веки... увидел темноту. В первое мгновение он даже не осознал, что именно произошло, но потом понял — это не очередной виток минувшего, время вдруг словно разомкнулось, точно серый вращающийся клубок разматался и обрел направление, превратившись в длинную стрелу.

Впервые за тысячу лет он ощутил запах, мерзкую вонь собственного скрюченного тела, пошевелился и услышал легкий шорох в ответ! Из горла его вырвался сдавленный хрип, но самому Цее-нор-Зера казалось, что он кричит во весь голос от радости. Вдохнув воздух, он уловил запах сырой земли...

Иаг-Алта достиг своей планеты, понял Владыка, и страшное заточение закончилось!

В этот момент он вспомнил свой облик. Впервые за все время после Катастрофы Цеенор-Зера увидел свое узкое удлиненное лицо, продолговатые уши, украшенные искусно выточенными серьгами, он вспомнил свой витой гребень, начинавшийся почти от переносицы и разделявший голову от затылка надвое. В детстве он мечтал о перстнях, но истинные валузийцы никогда не могли носить эти украшения — мягкие перепонки с разноцветными прожилками соединяли пальцы каждого человека-змеи. С завистью всегда смотрел молодой принц на руки вождей атлантов, на их грубые пальцы, унизанные перстнями самых разнообразных форм и размеров.

Атланты всегда потешались над хвостами валузийцев, хотя Цеенор-Зера обожал свой хвост и ему очень нравилось его гладить. Очнувшись от тысячелетнего заточения, он тут же вспомнил свою детскую привычку и потянулся к хвосту, но это оказалось чудовищно тяжелой задачей. В непроглядной темноте Владыка не мог разобраться даже со своим телом. Никогда он не мог бы определить, сколько времени у него ушло только на то, чтобы распрямиться, распутаться из того клубка, в который превратился за тысячу лет.

Постепенно Цеенор-Зера смог разобраться с этим и даже сдвинулся с места. В черноте вечной ночи он ползал по гладкой поверхности и определил, что по-прежнему, как и тысячу лет назад, лежит на столе, высеченном из единого куска черного мрамора, а значит, по-прежнему находится в своей спальне на самой вершине валузийского дворца.

Расположение окон в комнате было ему прекрасно известно: сколько раз в своей прежней жизни Владыка Скипетра любовался великолепными видами на заливные луга и дубовые леса, которые со временем должны были перейти в его владения, но так и не перешли.

Узкие окна комнаты упирались в толщу сырой земли, и Цеенор-Зера рыл землю руками на ощупь, закрыв глаза. Никогда бы он не смог сказать точно, как долго он пробивал себе путь вверх, — может быть, один день, а может, и еще одно тысячелетие, но однажды земля осыпалась над его головой и сверху ударили солнечные лучи. В ужасе властитель забился обратно, даже с закрытыми глазами он не мог находиться на солнце — свет проникал сквозь тесно сжатые веки и доставлял ему невыносимые мучения.

Но из прежней жизни Владыке Скипетра было известно, что солнце не всегда стоит над землей, что оно обязательно скрывается за горизонтом, уступая место тьме. Он дождался ночи и только тогда осмелился выползти из чрева земли на воздух. Спустя тысячу лет бывший властитель Валузии снова вернулся в мир, в котором когда-то жил.

Не сразу Цеенор-Зера понял, что лицо его мокро от слез. Сначала он не осознавал, что с ним происходит, не понимал, почему дрожит всем телом, почему рыдания заставляют содрогаться тело в судорогах.

Отойти от вырытого хода он боялся и оглядывался вокруг, не сходя с места. Цеенор-Зера прекрасно помнил, что в той, прежней жизни он хо-

дил вертикально, на двух ногах, и ползал только во время детских игр, но сейчас не было сил подняться, и он передвигался, как змея, помогая себе руками и шуршащим сзади хвостом.

Даже слабый, неясный свет звезд, горевших на бездонном черном тумане ночного неба, заставлял глаза Владыки слезиться. Когда-то он хорошо разбирался в Звездных Письменах и часами мог смотреть на них из продолговатого окна своей опочивальни, в любое время легко отыскивая Большую Черепаху и Звездный Топор. Но сейчас глаза не могли ничего разобрать, и звезды сливались перед его взором в один мутный поток.

Руки ощущали мельчайшие неровности поверхности земли. Но Цеенор-Зера обнаружил, что перепонки между пальцами точно окаменели за тысячу лет. Они отвердели настолько, что Владыка не мог больше сдвигать пальцы вместе, как когда-то, а края перепонки стали настолько острыми, что он мог разрезать ими сухой кустарник, как небольшой наточенной секирой.

Кроме сухой травы, на вершине холма он ничего не обнаружил. Немного освоившись, Цеенор-Зера подумал, что может позволить себе отползти немного в сторону от входа в подземелье, но смог найти только старые высохшие кости. Поверхность была сплошь усеяна скелетами и человеческими черепами — ветерок свободно гулял в их пустых глазницах, но, кроме легкого завывания, ни один звук больше не нарушал ночной тишины.

Цеенор-Зера подполз к одному из черепов, и тот показался ему гигантским. Не сразу власти-

тель осознал, что за это время сильно уменьшился в росте. Если бы ему удалось выпрямиться и встать рядом с тем, прежним Цеенор-Зера, вряд ли теперь ростом он бы доходил ему до колена. Но руки превратились в острее лезвия, а в груди... в груди вместо сердца мерцал Красный Хрусталь, который за тысячу лет стал его повелевателем.

«Красный Хрусталь станет лакать кровь!» — звенел в его ушах голос Иаг-Алта с того момента, как Владыка снова ощутил себя.

«Кровь... кровь... кровь...» — постоянно повторялись слова зеленокожего пришельца. «Кровь, капаящая из сердца, из живого сердца». Цеенор-Зера чувствовал, что Красный Хрусталь, ставший за тысячу лет частью его собственного тела, действительно таинственно управляет им самим.

В детстве принц мечтал о валузийском троне, о долгих годах правления своим царственным народом. Он возводил бы неприступные крепости, собрал бы армии и освободил родные пределы от жестоких атлантов и казнил бы их гнусного правителя Кулла, чтобы все жрецы в храмах восхваляли славные деяния мудрого правителя Цеенор-Зера. Но сейчас, по прошествии тысячи лет, он мечтал только о человеческой крови, о сердце, которое еще нужно было вырвать из груди. Не он сам обладал Красным Хрусталем, а наоборот, этот неземной светящийся камень отныне владел им.

Каждую ночь Цеенор-Зера поднимался вверх по земляному ходу из своей пирамидальной опочивальни, каждую ночь он пытался найти следы

человека, но, кроме обглоданных временем черепов и скелетов, не находил ничего. Древняя валузийская столица не просто рассыпалась, не просто превратилась в руины, она обернулась невесомым прахом, как крыло мотылька, сгоревшего на костре. Только Владыка Скипетра теперь смог бы сказать, что когда-то на этом месте кипела жизнь, что некогда дворцы из черного мрамора сверкали на солнце кристаллическими гранями, курились благовония в валузийских храмах, приносились жертвоприношения ужасному и могущественному богу Цатогуа и звучали суровые гимны, воспевавшие его силу.

Каждую ночь он покидал свою опочивальню, царапая землю перепонками, твердыми и острыми, как лезвия ножей. Комната находилась недалеко от поверхности земли, но сам дворец уходил глубоко в чрево земли, он словно рухнул в гигантскую трещину, и за тысячу лет ветры занесли его пылью, так что никто не смог бы обнаружить царственные валузийские чертоги на месте бесплодного холма, усеянного человеческими костями.

Где-то там, в черной дали, должны были жить люди. Цеенор-Зера чувствовал, как Красный Хрусталь неумолимо толкает его на поиски, повелевая напоить теплой кровью, но никого не удавалось обнаружить.

Пока светило солнце, он не мог покинуть свое укрытие и пережидал невыносимо светлое время в черной комнате. Мысли его порой по-прежнему начинали блуждать по прошлому, по бесконечному лабиринту памяти, тогда огромный дворец-

кристалл предстал перед внутренним взором его владыки таким, каким был тысячу лет назад,— празднично украшенным и многолюдным. Цеенор-Зера вспомнил, что во дворце должна была остаться Сокровищница. Когда атланты вторглись в земли его народа, большая часть королевских сокровищ была упрятана в укромные кладовые. Золотые украшения и драгоценные камни невиданной красоты, жемчужины огромных размеров и редчайшие кораллы — все это богатство и сейчас должно было оставаться где-то там, в недрах дворца, упавшего в ненасытную гортань земли. Но зачем эти сокровища нужны были теперь? Цеенор-Зера думал только о человеческой крови...

Недалеко от холма, скрывавшего внутри себя мраморный кристалл, сейчас находилось море. Влажный соленый ветер — этот вкус был в одной из ячеек памяти властителя Валузии. Но тысячу лет назад море шумело гораздо дальше, в нескольких днях пути от столицы; чтобы добраться до побережья, нужно было забираться на носилки, в небольшую кабину, обтянутую тканями, и на плечах мускулистых невольников пробираться сквозь дубовые леса по тенистым дорогам.

Несколько раз Цеенор-Зера приближался к морю почти вплотную. Со временем он научился запоминать обратную дорогу по особым, только ему понятным приметам и уже не опасался пускаться в далекие путешествия, пробираясь между деревьями и зарослями кустарника, прячась от ночных птиц и гигантских ежей, рыскавших в поисках добычи по склонам холма, покрытых лесом.

Море глухо шумело по ночам. Волны бурно накатывали на берег и с шипением сползали обратно, шелестели от ветра листья прибрежных деревьев, выходили на берег огромные черепахи, но, кроме этого, здесь ничего больше не было.

По-прежнему солнечный свет приносил Цеенор-Зера невыносимые мучения, даже первые нежные утренние лучи вызывали резь в глазах. Лучи жалили даже сквозь прикрытые веки, поэтому он возвращался обратно затемно, лишь только ночное небо начинало бледнеть.

Красный Хрусталь давил изнутри на его грудь и требовал человеческой крови. Но у моря ему не удалось обнаружить даже старых следов. Тогда Цеенор-Зера перевалил вершину холма и направился в другую сторону. Он полз почти всю ночь и обнаружил, что оказался на берегу огромной реки. Во времена Валузии здесь протекал небольшой ручей, петлявший между замками валузийской знати.

Цеенор-Зера осторожно выполз на берег, стараясь рассмотреть в темноте противоположный берег, и неожиданно его ноздри взволнованно раздулись. Порыв легкого ветерка, скользящего вдоль русла реки, принес знакомый дразнящий аромат — где-то выше по течению горел костер, на огне которого готовилась пища, а значит, там находились люди...

* * *

Рябой Торх, вождь пиктов, проснулся среди ночи от непонятного тяжелого чувства. Перед сном он

плотно поужинал мясом гликона, поджаренным на углях. Змеиное мясо — тяжелая еда для старого человека, а Рябой Торх считался самым старым в племени, он пережил четыре раза по десять разливов Громовой реки. Недаром поэтому в последнее время он все чаще ловил косые взгляды молодых мужчин: молодежь хотела видеть своим вождем доблестного воина, а не рассудительного старика. Четыре раза по десять разливов — так долго люди не живут, недовольно бурчали они, сидя на корточках вокруг своего костра.

Торх прекрасно понимал, о чем они переговариваются, умолкая при его появлении. Когда-то и сам он так же злословил по поводу зажившегося вождя, переставшего понимать молодых охотников. Вождь вскоре ушел к предкам в сторону Светлого моря, и спустя два разлива Громовой реки племенем стал командовать Торх.

Чтобы успокоиться, вождь снял с шеи ожерелье из человеческих зубов и стал перебирать его между пальцами. Это всегда умиротворяло его, он гладил по одному выданные клыки и обычно вскоре сладко засыпал, но в эту ночь неясная тревога угнетала, давила на грудь, не давая забыться.

Внезапно Торх все понял. Он задержал в руках один особенно крупный зуб, вырванный недавно у пленного атланта, и неожиданно на него снизошло прозрение. Он даже мысленно поблагодарил Бога Реки за то, что тот не забыл вождя, а послал ему предупреждение.

Еще раз Торх пальцами ощупал зубы, которые только что прошли через его руки. Сомнений не

могло быть — такая очередность говорила сама за себя, как он раньше не догадывался об этом... После трех мелких черных клыков шел крупный белый, вырванный недавно у пленного атланта перед его смертью, а потом снова шли три мелких черных. Порядок зубов на ожерелье давно предупреждал об опасности.

Вождь даже привстал на своем ложе, он никак не мог прийти в себя от открывшегося ему — белый зуб в окружении черных говорил о том, что его старший сын задумал что-то нечистое. Порядок клыков на ожерелье явно указывал на Хорта, наверняка готовившего смерть отцу.

Мысли вождя сразу побежали в этом направлении, как охотничьи псы. Он вспомнил, что накануне заходил в жилище к сыну, чтобы провести новорожденного ребенка, и Хорт попросил вождя подарить на память о рождении внука прядь волос. Такой обычай существовал в племени издавна — первому внуку вождь должен подарить пучок, срезанный со своего затылка, для того чтобы удача всегда сопровождала будущего мужчину в сражении, на охоте и во время рыбной ловли.

Но если бы эта прядь попала в нечистые руки, вождю угрожала бы смертельная опасность. Рябой Торх даже глухо зарычал при одной мысли о том, что в это самое мгновение, может быть, где-нибудь стоит небольшая фигурка с прядью его волос на голове, а в сердце фигурки вражеская рука вонзила длинную иглу из рыбьей кости. Так можно погубить любого человека, это в племени знают даже дети.

Ноги Рябого Торха сами по себе спустились, и он рывком поднялся с ложа, толкнув одну из своих жен. Нельзя было ждать, понял он, нужно быстро действовать.

От реки веяло ночной прохладой, поэтому вождь плотнее стянул на груди накидку из тигриной шкуры, крепко сжимая в руке медный топор. Почти все племя спало, только из хижины Хорта доносился громкий крик новорожденного внука. Вождь внимательно осмотрелся по сторонам и бесшумно двинулся к хижине сына. Когда до нее оставалось несколько шагов, ребенок неожиданно замолчал. Рябой Торх немного постоял около входа, прислушиваясь к происходящему вокруг, а потом осторожно отодвинул край бычьей шкуры, служившей пологом у входа. Через мгновение он отпрянул от неожиданности, потому что ночную тишину прорезал душераздирающий женский вопль, доносившийся из хижины сына...

* * *

Рота, жена Хорта, долго не могла заснуть в эту ночь. Второй день у новорожденного ребенка болел живот, и он постоянно плакал в голос, не в силах успокоиться. Знахарь племени пришел в хижину и долго сидел на корточках рядом с подстилкой малыша. Знахарь раскачивался из стороны в сторону, монотонно бормотал под нос какие-то заклинания, а потом бросил на землю священные камешки, которые сжимал до этого в ладонях.

— Рота, жена Хорта, Бог Реки говорит, что в твоего сына вселился дурной дух,— хриплым от

долгого пения голосом сказал знахарь.— Дурной дух хочет завладеть внуком нашего вождя!

Рота почувствовала, как у нее в глазах темнеет от этих слов. Ее мальчик только родился, а у него уже появился враг, желающий его смерти...

— Женщина! Бог Реки требует, чтобы ты помогла сыну бороться с дурным духом,— грозно предупредил знахарь.— Если дурной дух одолеет его, ты будешь отвечать перед племенем!

Она слишком хорошо знала, как наказывает племя за такие вещи, чтобы возражать знахарю. А тот дал женщине небольшой мешочек с каким-то порошком и приказал:

— Вечером ты сделаешь продольные разрезы ножом на его коже. Один на этой руке, один на этой. Один разрез на этой ноге, один на этой. И последний разрез вдоль живота. Когда пойдет кровь, посыпешь раны порошком из мешочка...

Знахарь сунул открытый мешочек ей под нос, и Рота ощутила, как в носу у нее невыносимо сразу засвербило. Несколько раз она содрогнулась всем телом, а потом не удержалась и громко чихнула.

— Красный перец из леса,— пояснил знахарь.— Он будет жечь ребенка как огонь, но больше всего страдать от этого станет дурной дух. Дурной дух не переносит красного перца, поэтому уйдет навсегда от внука вождя нашего племени.

Рота, жена Хорта, мысленно восхитилась познаниям знахаря. Она всегда чувствовала себя рядом с ним тупой безмозглой черепахой, поэтому вечером послушно исполнила все, что тот приказал. Еще до прихода Хорта женщина сделала надрезы

и густо навалила на них красный перец. Ребенок сразу зашелся от жалобного крика, но Рота только грозно сказала дурному духу:

— Уходи, уходи от внука вождя! Уходи далеко за реку, за лес, за горы и никогда не возвращайся!

Вернувшись, Хорт тоже высоко оценил искусство знахаря.

— Он знает, что делать,— прорычал Хорт, нависая над Ротой.— Пусть дурной дух как следует помучается!

Потом он отвалился вбок и захрапел, почесывая пятерней грудь, а Рота долго не могла заснуть. Ребенок плакал все отчаяннее, а она, лежа в темноте, думала, как именно будет уходить из их хижины дурной дух — через вход или пролезет сбоку под шкурами. И не захочет ли он, чего доброго, переметнуться к ней самой, ведь к Хорту он не посмеет сунуться, это понятно. Хорт сильный и грозный и никогда не пустит его к себе, а вот что делать Роте, как ей бороться? Ей совсем не хотелось изгонять дурного духа из своего тела при помощи перца — когда она сыпала на малыша красный порошок, немного попало в ранку на руке, и Роте показалось, что на ладонь упал раскаленный уголь, подернутый серой пленкой, однажды она схватила такой и долго потом верещала от боли.

Зашелестела высокая тонкая трава, растущая рядом с хижинкой. Роте показалось, что это ветер пронесся низко над землей. Потом шорох раздался в хижине, где-то совсем близко от лежанки. Роте очень хотелось спать, и она слышала все как сквозь плотную пелену.

Сын начал кричать еще громче, но вскоре неожиданно затих. Женщина ждала, что он вот-вот закричит снова, но ребенок молчал.

— Хорт, проснись...— тихо позвала она мужа.— Наверное, дурной дух ушел от нашего малыша...

Хорт храпел, не двигаясь. В темноте Рота приподнялась на локте, чтобы взглянуть на ребенка. В этот момент кто-то осторожно отодвинул полог у входа, и снаружи в хижину хлынул яркий лунный свет, выхвативший из темноты лежанку сына, от которой стремительно метнулась узкая тень.

Рота оглушительно завопила, потому что мальчик лежал неподвижно в луже крови. Маленькая грудка его была рассечена, и вместо сердечка зияла пустота... а на щеке темнело пятно, напоминавшее тавро, оставленное раскаленной медью.

* * *

Утром все племя сидело, собравшись в круг на поляне в центре селения. Переднюю часть круга составляли мужчины, выкрасившие в знак печали лица серой речной глиной и снявшие перья, обычно служившие украшением черных прядей. Воины сидели на корточках, а их жены, застывшие от ужаса, стояли за их спинами на коленях. Ни одна женщина не посмела надеть в это утро бусы из ярких раковин, ни одна не стала подбирать волосы кожаным шнурком.

В племя пришла большая беда. Если дурной дух выбрал для себя внука вождя, значит, он хотел пожрать весь род. Самые умные и уважаемые мужчины сидели на корточках, опустив головы, и на-

пряженно думали, чем они могли прогневать богов, позволивших дурному духу напасть на племя. Если боги не помешали вырвать сердце у маленького мальчика, значит, они не станут и дальше препятствовать жестоким проделкам дурного духа. Значит, в реке могут исчезнуть рыбы, черепахи и змеи, в лесах перестанут водиться зверье и птицы, и тогда в племени начнется жестокий голод.

Однажды боги уже жестоко наказали пиктов и заставили их переселиться со своих Островов на сушу, потому что Великий Потоп, послушный зверь, возвращенный жестокими богами, жадно сожрал Острова, как куски мяса. Это случилось много, много разливов рек назад, и не осталось никого, кто помнил бы о прежних землях. Племя Рябобо Торха пришло в свое время с Пустошей, потому что жестокие ветры день за днем несли с севера леденящий холод и заносили серым снегом уютные поляны и тенистые рощи, обширные долины и пологие холмы.

Когда-то с Островов их предки приплыли на Пустоши, а потом с Пустошей пришлось переселяться на новые земли. Теперь племя в ужасе ждало начала новых неисчислимых бед.

Рябой Торх восседал на высокой кряжистой дубовой колоде, покрытой тигриной шкурой. Рядом с ним угрюмо молчал знахарь, устроившийся на колоде поменьше, устланной волчьей шкурой, а с другой стороны о чем-то тихо переговаривались друиды, кутавшиеся в белоснежные козьи шкуры. Жрецы еще на рассвете отправились в лес, чтобы спросить совета у Бога Дуба и потом долго

беседовали с вождем в его хижине. Но о чем они говорили, не знал никто.

Рябой Торх внимательно смотрел на свое ожерелье из человеческих зубов, словно пытался понять, что означает на этот раз сочетание клыков, лежащих у него на ладони. Он чувствовал напряженные взгляды множества темных глаз, направленных на него. Еще бы, можно сказать, что судьба целого племени сейчас зависела от его решений. Нужно было смело вступить в схватку с дурным духом — и победить его.

Вождь спустился со своего трона и поднял вверх руку, отчего вниз соскользнули костяные браслеты, украшавшие обычно его запястье. После этого все племя, казалось, затаило дыхание, и поэтому негромкий низкий голос Торха был хорошо слышен даже на противоположном краю поляны:

— Злая сила напала на нас, соплеменники! Если во время брани враг возьмет в плен кого-нибудь из рода вождя, бесчестие падет на все племя! Тогда народ этот будет унижен, и боги отвернут от него благосклонные взоры. Голод и запустение ожидают племя, не уберегшее наследника вождя...

Покрытая сединами голова Рябого Торха скорбно склонилась на грудь. Даже суровые воины, с детства закаленные в стычках с врагом, почувствовали, как кровь приливает к щекам от стыда. Злой дух унижил их, он втоптал в навоз гордость племени и надругался над его непобедимостью. Вождь хрипло продолжил:

— Ни один враг, ни один народ до этого дня не мог покорить нас, соплеменники. Никто не мог

подчинить нас, потому что Бог Реки, Бог Дуба и Бог Небес помогали пиктам. Если боги разозлятся, у племени начнется несчастливая жизнь. Согласно ли племя, что дурной дух должен быть изгнан?

Нестройное гудение в ответ показало, что все племя присоединяется к словам вождя. Тогда Рябой Торх позвал к себе четырех стражей, оставшихся все время на ногах. Они должны были следить за порядком, поэтому держали в руках тяжелые дубины из обожженных дубовых суков. Такая дубина раскалывала голову врага, как лесной орех.

Стражи выслушали тихий приказ вождя и поклонились в знак своей покорности. Сидящее кругом племя настороженно смотрело на их передвижения, когда все четверо от колоды Рябого Торха направились куда-то к противоположному краю поляны, обходя сидящих за спинами. Рядом с сыном вождя, сидящим на корточках, как и все воины, они остановились, и неожиданно двое из них подняли Хорта вверх, цепко схватив его подмышки.

— Соплеменники! Вы видите человека, который не захотел защитить внука вождя! — прогремел над поляной голос Рябого Торха. — Настоящий герой должен днем и ночью охранять гордость племени! Горе мне, горе! Я мечтал, что ты, мой сын, скоро станешь вождем вместо меня! Я мечтал, что ты вступишь во главе племени, а потом возглавишь и весь великий народ пиктов! Позор мне, позор всему племени! Ты виноват во всем! Ты! Ты! Ты!!!

Хорт пытался что-то возражать, затравленно оглядываясь по сторонам, но взгляд его утыкался в ненавидящие глаза. Даже его вчерашние приятели, с которыми он тайно говорил о своем желании вскоре стать вождем вместо отца...

Хорт неожиданно для себя самого попытался вырваться из рук стражей, он даже сумел освободиться от одного и свободной рукой врезать другому в лицо, но тут же стоящий за спиной страж прыгнул ему на спину и повалил всей тяжестью тела на землю.

Как ни отбивался от стражей Хорт, но через несколько мгновений и руки и ноги его были туго связаны кожаными шнурками.

Племя возбужденно загалдело, и в нестройном гуле потонули жалкие крики сына вождя о своей невинности. Рябой Торх снова вскинул руку вверх, приказывая всем замолчать.

— Ты больше мне не сын! — грозно прорычал он. — Ты готовил смерть мне, моему отцу и вождю племени! Ты обманом взял у меня прядь волос, чтобы навести на меня порчу! Ты хотел моей смерти!

В ответ не раздалось ни звука. Все замерли, и полное молчание воцарилось на поляне, потому что только что прозвучало самое страшное обвинение, которое только могли представить себе свобододолюбивые гордые пикты. Да, могла еще быть трусость в бою или даже измена, но желание навести порчу, желание слезить собственного отца, да еще и вождя племени, было самым ужасным преступлением.

— Взял ты у меня пучок волос? — свирепо спросил Торх. — Скажи: да или нет?

Хорт беспомощно озирался, стараясь сквозь пелену ужаса и отчаяния, застилавшую его глаза, рассмотреть лицо Роты. Только жена могла бы разъяснить, что прядь волос отца они взяли как талисман для малыша, что по старинному обычаю эта прядь должна была принести малышу удачу.

— Да или нет? — продолжал настаивать отец. — Скажи: да или нет?

— Да, я взял волосы, — вынужден был признать Хорт. — Но...

Разъяснить он уже ничего не смог, потому что его слова потонули в море ненависти, в тугой струе злобы, направленной на него самого.

Никогда он не считался трусом, даже в самых жестоких схватках Хорт вел себя как настоящий воин. Но сейчас, стоя перед орущим племенем, он почувствовал, как подгибаются от страха туго связанные кожаными шнурками ноги, как беспомощно холодеет в животе и хочется снова стать маленьким мальчиком, кидающим камешки в крупных лягушек, прячущихся в густой траве на берегу заросших озер.

— Нечистый дух вселился в тебя, Хорт! — проревел Рябой Торх. — Согласно ли племя изгнать злую силу?!

Ни один человек не подумал возразить, и поляна взорвалась единоклассным ревом, означавшим для Хорта верную смерть. Теперь все должны были решить друиды со знахарем. Даже Рябой Торх не

имел права вмешиваться в обсуждение, и жрецы должны были определить, как именно лучше всего избавиться от дурного духа, внезапно напавшего на племя. Теперь Хорта могли привязать к пыточному столбу, черневшему на краю центральной поляны, и все племя, от мала до велика, должно было бы мучить презренного изо дня в день. Жрецы могли решить, чтобы с Хорта заживо сняли кожу, осторожно, чтобы он не умер раньше времени, а кожу эту прилепили к телу пленника и держали так долго, пока бы она не приросла к его коже. Потом пленника нужно было только отпустить на родину, а то, что осталось бы от презренного Хорта, нужно было бы отнести на проклятое место и закопать там, чтобы не поганыть хорошие плодородные земли. Недалеко от стоянки племени пиктов располагалось такое место, покрытое сухой бесплодной пылью, — даже трава не произрастала там, в обители мерзких сил.

Все ждали решения друидов, и никто не посмел покинуть поляну, пока жрецы не объявили:

— Злой дух, вселившийся в тело бывшего Хорта, сына Торха, ты изгоняешься навсегда! Десять самых крепких воинов племени отведут тело бывшего Хорта на проклятое место и переломают ему там руки и ноги, чтобы он никогда не смог вернуться на земли племени. После этого они быстро побегут обратно, чтобы успеть до захода солнца пройти очищение! Никто после этого не смеет приближаться к Проклятому Холму, иначе будет привязан к пыточному столбу, и племя строго накажет ослушника! Да будет с нами милость богов!

Рябой Торх мысленно благодарил Бога Реки за то, что он вовремя разбудил его прошлой ночью. Когда вождь отодвинул полог жилища сына и услышал душераздирающий вопль Роты, в это же самое мгновение у него почему-то появилась уверенность, что править племенем он будет еще долго-долго и никто не посмеет встать у него на пути.

Хорта подвели к друидам, и старший жрец сорвал с него тигриную шкуру — теперь он не имел права называться пиктом. Несколько раз хлестнув по щекам Хорта колючей веткой, жрец заунывно запел:

— Уходи, уходи... Уходи от рыб в реке, от кабанов в лесу, от пиктов в хижинах! Погибай, погибай... Погибай в огне костра, в густом дыму, в жарком пламени... Уходи, уходи...

Под палящим солнцем Хорта повели на проклятое место. Никто из стражников не хотел приближаться к нему, поэтому ему пришлось брести по тропинке в окружении своих недавних друзей.

Хорт никак не мог поверить в происходящее, еще вчера вечером он сытно поужинал, побалагурил в мужской компании около костра и потом соединился с Ротой на ложе. Этот день не должен был отличаться от множества других, Хорт пошел бы со всеми другими мужчинами на промысел, вечером бы сытно поужинал, если бы была добыча, а потом соединился бы с Ротой. Но он чем-то прогневил богов и теперь должен с трудом передвигать ноги, приближаясь к проклятому месту, по которому никогда не ходили честные пикты,

если только им не нужно было отвести сюда дурного духа.

Ему пришлось вместе со стражниками забраться на вершину холма. Почему-то здесь никогда не росла трава, не поднимались цветы, и давно уже друиды определили место как проклятое. Прежде Хорт был здесь только однажды, когда как страж привел сюда Горта, сбежавшего с места сражения во время боя с атлантами. Тогда Горта закопали живьем на вершине холма, и все воины помочились на кучку сухой земли.

Сейчас он знал, что бесполезно просить о пощаде. Хорт сам бы никогда не смягчил наказание, предназначенное друидами, поэтому обреченно ожидал своей участи.

— Не возвращайся к нам, дурной дух,— сказал старший стражи и с размаха ударил дубовой дубинкой по ноге Хорта.

Кость отозвалась сухим треском. Хорт взвыл и повалился на сухую пыль. Дубинка другого стражника взмыла в воздух и обрушилась на целую ногу, переломав щиколотку и заставив ее неестественно вывернуться в сторону. Несколько коротких ударов превратили мускулистые прежде руки в безжизненные плети, и воины, выполнив свою обязанность, пустились в обратный путь, оставив то, что прежде называлось Хортом, под палящим солнцем на самой вершине Проклятого Холма.

Он мечтал поскорее умереть, но могучий организм воина яростно цеплялся за жизнь. С детства Хорт был закален походной жизнью. Пикты никогда не задерживались долго на одном месте,

предпочитая свободно кочевать и не строить собственные города, а разрушать чужие. Племя Рябого Торха постоянно воевало, хотя и не подозревало, что ведет войну, это считалось нормальной жизнью. Пикты испокон веков нападали на чужие селения, грабили и жгли их, охотились и ловили рыбу, убивали врагов и насиловали их женщин, зачастую принимая потом их детей как своих собственных.

Никогда Хорт не думал, что жизнь его будет такой короткой и закончится на Проклятом Холме. Пикты часто меняли места своих стоянок, где-то задерживаясь надолго, где-то не очень, но каждый раз почему-то рядом с лагерем находилось место, словно отмеченное злыми духами. В таких местах, именуемых Проклятыми, обычно не росла трава, не веселили глаз цветы и не щебетали птицы. Бесплодные холмы и долины справедливо считались у пиктов обителями мерзких духов, уводящих дичь из лесов и рыбу из рек, насылающих болезни на малых детей и неудачи в бою для воинов.

Каждый пикт страшился окончить свою жизнь на Проклятом Месте, ведь это означало, что он никогда не достигнет Серых Равнин и будет осужден вечно скитаться по свету, страдая от холода и жары, но больше всего от злых духов.

Хорт лежал под безжалостными лучами раскаленного дневного солнца и не мог сдвинуться с места, не мог пошевелиться, потому что каждое движение отзывалось во всем теле невыносимой болью. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой

и мечтал о смерти, но она все не появлялась из кровавого марева, пеленой застилавшего безжизненные глаза. Губы осужденного постоянно шевелились, точно надеялись выжать из обжигающего сухого воздуха хотя бы каплю влаги. Он страдал от жажды до вечера, пока ласковая прохлада не накрыла землю. Ближе к ночи ветер стал усиливаться, буйствовать, пока не принес тучи.

После дневной жары Хорт воспринял ночной дождь как подарок, как сладостное мгновение. Зажмурив глаза, он хватал губами дождевые струи и жадно глотал их. К утру дождь утих, и Хорт провалился в забытие, заставившее даже отступить дикую боль в руках и ногах.

В бреду он снова ощутил себя сильным и здоровым. Из темных глубин на него наплывали картины боев и схваток, в которых он принимал участие, тогда в ушах Хорта звучали воинственные хриплые крики, слышались тяжелое прерывистое дыхание и тяжелые стоны. Его боевой топор разил без промаха, а руки в бреду не знали усталости.

Временами он приходил в себя. Невыносимая боль заставляла вспомнить все происшедшее накануне. Мучительные стоны вырывались из его груди, и кровавая пелена застилала глаза. Сквозь этот розовый туман пикт видел желтые черепа и скелеты, лежащие неподалеку, — останки несчастных, кончивших свою жизнь на Проклятом Месте, так же, как суждено было кончить ее и Хорту.

Он не понимал, сколько времени прошло с тех пор, как его привели на холм. Погружаясь в за-

бытие и временами приходя в сознание, искалеченный воин не мог ориентироваться во времени и лишь невольно отмечал, что наступила еще одна ночь, избавившая от дневного жара, но за тьмой неминуемо пришло утро, а за тем и дневное солнце вознеслось, чтобы безжалостными лучами мучить недвижно лежащего пикта.

Хорт не понимал, почему именно злой дух выбрал для своей кровавой поживы маленького сына, а потом и его самого. Он всегда верил в силу своего амулета-оберега, в кусок высушенной человеческой кожи, обшитой вокруг продолговатого куска кварца. Он носил свой амулет на кожаном шнурке, обвивавшем шею, и никогда не расставался с ним, ведь кожу Хорт вырезал собственноручно с груди атланта после первого настоящего сражения, в котором ему привелось принять участие, — тогда пикты наголову разгромили своих извечных врагов, разбивших лагерь в уютной бухте на берегу Громовой реки. На груди одного из пленных атлантов друид обнаружил татуировку, священный знак этого воина. Почти у каждого атланта на коже красовалось какое-либо изображение; друид объяснил неопытному Хорту, что атланты сначала наносят рисунок на тело, а потом прошивают кожу острой иглой из рыбьей кости, — в иглу вставлено волокно, пропитанное краской из вываренной травы, и поэтому рисунок навсегда остается на коже.

Одну из таких татуировок друид и приказал срезать, чтобы у Хорта, благополучно пережившего свое первое сражение, отныне появился свой соб-

ственный оберег. Каждый в племени пиктов знал, что с таким амулетом силы бойца удваиваются, что духу поверженного врага ничего не остается делать, кроме как помогать своему новому хозяину.

Но теперь, на вершине Проклятого Холма, Хорт склонен был думать, что дух казненного атланта сумел сговориться со злым духом. Какое гнусное коварство! Они задумали свое черное дело, и все им удалось...

Снова и снова умирающий пикт мысленно возвращался ко дню своего первого сражения. Если бы тогда он выбрал бы себе более сильный амулет, никто не смог бы переломать ему руки и ноги, никто не осмелился бы бросить его на помойку, как протухшую рыбину...

Хорт не сомневался, что злой дух наблюдает за ним в эти мгновения. Наверняка этот злой дух созвал всех своих мерзких родичей, всех своих смердящих собратьев, этих выкормышей гнилых болот, чтобы насладиться мучениями ни в чем не повинного пикта и похвастаться своими гнусными деяниями. Пикт был уверен, что вся эта смрадная орава каждое мгновение наблюдает за его мучениями, мерзко хихикая и попискивая от восторга. Он даже пытался увидеть их, напрягая зрение, несмотря на невыносимые мучения, но каждый раз взгляд упирался в полуразвалившиеся, покрытые трещинами черепа и белые кости скелетов.

Наступила еще одна ночь, избавившая бредившего пикта от жестоких солнечных лучей, казалось, выжигавших сознание до самого дна. Прохлада темень продлила его жизнь. Хорт пришел

в себя и тут же ощутил страшную жажду и невыносимую боль в переломанных руках и ногах. Он мечтал доползти до ручья — о, с какой жадностью он припал бы губами к прозрачным ледяным струям! Но даже сдвинуться с места он не мог, и только сдавленный стон вырывался из его пересохшей гортани.

Неожиданно прохлада сменилась настоящим сырым холодом. Руки и ноги пикта пылали огнем, как головни костра, но все тело превратилось в продолговатый кусок льда, в огромную сосульку. Хорт не хотел жить, он мечтал лишь о скорой смерти и тогда напрягся изо всех сил, приподняв голову, и крикнул в темноту:

— Злой дух!.. Не мучай меня!.. Приди и убей Хорта!

И тут тишину нарушил какой-то явственный шорох. Откуда-то с той стороны, где лежали пожелтевшие кости, раздалось громкое шуршание, Хорту показалось, что пара черепов даже пошевелились. На мгновение он непроизвольно прикрыл глаза, тяжело вздыхая, а когда веки его поднялись, то он увидел перед собой злого духа...

Волна ужаса пронизала все его естество. Хорт даже забыл об ужасной боли — вид злого духа был нестерпим для человеческих глаз. В мертвенном сиянии лунного света переливалась чешуя на его узкой удлиненной морде, шевелился толстый остrokонечный хвост. Злой дух смотрел на него сверху, и Хорт не мог бы сказать, какого он роста. Ему казалось только, что грудь чешуйчатого демона излучает свет — розоватый, холодный, лишен-

ный всякого тепла. Этот внутренний свет озарял морду духа снизу, отчего она становилась еще ужаснее, — глаза его мерцали кровавым блеском из темных впадин, тени от выпуклых бровей и крыльев узкого носа складывались в жуткую маску.

Хорту показалось, что сердце его остановилось от страха, мурашки пробежали по спине, когда его глаза на мгновение встретились с глазами чудища.

Пикт знал, что иногда злые духи не убивают людей, а превращают их в безгласных животных. Мурашки снова побежали по его телу, но Хорт был уверен, что это кожа начинает покрываться волчьим мехом или змеиной чешуей. Если бы руки его не были переломаны, он обязательно ощупал бы себя кончиками пальцев, но сейчас не мог этого сделать, поэтому только гадал, в какую тварь превращает его чудовище.

Но злой дух не собирался делать из пикта свинью или черепаху. В лунном свете блеснула чешуя на его руке, перепончатая ладонь взмыла вверх, и Хорт еще успел услышать, как хрустнули его ребра, рассеченные чем-то невероятно острым. В это мгновение он даже перестал ощущать невыносимую боль в руках и ногах, мучившую его последние два дня, потому что боль переместилась в область сердца. Что-то жгучее упало на лицо пикта и прожгло кожу на щеке, но этого он уже не понял, содрогаясь в предсмертных судорогах и чувствуя, как холодные безжалостные руки вырывают еще бьющееся сердце из его могучей груди...

* * *

...После убийства маленького ребенка Цеенор-Зера осознал, что начал быстро расти. Ход из его подземного убежища неожиданно стал слишком тесным, и пришлось расширять туннель, чтобы выбраться наружу, причем ему удалось сделать это довольно быстро. Если до этого плотная земля не сразу поддавалась его слабым рукам, то теперь острые перепонки с легкостью вонзались в каменистую почву, прорывая вход наверх, к звездному свету. Где-то там, в туманной фосфоресцирующей мгле мерцала планета Иаг, где в одной из стеклянных ячеек навеки успокоился дух зеленокожего Алта. После первого убийства Цеенор-Зера внезапно ощутил, что человек-слон каким-то образом может управлять его поступками. После того как бывший властитель Валузии впервые напоил Красный Хрусталь теплой кровью, единственным его желанием было убивать еще и еще, устроить кровавое пиршество, но неведомая сила запретила делать это. Подчиняясь этой силе, он воровато покинул лагерь пиктов, разбуженных дикими криками, и вернулся в свое подземное логово.

Там он увидел, что Красный Хрусталь засветился во тьме. Тело Цеенор-Зера словно стало прозрачным, он наклонял голову и с изумлением видел свои внутренности, высвеченные ровным розовым сиянием. Неожиданно раздался глубокий голос:

«Ты выбрал страшную жизнь! Порождение змеи и человека, ты вышел на дорогу ужаса, и никто теперь не сможет остановить тебя!»

Не нужно было долго думать, чтобы определить, кому именно принадлежит этот неестественно ровный, монотонно звучащий голос. В последний раз Цеенор-Зера слышал его больше тысячи лет назад, и тогда слова Иаг-Алта падали на него сверху с невероятной силой, заставляя покорно распластываться на мраморном полу. Сейчас голос звучал не так грозно, он не повелевал, а, скорее, сообщал бесстрастное решение:

«Порождение змеи и человека! Я уничтожил бы тебя, но я сам не волен выполнять свои желания. Ты станешь убивать и поддерживать жизнь в Красном Хрустале, но так будет продолжаться не вечно... Двенадцать созвездий кругом охватывают небо над твоей страной, и двенадцать раз ты сможешь напоить Красный Хрусталь, прежде чем снова погрузишься в тысячелетний сон! Двенадцать созвездий — двенадцать сердец! Такова отныне твоя судьба, порождение змеи и человека!»

Слои земли разошлись над черномраморным дворцом, как облака, и над Цеенор-Зера навис небесный купол, откуда внезапно начали спускаться круги из хрусталя и света, льющего свои непеременно яркие лучи вниз, на бывшего валузийского Владыку.

— Ничто не погибает, но все пребывает в вечности.— Голос Иаг-Алта лился так же ровно, как магический свет, заставляя Цеенор-Зера дрожать всем телом.— Похищенные тобой сердца навек останутся с тобой!

Он не мог спрятаться от света, не мог сомкнуть веки, чтобы защититься от него, поэтому сле-

зящимися глазами беспокойно следил, как хрустальные круги выстраиваются на фоне черного полого ночного неба, образуя фигуры, очертания которых что-то смутно напоминали Цеенор-Зера, но не могли пока извлечь из темницы его памяти точный образ.

* * *

Рябой Торх, вождь пиктов, потерял сон. Каждый день он ждал объяснения со своим племенем, и каждый день он ждал расправы. После того как его сын Хорт остался лежать на Проклятом Холме с переломанными руками и ногами, вождь спал спокойно всего несколько дней. Перед сном он рассматривал свое ожерелье из человеческих зубов, и их расположение не сулило никаких неприятностей. За это время Торх уверовал в то, что действительно вместе с Хортом из племени был изгнан и злой дух, а значит, править племенем вождь будет еще долго-долго.

Потом Ратт, доблестный воин и охотник, вышел ночью из шатра опростать брюхо и лишился сердца. Его нашли только утром — он лежал на спине рядом с кучей собственных испражнений. Грудь Ратта была рассечена чем-то чрезвычайно острым, сквозь продолговатое отверстие все племя видело внутри тела плоть и сухожилия, мышцы и волокна, но сердца у него не оказалось.

Через три дня так же погиб ночной караульный Тарр, потом Хорр, Рахх и красавица Ритта, потерявшая сердце на собственном ложе в шатре рядом с матерью и младшими сестрами. Злой дух

бродил вокруг всех членов племени, и пикты прибывали в смятении. Сидящие на корточках мужчины глухо роптали у вечерних костров на Рябого Торха и друидов, ничего не делающих для спасения племени.

Друиды говорили, что нужно уходить из этих мест, но уходить было некуда. Во-первых, злой дух почему-то не выгонял из леса зверье, и охотники каждый раз возвращались с богатой добычей. Во-вторых, в реке пошла на нерест рыба, и ее можно было хватать голыми руками, даже маленькие дети бегали вдоль берега с легкими дубовыми дубинками и соревновались между собой, кто больше наглушит рыбин. Еды хватало на всех, а такого не помнили даже самые старые члены племени.

Рябого Торха друиды по секрету предупредили, что злой дух может поразить не только тем, что вырвет у него сердце. Для вождя демон может приготовить нечто особое, сообщили они, поэтому вождю необходимо соблюдать все меры предосторожности. Торх перестал сплевывать на землю, чтобы дурной дух не подобрал его слюну и не навел по этой слюне порчу, он перестал чихать открыто, а стал делать это в специальный мешочек, следил, чтобы ни один волос не слетел с его головы, и даже опрастываться стал ходить в полноводную реку, справедливо рассудив, что злой дух не может ничего подобрать в таком мощном течении.

Богам приносились обильные жертвы, но они не желали защитить свое племя. После удачной охоты и обильного ужина в лапы к дурному духу

попался один из лучших загонщиков дичи Беспалый Трот. Пикты устали вымазывать лица серой глиной в знак скорби, и Рябой Торх все чаще имел совет с друидами. Что толку? Следом за Беспалым Тротом жертвами беспощадного демона стали две молодые девушки и совсем юный паренек, еще даже не прошедший обряд посвящений в воины.

Грудной ребенок, подросток, три молодницы, шесть воинов, включая сына вождя Хорта, — таков был итог кровавой жатвы. Друиды по секрету сообщили вождю, что каждое новое убийство совершается злым духом через три дня и, словно в насмешку над гордым племенем пиктов, на лице каждой жертвы демон оставляет гнусный знак, напоминающий клеймо раскаленным металлом. Возненавидевший племя Рябого Торха дурной дух оставлял на щеках и лбах поверженных глубокие меты, каждому он словно ставил тавро.

Прошло три дня с того ужасного мига, когда был обнаружен несмышленный паренек, лишившийся своего неопытного сердца, и Рябой Торх не мог заснуть в своем шатре. Неясные предчувствия томили вождя и не давали забыться сном даже на короткое время. Он понимал, что, если в эту ночь один из пиктов снова потеряет сердце, обретя взамен ужасное клеймо на лице, племя может взбунтоваться.

Не хотелось бы ему оказаться один на один с разъяренной толпой, давно уже друиды доносили Торху, что возмущенные пикты жаждут человеческого жертвоприношения... Кто не захочет задобрить суровых богов, принеся им в жертву са-

мое дорогое, что есть у племени,— голову мудрого вождя...

От таких мыслей у Рябого Торха начинало противно сосать под ложечкой и брюхо его норовило облегчиться раньше времени. Вот и сейчас, глухой ночью, он, к своему ужасу, обнаружил, что больше всего на свете ему необходимо опростать кишечник. Это поставило его в тупик, и Торх даже мучительно застонал от настигнувшей его трудновыполнимой задачи. С одной стороны, ему необходимо было покинуть свой шатер, а с другой — где-то поблизости мог рыскать ненасытный дурной дух.

Сжимая в руке оберег и мысленно обращаясь ко всем богам, вождь осторожно раздвинул края полога и выглянул наружу. Племя спало тяжелым, но крепким сном. Ни один звук не нарушал ночную тишину.

Ночь выдалась туманной. Все казалось окутанным плотным дымом без запаха, и Рябой Торх крался к реке, полагаясь больше на свою память, нежели на зрение. Конечно, даже в этот страшный миг он не мог позволить себе присесть рядом с шатром и оставить там кучку, — нет, вождь слишком хорошо знал, что испражнения составляют одно целое с человеком, поэтому завладевший ими может обрести власть и над ним самим, и только волны могучей реки могли обеспечить в таких случаях необходимую безопасность.

Неожиданно он ощутил, что почва словно уходит из-под ног, земля словно подалась и накренилась под ним, и не успел Рябой Торх сообразить

что-либо, как ноги его с мягким всплеском ухнули в воду. Река оказалась даже ближе, чем он представлял себе. Попеременно переставляя прямые, негнувшиеся ноги, Торх отошел немного от берега и присел, подняв полуприкрытые глаза к небу. Окутанный плотным ночным туманом, он чувствовал себя в полной безопасности и расслабился, на короткое время забывая о своих трудностях. Воды могучей реки, влекомые плавным течением, точно уносили вдаль все переживания вождя.

Но внезапно он вздрогнул всем телом и едва не опрокинулся навзничь, потому что до него слуха донеслись странные звуки. Ровный, едва уловимый шум течения реки неожиданно был пререзан совершенно отчетливыми голосами, стуками и приглушенным звоном.

Рябой Торх рывком вскочил на ноги и оцепенел — всего в нескольких шагах от него из тумана выплыла темная громада судна. Длинные весла, со всплесками погружавшиеся в речные волны, были так близко от него, что при желании, передвинувшись всего на несколько шагов, он мог бы дотронуться до широких лопастей. Не успел вождь ничего сообразить, как такой же шум с другой стороны заставил его стремительно развернуться всем телом: там к берегу направлялось точно такое же судно. С палубы доносились приглушенные команды, и Торх окаменел от ужаса: команды отдавались на самом ненавистном для каждого пикта языке — на языке народа атлантов.

Его душила смесь ярости и смятения. Никогда еще прежде Рябой Торх не оказывался в таком

положении. Заклятые враги скрытно приближались к лагерю его племени, а он не мог сдвинуться с места! Стоило бы ему пошевелиться, как кто-нибудь на палубе немедленно заметил бы его.

О, боги! Жестокие боги словно насмеялись над ним! Лучше бы он оставался в своем шатре и принял смерть с оружием в руках, но все словно специально было подстроено так, чтобы глаза мудрого вождя увидели надвигающихся вооруженных атлантов.

Неприятное предчувствие, изводившее его с вечера, не обмануло. Но Торх ждал прихода злого духа, а увидел безжалостных врагов. Не успел он вздохнуть несколько раз, судорожно соображая, что нужно делать, как из тумана донеслись тупой стук и легкий скрежет. Носы судов утыкались в берег реки, и почти одновременно с этим с палуб сыпались воины. Бряцало оружие, слышались короткие хриплые вскрики, пришельцы готовились к нападению.

Ничего подобного еще не было в жизни племени Рябого Торха. Друиды вели летописи — на каменной скрижали, тонкой плите светлого речного бушонга они выводили знаки, напоминающие по форме острые клинья. Вождь смотрел на прорезанные линии и почему-то невольно вспоминал все, что происходило у него на глазах: болезни и голод, удачные охоты и буйные свадьбы, кровавые стычки и богатые добычи. Нашли свое место на пористой плите и беспощадные проделки дурного духа, охотящегося за сердцами доблестных пиктов, все его жертвы были представлены осо-

быми зарубками; но никогда еще племя Рябого Торха не было застигнуто врасплох!

Охваченный ужасом, вождь ринулся к берегу. Мысли его смешались, он только сжимал одной рукой свой оберег и надеялся, что густая пелена тумана и ночная тьма укроют его волшебным плащом от взглядов свирепых атлантов и позволят предупредить соплеменников, чтобы люди не были вырезаны во сне, словно стая беззащитных черепах, бурной волной выброшенная на морской берег.

Но не успел он сделать и пары шагов, как перед ним вырос воин огромного роста. Облаченный в облегающие кожаные доспехи, атлант уткнулся взглядом в Рябого Торха и издал хриплый воинственный клич.

Безоружный вождь почувствовал, что его захлестывает волна бессильной ярости. Смерть его уже была близка, из тумана выныривали все новые фигуры, и тело его, напряжившись, словно само бросилось на атланта.

Руки Рябого Торха вытянулись вперед, и пальцы готовы были сомкнуться на мускулистой шее, но еще в движении он ощутил невыносимую боль в животе и краешком сознания успел понять, что наконечник толстого копья безжалостно впился ему под ребра.

Перед глазами все поплыло, пальцы судорожно царапали грубое древко, но он не чувствовал, что острые занозы глубоко входят под ногти. Торх успел еще заметить, как злорадно атлант скалит зубы, потом рывком еще глубже насадил копье и

поднял вверх тело вождя, замершего на острие наконечника.

* * *

Цеенор-Зера знал, что эта ночь может стать для него последней, что после нее на тысячу лет он снова может погрузиться в темницу своей памяти и утратить способность действовать. Постоянно он видел над собой свод небесного купола, опоясанный матово светящимся кругом созвездий. Сначала этот круг был едва различим, он еле угадывался, но с каждым новым убийством выступал все явственнее. В эту ночь лишь один сегмент между двумя звездными точками оставался незаполненным, и бывший Владыка Валузии слишком хорошо знал, что означало для него соединение этих точек, но ничего не мог сделать для того, чтобы звенья алмазной цепи не соединялись.

Его глаза прекрасно разбирали все даже в густом тумане, эта влажная мутная пыль, казалось, даже усиливает зрение валузийца, поэтому с вершины своего холма он смотрел окрест, и весь мир расстился перед ним. Широкогрудые корабли вдали сначала показались ему гигантскими черепаками, выползающими на берег под покровом ночи, но вскоре он увидел, как они заворачивают с моря в устье огромной реки и направляются к излуине, на которой нашло прибежище большое племя пиктов.

Бесшумно пробираясь по лесу, Цеенор-Зера быстро приближался к реке, и легкие стопы его едва касались земли. Он уже привык к тому, что

все зверье и птицы в ужасе разбегались и разлетались в стороны, только почуяв его присутствие. Даже ветви деревьев не хлестали его лицо, они как будто старались отклониться в сторону, чтобы не задеть чешуйчатую кожу, зубчатый гребень или развевающиеся складки плаща, ставшего за тысячу лет частью самого Цеенор-Зера.

Когда он подошел к большой поляне, расправа над пиктами уже началась. Полыхали в тумане шатры, визжали женщины и дети, отовсюду слышались звуки ударов, тяжелое сдавленное дыхание и предсмертные хрипы. Метались застигнутые врасплох пиктские воины, и пришельцы неумолимо настигали их, безжалостно убивая.

Цеенор-Зера внимательно наблюдал за побоищем, укрывшись у ствола огромного платана. Глаза его не переносили солнечного света, но совершенно не реагировали на яркое пламя, поэтому он хорошо мог видеть то, что происходило на поляне.

Ему легко было различать участвующих в схватке, потому что местные жители были низкорослые, приземистые и с короткими волосами, а направлявшихся с ними пришельцев можно было рядом с ними назвать гигантами, настолько высоки и широкоплечи были эти суровые воины в кожаных доспехах. Что-то в их облике казалось Цеенор-Зера знакомым, и некоторое время он не мог понять, что именно его беспокоит при взгляде на них. И неожиданно память его откликнулась! Валузиец даже зашипел от нахлынувшей на него ярости, когда узнал в жестоких пришельцах племя атлантов.

Тысячу лет назад их предки так же коварно подплыли к валузийским берегам и высадились в густых живописных бухтах, созданных богами только для наслаждения и радости. Варвары захватили земли, принадлежащие Цеенор-Зера, и начали истреблять его подданных, таких же, как и он, людей-змей.

До вторжения атлантов Валузия жила счастливо и спокойно. Искусные ремесленники изготавливали самые совершенные украшения, пасечники разводили пчел, а строители использовали мед для особых растворов. Никто из валузийцев никогда не вкушал меда, это было запрещено богом Цатогуа, но все мечтали отведать молодых пчел, едва успевших уснуть под воздействием дурманящего дыма.

Атланты разрушали все на своем пути. Пожары палили пасеки и валузийские жилища, уютные домики с белыми полукруглыми крышами-куполом, горели многочисленные храмы и замки знаги, хитроумно сплетенные из бесчисленного количества дубовых ветвей и крытые пластинами из черепаших панцирей. Черные жирные тучи пожаров заволакивали небо над владениями Цеенор-Зера, и только мраморные чертоги его дворца оставались нетронутыми.

Благородных валузийцев свирепые атланты нарекли «зловонными пчелоедами», они убивали искусных мастеров и строителей, а их чешуйчатой кожей обтягивали свои огромные щиты. Малолетних детей, нежно переливающихся ребятишек с еще неокрепшими гребешками на головах, они то-

пили в священных источниках или подвешивали за хвостики возле храмовых жертвенников.

И вот сейчас, спустя тысячу лет, Цеенор-Зера снова встретил этих жестоких чужеземцев, необузданных дикарей, воняющих звериным потом. Он готов был прикончить их всех — о, с каким наслаждением валузиец рассекал бы грудь каждого из них и вырывал бы оттуда сердца, швыряя их в кровавую дымящуюся кучу. Но он мог убить только одного — такова была воля Красного Хрусталя, возражать которой Цеенор-Зера не мог.

За тысячу лет из его памяти не исчез образ одного из вождей атлантов, голубоглазого гиганта с развевающимися темными волосами. Именно этот вождь руководил поисками Сокровищницы в черномраморном дворце Владыки Змеиноного Скипетра, и, если бы была такая возможность, Цеенор-Зера избрал бы для своей мести именно его. Или похожего на него воина.

Ждать пришлось недолго. Один из атлантов, распалившись страстью, выволок из занимающегося пламенем шатра молодую девушку, отчаянно отбиваемую руками и ногами, взвалил ее на плечо и с животным рычанием потащил в сторону леса. Недалеко от дерева, за которым притаился Цеенор-Зера, он опустил свою жертву на влажную от тумана траву и одним движением резко разорвал ее легкое одеяние.

Пиктская молодница кричала и жалобно стонала, но ее старшие братья в это время погибали под ударами чужеземцев, поэтому никто не мог вступить за ее честь.

Всего в нескольких шагах от Цеенор-Зера хрипло дышал разгоряченный атлант и скулила под ним девушка. На поляне мелькали в зареве горящих шатров тени, доносились предсмертные крики и вопли ужаса. Тысячу лет назад в Валузии в каждом поселении можно было бы увидеть точно такую же картину, и точно так же воины-атланты сеяли кругом смерть и разрушение. Словно и не было этого мучительного тысячелетия, а земля все это время находилась вместе с Цеенор-Зера в тяжелой дреме.

Атлант насытился девичьим телом и поднялся на ноги, пренебрежительно опершись ладонью о ее обнаженное тело. Он оправил свои кожаные доспехи и уже собирался вернуться на поляну, чтобы успеть еще разmozжить голову кому-нибудь из пиктов, как вдруг за его спиной раздался тихий голос, напоминающий, скорее, шипение морской волны, возвращающейся обратно в море после прилива. Глаза воина широко раскрылись, потому что демон звал его!

Больше всего Цеенор-Зера опасался, что атлант сразу умрет от страха, как это было с некоторыми из племени пиктов, и тогда он не успеет насладиться мучениями варвара. Но охнула и безжизненно замерла распростертая на траве голая девица, а атлант только упрямо тряхнул густой гривой спутанных длинных волос и выхватил меч, висевший до этого у него на поясе.

Никто еще не встречал вызов с таким бесстрашием, отметил Цеенор-Зера, хотя от его взгляда не укрылось и движение левой руки атланта, с

суеверным страхом вцепившейся в оберев, свисавший на мощную грудь на кожаном шнурке. Воин закричал, какая-то ритуальная фраза на родном языке, судя по всему, должна была придать ему силу в борьбе, но первым он не решился вступить в схватку, а шаг за шагом отступал спиной к освещенной поляне, на которой бесчинствовали его собратья.

С легким шуршанием Цеенор-Зера скользнул по траве и отрезал ему путь к отступлению — воину ничего не оставалось, как развернуться спиной к лесу, чтобы не пропустить маневр чешуйчатого лица демона. И тогда меч атланта взмыл в воздух и устремился на Цеенор-Зера. Движение вышло стремительное, острие едва слышно просвистело, и любой другой соперник, скорее всего, уже лишился бы головы, но валузиец легко уклонился едва уловимым движением и даже мягко отвел в сторону перепончатой рукой страшное лезвие боевого меча. Воин еще не догадывался, как беспощадно разит эта перепонка.

Первая неудача не смутила атланта. Немного пригнувшись и расставив в стороны руки, он кружил вокруг, делая ложные выпады, пока меч его не устремился вперед с быстротой молнии, нацеливаясь острием прямо в грудь Цеенор-Зера. И снова меч пронзил пустой воздух, но не успел воин возвратить руку, как валузиец коротким движением смертоносной перепонки ударил его сверху по запястью.

Яростный рев вырвался из груди варвара, потому что кость его хрустнула, и кисть отлетела в

сторону, не переставая крепко сжимать рукоятку меча. Левой рукой он судорожно сжал обрубок правой, из которой хлынула кровь, и во весь голос что-то завопил на своем наречии, обращаясь в сторону поляны. Даже в туманной темноте было заметно, как побледнело от боли его смуглое лицо. Он пятился назад, спиной к лесу, и с безумным взором выкрикивал какие-то проклятия. Но неожиданно нога его наткнулась на тело пиктской молодницы, безжизненно раскинувшейся на влажной траве,— атлант споткнулся, потерял равновесие и опрокинулся навзничь.

Тут на него бросился Цеенор-Зера. Никого еще он не убивал с такой яростью и не получал большего наслаждения, направляя теплые кровавые струи, льющиеся из пульсирующего сердца прямо к себе в глотку. Валузиец слышал, как притих ночной лес, как смолкли все звуки, когда он с жадным урчанием лакал кровь атланта. Через несколько мгновений он почувствовал, как Красный Хрусталь начал жадно впитывать капли и словно вспыхнул внутри его тела, отчего грудь стала излучать рубиновый свет.

Взмокшие от расправы над пиктами атланты слышали истошные крики своего соплеменника, но они прибежали к лесу, когда ужасающая фигура Цеенор-Зера уже скрылась за деревьями. Даже закаленные воины, немало за свою жизнь повидавшие в набегах на чужеземные края, в сильнейшем потрясении остановились на опушке.

Примятая трава явно говорила о короткой жестокой схватке, меч доблестного воина валялся на

земле, и его крепко сжимала рука, отрубленная каким-то острым оружием. Но пальцы мертвой девушки, лежащей рядом, явно не держали никогда грозного меча, способного в один момент отсечь мускулистую кисть воина. Грудь его была залита и представляла собой одну огромную рану, точно кто-то топором разрубил ребра и раздвинул их в стороны.

Не сразу атланты отыскивали в темноте оберег воина. Амулет был рассечен точно пополам, и обе половины валялись на траве. Но больше всего потрясло утрюмых атлантов то, что на щеке убитого темнело непонятное пятно, напоминавшее выжженное раскаленной медью клеймо...

* * *

Цеенор-Зера спешил к своему подземному дворцу, и снова лесные жители цепенели от страха при его приближении. Он торопился вернуться в свое логово и знал, что жить ему осталось только до рассвета. Трубный глас с небес должен был заставить его с первым лучом зари и погрузить в новый тысячелетний сон, обречь на новое мучительное заключение в темнице собственной памяти.

Двенадцать сердец было принесено в жертву Красному Хрусталу, и теперь он должен был ждать тысячу лет, прежде чем высшая сила позволила бы ему снова выйти из темного лабиринта прошлого. С обреченной покорностью ожидал бывший Владыка Змеиногоского Скипетра того момента, когда своды из черного мрамора разойдутся над ним, как облака, и на небесном куполе возникнут очер-

тания фигуры человека-слона. Мучительно сжимаясь в предчувствии этого, он понял, что больше всего хочет снова взглянуть на комнаты и покои дворца. Цеенор-Зера хотел убедиться, что на самом деле в его опочивальнях больше никто не живет, что в туннелях-коридорах не звучит больше шипящая валузийская речь и Земела уже давно не протягивает к нему длинные руки, не подталкивает вперед крошек-близнецов.

До этого момента он не спускался вниз, не заглядывал в свои чертоги, безмолвно темнеющие в глубине подземелья. Дворец даже после катастрофического падения в разверстую гортань огромной трещины полностью сохранился. Цеенор-Зера спускался по скользким каменным лестницам и попадал в скрытые галереи, запутанные переходы и покои, расположенные на разных уровнях. Почти все строение осталось целым. Сгнили ткани, закрывавшие во времена Валузии гигантские ниши,— эти ткани были покрыты особым черным лаком и для неопытного посетителя всегда выглядели точно таким же мрамором, из которого был возведен дворец. Не горели факелы в низких арках, и их свет не мерцал отражениями в полированных мозаиках куполов. Но сам дворец стоял как прежде.

Глаза Цеенор-Зера настолько хорошо видели в темноте, что он мог свободно передвигаться по лабиринту каменной бездны. Бесшумно отодвигались в стороны треугольные двери, перед ним открывались все новые покои. Мебель и украшения покоев изготавливались из мрамора или из драго-

ценных камней, поэтому почти все осталось на своих местах и только было покрыто тысячелетним слоем влажной слизи. Цеенор-Зера подошел к одному лестничному пролету, словно ведущему в стену, и вперился взглядом в черный камень. Перед ним был вход в Сокровищницу, расположенную в самом сердце дворца-кристалла. Раньше этот проход был затянут тканью, и никто из дворцовой челяди даже не догадывался, что в нескольких шагах от главного туннеля, по которому ежедневно сновали толпы царедворцев и охранников, в нескольких шагах от украшенной резьбой стены хранятся сказочные несметные богатства.

Тысячу лет назад мало кому было дозволено приближаться к этому залу с круглым куполом. В Сокровищнице никогда не было окон, а сплошные стены, усеянные бесчисленным множеством крюков, были сплошь покрыты украшениями и красочно отделанным оружием. С черных стен словно стекали гигантские струи жемчужных ожерелий и драгоценных поясов из самых красивых глубоководных кораллов, алмазные змеевидные диадемы и бирюзовые венцы, сапфировые браслеты и золотые плетеные кольчуги.

В центре раньше красовалась огромная статуя, изображающая Бога-Прародителя Цатогуа. Его тело было сделано из искусно отшлифованных жемчужин, а на голове бога покоилась Корона Кобры. Семь глаз Цатогуа, семь самых крупных алмазов, день и ночь следили за каждым, кто проникал внутрь Сокровищницы, но Верховный Жрец вероломно похитил главную реликвию Валузии и

увез ее на корабле, направившемся вглубь бескрайней морской пустыни.

Что произошло с Короной Кобры, Цеенор-Зера не мог даже представить.

Покоилась ли она на дне моря? Украшала голову какого-нибудь правителя? Корона Кобры, свившаяся кольцами золотая змея, украшенная огромным множеством алмазов, обладала магическими свойствами — она позволяла ее владельцу управлять сознанием других людей, потому что мысли и желания любого человека становились так же ясны носившему, словно если бы они были высказаны вслух.

Жрец забрал не только Корону Кобры. Вместе с реликвией из Сокровищницы исчезли многие драгоценности. Изображение бога Цатогуа лишилось своей семиокой головы, пропали многие ларцы, но все равно хранилище по-прежнему вмещало в себе огромные богатства. Только зачем они теперь были нужны Цеенор-Зера?

Он покинул Сокровищницу и даже не задвинул за собой потайную треугольную дверь, наглухо прикрывавшую небольшой проем в сплошной стене. Если бы валузиец сделал это, дверь словно слилась бы с черным заплесневелым мрамором и никто никогда бы не догадался, что за ней находится скрытая зала. Да и кто мог бы оказаться здесь, в этой каменной бездне, кто осмелился бы проникнуть внутрь зловещего бастиона вечности? Сокровища были надежно укрыты от посторонних взглядов, вряд ли кто-нибудь из смертных нашел бы в себе силы переступить черный порог,

поэтому Цеенор-Зера безразлично скользнул взглядом по своим богатствам и удалился.

В своей опочивальне он обнаружил, что свет Красного Хрусталя постепенно начал меркнуть. Немыслимая тяжесть снова навалилась на него и заставила согнуться, свернуться клубком на мраморном полу. Ошеломляющей силы гром снова оглушил его, и Цеенор-Зера почувствовал, как невидимые безжалостные персты разворачивают его сознание, как свиток, и всевидящее око читает начертанные на этом свитке письма. Поток тягучего плотного воздуха подхватил его тело и легко повлек в узкий длинный туннель. Цеенор-Зера хотел что-то крикнуть, но не мог, потому что губы его были облеплены чем-то теплым и липким, он пытался извиваться всем телом, но ни одна мышца не слушалась его. В конце туннеля располагалась опочивальня, которой суждено было стать его временным пристанищем на ближайшую тысячу лет.

Течение воздуха прекратилось, и он рухнул всем телом на мраморный пол. Внезапно послышался некий загадочный глухой стук. Затем раздались голоса, повторенные многократно, — о, они напоминали вскрики людей, мучимых невыносимой болью, но доносились тихо и протяжно, как заунывный вой! Цеенор-Зера невольно отпрянул в сторону, потому что перед ним возникла Земела, простирающая руки, а к ее ногам испуганно жались близнецы Цес и Зеер. На этот раз бедные малыши выглядели особенно ужасно, словно тлен все-таки настиг их даже в лабиринтах памяти Влады-

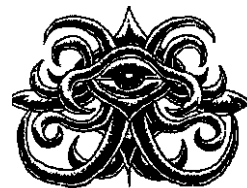

ки. К своему ужасу и ярости, Цеенор-Зера увидел, что опочивальня продолжает наполняться все новыми тенями. Здесь появился и крохотный ребенок, умертвленный им в пиктском шатре, и его отец с перебитыми руками и ногами, здесь появились все, кого принес в жертву Красному Хрусталу Цеенор-Зера: залитые кровью воины, пытавшиеся дать отпор; бедные молодницы, умершие на месте от ужаса; маленькие дети, не успевшие даже испугаться,— все они надвигались на него с рассеченными ребрами и багровыми клеймами на лицах.

Последним в треугольном проеме показалась огромная фигура темноволосого атланта. Он протянул вперед обрубок руки и оскалил белые зубы...

Глава четвертая

Мретий день Конан не мог покинуть Херриду. Согласно приказу правителя города герцога Фредегара ни один корабль не мог покинуть порт, и огромная цепь, натянутая между двух башен, преграждала выход любому кораблю, вздумавшему выйти в открытое море. Охрана только впускала внутрь прибывающие суда, и тут же исполинская цепь с шумным всплеском возникала из воды.

Все городские ворота, ведущие на запад и на север, охранялись день и ночь, а зубчатые крепостные стены буквально чернели от фигур дежуривших гвардейцев, внимательно следивших за тем, чтобы никто не скрылся из Херриды, преодолев защитные бастионы и ров.

Киммериец скрежетал зубами от бессильной злобы, но вынужден был скрываться в грязном портовом квартале, где, казалось, никому не было дела до высокого чужестранца со спутанной гривой черных волос. Свои роскошные сапоги из ко-

жи гликона варвар все-таки был вынужден спрятать на время в походный мешок и появлялся на людях только в старых плетеных сандалиях, которые за мелкую монетку подыскал ему хозяин постоялого двора «Западный ветер». После того как Конан встретил в храмовой ограде Астриса с близнецами, стало понятно, что именно отпечатки этих сапог могут прямым путем привести на плаху. Не прошло и трех дней с тех пор, как по всей Херриде разлетелась зловещая весть — ночью еще один достопочтенный житель города пал от руки страшного убийцы. Из испуганной болтовни хозяина стало понятно, что сердца лишился некий Унольф, торговец древностями, владелец торговой лавки под названием «Пещера», заваленной сверху донизу пыльными ветхими коврами, закопченными погнутыми кубками и мисками, старинными книгами на непонятных языках и блеклыми картами чудных неизведанных краев.

Мертвого Унольфа обнаружила утром его служанка. Безжизненное тело лежало на дощатом полу, грудь несчастного торговца была искромсана и представляла собой жуткую сплошную рану. Но самая невероятная новость заключалась в том, что вокруг тела вся комната была истоптана кровавыми следами. Отпечатки ног были огромными по размерам, а в центре их гвоздями был выбит зловещий символ — кинжал с поперечной защитной гардой, — и эти отпечатки в точности совпадали с теми, что были обнаружены рядом с телом рыжеволосой Адальджизы из Храма Небесного Льва.

Что все это означало, Конан отказывался понимать. Он уже проклял тот день, когда ступил на деревянный причал зингарского города. Да уж, и впрямь Херрида оказалась чудесным местом, где не приходилось скучать. А он-то рассчитывал провести здесь несколько дней, потолкаться у морского советника, побалагурить с бывалыми молодцами в тавернах, да выяснить, какие ветра чаще всего дуют сейчас на Западном море...

Вместо этого его теперь разыскивают гвардейцы, а местный правитель, какой-то там герцог Фредегар, назначил за его голову солидное вознаграждение. Как болтали подвыпившие посетители «Западного ветра», тот, кто сообщил бы правителю о местонахождении Ночного Губителя, получил бы из герцогской казны ни много ни мало тридцать тройных озз золота!

Несколько раз варвар даже вспоминал об Астрисе, бывалом путешественнике и большом знатке жизни. Этот книгочей, наверное, сумел бы что-нибудь объяснить и красиво рассказать, что именно произошло. Ученых для того и создают боги, чтобы встречались люди, делающие вид, что все понимают. У киммерийцев, правда, таких почти не водилось. Сыновья Крома всегда полагали, что учение и чтение книг делают мужчину женоподобным, ослабляют его силу и покрывают глаза гнойной пеленой. Никогда такой дохляк не смог бы биться с врагом с утра до вечера, а потом пировать у костра с друзьями и до зари укрощать на меховой шкуре гордую пышнобедрую киммерийку.

Настоящий воин должен быть умным, это Конан ясно сознавал. Но мудрость его должна быть подобна нектару, что собирает пчела в пору цветения с разных бутонов. Из каждой заварухи, из каждого опасного случая или стычки должен он выносить что-то полезное для себя. Если, понятно, остается в конце концов в живых, а не отправляется поделиться своими познаниями и опытом с приятелями на Серые Равнины.

В таверне при постоялом дворе варвар всегда старался в последнее время устраиваться в темном углу, чтобы не привлекать к себе лишний раз любопытные взгляды. По вечерам здесь всегда царили шум и суета, нестройное пение и пьяные бессвязные разговоры. Грязные скамейки, похоже, уже до основания были пропитаны винным духом и зловонием немытых тел, а длинные потемневшие столы были сплошь испещрены вмятинами и царапинами, выглядевшими не хуже каких-нибудь глубокомысленных надписей в толстых книгах для путешествующих умников.

После того как хозяин постоялого двора сначала накормил Конана несвежими подводными грибами, а потом принес кусок пересушенной жесткой баранины, киммерийцу пришлось объяснить, что грибы он отныне будет засовывать в уши повару, а жестким мясом лупить его по лбу, пока мясо не отойдет и не станет помягче. С тех пор хозяин всегда держал для него наготове аппетитную пищу.

Вот и в этот вечер стоило только варвару опуститься на жесткую скамью, как из кухни сразу

же выскочил взмокший от духоты и суеты зингарец. Получив заказ на жаркое и добрую выпивку, он поспешно кинулся обратно, обмахивая на ходу потное лицо грязным засаленным фартуком. Почти всех посетителей обслуживал его сын, длинноносый унылый детина, но к Конану выскочил сам хозяин.

Никто кругом не обращал на киммерийца внимания. Судя по всему, народ уже достаточно давно начал переливать содержимое глиняных кувшинов в свои глотки, потому что все кругом болтали одновременно, как-то не особо слушая друг друга; хрипло смеялись доступные девицы, а несколько молодцов в противоположном углу нестройно выводили старинную моряцкую песню.

Ждать пришлось недолго. Перед Конаном на стол опустилась овальная глубокая тарелка с дымящимся жарким и кувшин с темным зингарским вином.

Это вино производилось на обширных полях, лежащих выше по течению Громовой реки, и доставлялось в Херриду в необычных продолговатых мехах, сделанных из грубо обработанной змеиной кожи. Плантаторы, малосведущие в вопросах выделки такой изысканной кожи, просто приказывали снимать с пойманных змей шкуру, как нательную сорочку. Мясо шло в пищу, а в только что снятую оболочку сразу заливалось молодое вино, которое бродило внутри меха и приобретало особый, ни с чем не сравнимый вкус.

Официально кожа змей-людоедов была запрещена к использованию, но такова была старинная

традиция, поэтому плантаторы как ловили издавна, так и продолжали ловить огромных гликонов в водах Громовой реки, используя в качестве живой наживки провинившихся невольников. Под палящим зингарским зноем над виноградными лозами обычно сгибались черные спины уроженцев Дарфара или Куша, поэтому гликоны и лакомились мясом темнокожих рабов, перед тем как попадались в хитроумные ловушки плантаторов.

Когда хозяин постоялого двора склонился над столом, чтобы поставить ужин, варвар тихо спросил:

— Кто-нибудь спрашивал меня?

— Спрашивал,— быстро отозвался тот, прикрывая губы фартуком и делая вид, что вытирает потные щеки.— Старик заходил и предупредил, чтобы ты был готов сегодня в полночь. Там, где вы договаривались.

Глоток темного зингарского освежил горло и растекся по жилам приятной теплотой. Киммериец откусил порядочный кусок сочного мяса и набрал в пригоршню дымящегося рассыпчатого майса, пропитанного бараньим соусом.

За соседним столом худой сморщенный пьянчуга убеждал своего собутыльника:

— Я повторяю тебе, Реас, хвост у нее был как у огромной рыбыны, с плавниками и чешуей. А груди как у самой красивой херридки! Я дежурил тогда на вахте, и она подплыла... Я трогал ее за груди! Я их щупал и мял сколько хотел... И знаешь, я с ней спал, пока на палубе никого не было! Реас, если ты купишь мне еще кувшинчик, ма-

аленький кувшинчик, я расскажу тебе обо всем подробно...

— Да врешь ты все, Пашет,— ухмылялся его приятель.— Только что ты рассказывал, что в Стигии живут женщины, откладывающие яйца, как утки, и что ты жил там целый год и каждый вечер спал с новой. Да ты вообще-то бывал в Стигии?

— Бывал, еще как бывал, и если ты купишь мне ма-аленький кувшинчик, я тебе расскажу...

— Ты заливал, что по ночам они сильно потеют, но пот их пахнет слаще роз, гвоздики и всяких там вендийских пряностей...

— Клянусь алыми сосками Иштар! Я набрал за год целый кувшин этого пота и привез его в Зингару. И знаешь, Реас, я продал его! Да, я продал его как ароматное масло, и самые красивые херридки сбегались к торговцу, чтобы успеть купить его.

— Ты все врешь, гнусный Пашет! Да чтобы твоей матери всю жизнь нянчить обезьян, если ты сказал хоть слово правды!

— Клянусь платком Исиды! Реас, я получил за кувшин ароматного пота тридцать тройных оз золота!

— Ты вшивый оборванец и никогда не видел даже части таких денег,— громко заржал нечесаный парень и в несколько глотков осушил свой кувшин.— Вот если бы ты сказал герцогу Фредегару, где прячется Ночной Губитель, ты бы эти денежки не только увидел, ты бы их держал в руках! Тогда бы ты спал не только со своей русалкой,

покрытой слизью, но с лучшими девицами из нашего квартала. Но ты не знаешь, где прячется Ночной Губитель, поэтому они не сядут к тебе на колени. Правда, девочки?

Полуголые красотки, сидевшие за столом напротив, хрипло засмеялись и закричали низкими голосами:

— Пашет! Пока не разыщешь Ночного Губителя и не получишь за него деньги, к нам даже подходить не думай!

— Где Ночной Губитель? — заорал Пашет и потряс в воздухе бледными крошечными кулачками. — Покажите мне Губителя, и я сам сверну ему шею, а потом отволоку холодный труп герцогу Фредегару. Где Ночной Губитель? Где? Где? Где?

Пьяный оборванец вскочил со скамьи и выкрикивал этот вопрос, поворачиваясь из стороны в сторону. Неожиданно взгляд его упал на киммерийца, и Пашет осекся. На его небритом лице появилась гримаса удивления, хмельные блестящие глаза выпучились, и он спросил:

— Чужестранец, а ты, случайно, не Ночной Губитель?

Мощные челюсти Конана продолжали равномерно размалывать баранину, и ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя все внутри словно стянулось в тугой узел. Пьяный гомон в зале стих, когда слюнявые губы пьяного коротышки выговорили громкий вопрос, и все с интересом стали наблюдать, чем закончится дело.

Конечно, варвару ничего не стоило разорвать этого прощелыгу на две части, но он даже бро-

вью не повел. Равнодушно скользнув взглядом по фигуре оборванца, он все внимание сосредоточил на бараньем бедре, и крепкие мощные зубы принялись дочищать обглаживать аппетитный хрустящий хрящ.

От холодного взгляда киммерийца с разошедшегося Пашета, судя по всему, на время даже хмель слетел. Он словно разглядел, к кому посмел так обратиться, поэтому судорожно сглотнул и поспешно повалился на скамью.

Через мгновение над низким залом снова повис пьяный гомон, точно он и не прекращался. Единственным способом доказать, что ты не Ночной Губитель, было бы самому поймать его, усмехнулся про себя Конан. Конечно, этим имело бы смысл заняться, да вот только времени у него нет: сегодня ночью придется покинуть Херриду. Стоит только подождать до утра, и все останется в прошлом. В открытом море нет никаких губителей и герцогов с их вознаграждениями...

По-прежнему его воображением владела идея морской вольной жизни. Что же, не получилось начать ее в Херриде, так неподалеку лежат Барахские острова. Каких только там не встретишь кораблей! Быстроходные галеоны, юркие маневренные галеры, основательные барки с прямыми парусами... Да найдется ли равнодушный, который, поглядев на них, не пожелает немедленно отправиться в путь и укротить непокорную морскую волну?

Миска его была уже почти пуста, и варвар задумчиво изучал ее дно, занятый собственными

мыслями. Неожиданно он почувствовал, что кто-то словно едва коснулся его волос,— резко вскинув голову, Конан поймал на себе пристальный взгляд. Какой-то мужчина внимательно разглядывал его и сразу отвел глаза, делая вид, что бесцельно смотрит в грязный потолок.

Внешность его не понравилась киммерийцу. Кому придется по душе, когда тебя изучает человек с замотанным наглухо лицом? На голове у него виднелось что-то вроде вендийского тюрбана, только его нижний край не заканчивался на лбу, а спускался ниже, закручиваясь спиралью вокруг головы, оставляя лишь узкую прорезь, в которой сверкали внимательные глаза.

В этом квартале каждый одевался как мог. Никому, разумеется, и в голову не приходило следовать моде, как молодые богачи из Верхнего города. Грубые туники да мешковатые штаны, безрукавные кофты да башмаки с толстыми подошвами — все это носилось годами, ведь ткани были очень дорогими, особенно привозные, из дальних краев.

Поэтому если человек наглухо заматывал свое лицо, значит, так ему было больше по душе. Кто-то покрывал голову остроконечным капюшоном, кто-то носил войлочную круглую шапку, напоминающую перевернутую миску для похлебки. Может быть, обычай родных краев не разрешал это мужчине показывать на людях свое лицо.

Жестом руки Конан подозвал хозяина. Когда тот приблизился к торцу длинного стола, киммериец выкатил ему навстречу одну из своих пос-

ледних монет, поставив ее на ребро, как колесо. Зингарец ловко поймал монету, и через мгновение кордавский золотых с чеканным ликом Митры исчез в складках его засаленного фартука.

— Собери мне что-нибудь в дорогу,— попросил варвар, незаметно для всех поворачиваясь к хозяину.— И скажи, что за чучело сидит в левом углу? Кто это там с замотанной рожей?

— Не знаю... первый раз его вижу здесь,— едва слышно ответил тот.

Конан допил свое вино, вскоре сын хозяина принес ему сверток, и можно было подниматься наверх, где киммерийца ждала его комната в самом конце темного низкого коридора.

До наступления полуночи еще оставалось время. Варвар опустился на убогое ложе и прикрыл глаза, положив руку на лоб. Снизу до него доносились пьяные крики и шум ссоры, запах горелого жира и вина, испарявшегося из ненасытных глоток зингарских пропойц и потаскух. Это повторялось здесь каждый вечер и заканчивалось лишь глубоко за полночь, поэтому когда он поднялся с ложа, натянул свои новые сапоги и спустился вниз с дорожным мешком и кинжалом за спиной, никто не обратил на фигуру киммерийца особого внимания.

Только тощий Пашет, уже совершенно потерявший от хмельного рассудок, завопил что-то нечленораздельное, завидев варвара, попытался вскочить, но поскользнулся и брякнулся под стол. Хозяин постоялого двора, стоявший у засаленного полога, прикрывавшего вход на кухню, встре-

тился взглядом с выходящим из дверей Конаном и прикрыл на мгновение оба глаза, словно взмахивая веками на прощание.

Черная тьма уже сгустилась над Херридой, и даже улицы бесшабашного портового квартала полностью опустели. Самые отъявленные головорезы предпочитали в это время сидеть в большой компании и лакать темное зингарское вино в тавернах. Все знали, что Ночной Губитель нападает только на одиночек. Десять убийств уже потрясли город, но ни разу еще злодей не нападал на нескольких людей, поэтому никто и не представлял себе опасности где-нибудь в душной, набитой народом харчевне, над которой располагались комнаты, где можно было обрести ночлег до утра.

Варвар мягко ступал по зловонным улочкам, освещенным лишь узкими полосками света, пробивающимися сквозь крохотные продолговатые окна, затянутые мутной пленкой из пузырей гигантских морских рыб. Только собаки, сбившиеся в стаи, порой выныривали черной сворой из тесных проходов и устремлялись на поиски объедков.

Один из таких псов внезапно выскочил из-под основания мрачной покосившейся хибары, и даже в темноте Конан заметил, как ярко сверкнули красные глаза, налитые ненавистью. Пестрая длинная шерсть крупного кобеля встала дыбом на загривке, и раскрытая пасть задрожала, словно в судороге.

Но пес не лаял, а только глухо урчал, что насторожило киммерийца. Он знал старую истину, что лающая собака не нападает, и поэтому делал

вывод, что преградившее ему путь животное настроено крайне агрессивно.

Мохнатое брюхо пса вздымалось и опадало, а из разверстой пасти обильно источалась светлая пена. Звуки, которые вырывались из собачьей утробы, напоминали, скорее, шипение, с которым змея предупреждает о нападении.

Через мгновение дрожащий пес действительно кинулся вперед, прижав уши к черепу. Огромные блестящие клыки, казалось, уже сомкнулись на горле варвара, но он уже был готов к этому и стремительно ушел вправо. Тяжелые челюсти лягнули в пустоте, в следующий миг безумный пес взвыл, вскрикнул и осекся, потому что длинное лезвие забарского кинжала со свистом обрушилось на мохнатую шею, — крупная продолговатая голова с чавкающим звуком шмякнулась в зловонную лужу нечистот и откатилась на несколько шагов в сторону.

С брезгливой гримасой Конан огляделся вокруг. Ему совершенно не хотелось обтирать окровавленное лезвие об обезглавленное тело, но и отправить за спину грязный кинжал он никогда бы себе не позволил. У киммерийцев убийство собаки всегда считалось дурным предзнаменованием. Лишишь жизни пса — открывая пошире походный мешок, скоро посыплются неприятности.

Шершавый лист какого-то сорняка, разросшегося у угла мрачного дома, хорошо впитал себя капли крови, и варвар двинулся дальше. Он миновал небольшую площадь и повернул к берегу, оставляя позади скопища обветшалых деревянных

строений, полусгнивших сараев, складов да хлипких навесов. В Нижнем городе обитали люди, не избалованные роскошью, никто тут не привык жить во дворцах с пышной обстановкой да с прохладными фонтанами, струящимися под сводами богато украшенных залов. Здесь считалось счастьем переночевать под соломенной крышей на куче тряпья — старая кость лучше пустой тарелки, гласила зингарская мудрость, и голодное брюхо бывало радо всякой крохе из мусорной кучи.

Миновав длинный приземистый склад с квадратной башенкой, киммериец оглянулся и шагнул под навес, крытый камышом. На мгновение остановившись, чтобы глаза успели привыкнуть к темноте помещения, он бесшумно двинулся вдоль галереи, вонявшей плесенью и крысиным пометом. Конан бесшумно прошел несколько десятков шагов и внезапно остановился, прислушиваясь.

Как он и предполагал, впереди находился вооруженный патруль. До слуха Конана донесся приглушенный шум мужских голосов. Судя по всему, их там собралось не меньше десятка. Варвар знал, что со всей округи были срочно стянуты гвардейцы и они обложили Херриду плотным кольцом, как охотники, загоняющие дичь. Стражники перекрыли все известные подступы к морю и выходы из Нижнего города, но киммериец прекрасно знал, в каком направлении двигаться.

Трухлявая дверь неплотно прикрывала вход в длинный сарай, растянувшийся вдоль петляющей грязной улочки, скорее, широкого прохода, в конце

которого располагались гвардейцы. Дверь болталась на одной петле, сделанной из грубой кожи, и поэтому не издала ни скрипа, когда носок сапога Конана ткнул ее. Киммериец нырнул в узкую щель проема и как будто провалился в черную дыру, такая крошечная тьма царила внутри покосившихся развалин.

Пальцы его крепко сжимали рукоятку кинжала, а обостренный слух ловил каждый звук, каждый шелест. В полной темноте, почти на ощупь, варвар двигался перпендикулярно направлению улочки, пока впереди не забрезжил лунный свет, пробивавшийся сквозь многочисленные щели, словно прогрызенные гигантскими клыками в деревянных стенах.

Конан скорее почувствовал, чем увидел, как в углу при его появлении зашевелились кучи тряпья. Но внутренний голос подсказал ему, что прячущийся в отбросах не представляет опасности, а сам, скорее всего, умирает от страха, заметив приближающуюся из глубины фигуру.

Противоположная сторона внутреннего двора, как заметил киммериец, ограничивалась высокой каменной стеной, служившей внешней границей Нижнего города. По этой старинной ограде пролегла официальная черта зингарского порта, и, миновав ее, можно было уже не так опасаться властей. Жители этих мест не особо разбирались в высочайших указах, поэтому и не обращали на них внимания, придерживаясь собственных порядков.

Прежде чем пересечь двор, варвар внимательно осмотрел все кругом, задерживая дыхание и

напряженно вслушиваясь во тьму. Ветерок уже доносил отдаленный шум морских волн, ноздри Конана уже ощущали легкое дуновение соленого воздуха, и от этого он испытывал приступы непозволительного для опытного воина нетерпения.

Старая городская стена, сложенная из огромных квадратных блоков ракушечника, казалась высокой и непреодолимой. Но долгие годы выветрили в пористом камне трещины и уступы, поэтому для варвара подъем к ее верхнему краю не составил труда, и через несколько мгновений он уже осторожно выглянул из-за верхнего ряда, чтобы выяснить обстановку. За свою жизнь киммериец бесчисленное количество раз преодолевал защитные стены, причем достаточно часто они оказывались куда выше, чем эта, а поверхность до кромки бывала точно отполирована, не давая возможности отыскать ни малейшей вмятины. Однако они не становились для него непреодолимым препятствием, и каждый раз после преодоления такой стены Конан не уставал с благодарностью вспоминать свое киммерийское детство — выросшему в горах варвару они казались детским развлечением, легкой разминкой для настоящего мужчины.

С внешней стороны, на первый взгляд, никакой угрозы не наблюдалось, и слишком задерживаться наверху не стоило. Ловко перебросив мощное тело, киммериец уцепился за верхний камень, повис в воздухе, а потом вытянулся, разжал руки и мягко спрыгнул.

Сапоги из кожи гликона не произвели ни малейшего шума. Искусству приземляться, прыгая

с большой высоты, Конан тоже придавал большое значение — настоящий воин должен уметь и это, поэтому он мягко спружинил ногами и инстинктивно встал в боевую стойку в первый момент.

Все вокруг было по-прежнему. Гораздо отчетливее доносился шум морских волн, подгоняемых свежим ветром к берегу. На редких деревьях сутились ночные птицы и трещали под листьями бесчисленные цикады.

Вдоль полосы моря беспорядочно темнели остовы старых кораблей. Перевернутые вверх днищами крупные и мелкие суда часто служили прибежищем тем отпетым весельчакам, которые из-за своих нетрадиционных шуток опасались показываться даже в тавернах портового квартала, чтобы не загреметь на виселицу.

Еще находясь в тени городской стены, варвар отыскал глазами две могучие пальмы, шевелившиеся густыми длинными листьями у самой кромки моря. Они и должны были служить ориентиром.

Киммериец старался держаться в тени и бесшумно пробирался между полусгнившими обломками. Возле некоторых догорали костры, и оттуда доносился глухой шум разговоров, некоторые лежали в полном безмолвии, словно огромные скелеты неведомых морских животных, выброшенных на берег.

После противной затхлости деревянного склада, через который пришлось пробраться, свежий морской воздух пьянил своей чистотой, и Конан с наслаждением вдыхал бриз полной грудью. На мгновение он остановился, поднял глаза к двум

пальмам, потом взгляд его переместился в сторону и обнаружил нечто вроде причала, до которого оставалось около полусотни шагов.

Полсотни шагов отделяли его от места, где, если все будет хорошо, он помашет на прощание не приветливой Херриде. Пробираясь туда, варвар обогнул непонятное строение — шалаш из трухлявых брусьев и пальмовых ветвей. Стоило ему сделать шаг и выглянуть из-за шалаша, как внезапно в его сторону метнулась темная тень.

В первое мгновение киммериец даже не мог разобрать, кто это. Он мгновенно отскочил назад, и лезвие клинка уже готово было встретить нападающего, как черная тень повалилась на влажный песок и громкий гнусавый голос прорезал тишину морского берега.

— Дайте, добрые люди, дайте хлебушка и рыбки,— в полный голос завопил нищий оборванец в дырявом тряпье, протягивая вперед костлявые руки.— Бедный я, бедный... дайте рыбки на ужин...

— Тихо ты, обезьянья морда! — зашипел на него Конан.— Что ты орешь, как на площади?

— Дайте... дайте...— не унимался тот.— Сколько вас вечером уже прошло, и никто не дал...

— Ты что, не понял? — Варвар ткнул его в лоб.— Если ты не заткнешь свой поганый клюв, я сверну тебе шею, вонючая зингарская чайка! Так и быть, сейчас ты что-нибудь получишь, сможешь пропихнуть жратву себе в брюхо...

Нищий не верил своему счастью. Он стоял на коленях и благодарно подвывал, пока киммериец доставал из своего походного мешка лепешку и

одно из двух ярких кхитайских яблок. Конечно, он и сам любил эти фрукты, любил аккуратно снять оранжевую бугристую кожуру и есть лакомство неторопливо, разделяя на тонкие дольки. Но если этому оборванцу не заткнуть рот, он может орать на весь берег; совсем ни к чему привлекать внимание в такой момент.

— Добрый человек... добрый человек,— урчал нищий от удовольствия, жадно заглатывая лепешку.— Сколько тут сегодня прошло, а никто не дал ни кусочка...

Укрывшись в тени его жилища, Конан осматривал берег, освещенный серебристым сиянием луны, и почти не слушал бессвязную болтовню полубезумного попрошайки. Совсем немного отделяло его от причала, и все мысли варвара были заняты только этим.

— Не ходи туда... не ходи туда...— бубнил меж тем оборванец, кусая кхитайское яблоко прямо с кожурой.— Там отберут еду! Оставайся здесь... здесь будет хорошо... там отберут еду... не ходи...

На берегу все было тихо. Ветер, вспенивавший поверхность моря легкими бурунами и треплющий верхушки пальм, не доносил ни звука.

Варвар еще раз ощупал взглядом берег и вышел из тени шалаша. Голос нищего становился все тише и через несколько шагов окончательно умолк.

Около причала виднелась небольшая постройка с плоской крышей наподобие домика из обожженного кирпича, а с обеих сторон от узкого прохода темнели старые бочки. Они лежали на боку и стояли на торце, широкие и узкие, высо-

кие и приземистые. Все выглядело так, как описывал погонщик ослика, старый моряк Марон, обещавший киммерийцу помочь выбраться из Хериды.

От черного домика отделилась какая-то фигура. К Конану приближался мужчина в рваной тунике, распахнутой на груди. Голова его почему-то была закутана в материю, оставлявшую лишь узкую прорезь для глаз.

Варвар угрюмо стиснул челюсти. Ничего хорошего это не предвещало, и, хотя пока все было тихо, внутренний голос явно не сулил ему спокойной жизни.

— Это ты, Марон? — спросил киммериец, напряженно вглядываясь в фигуру мужчины, направляющегося прямо к нему. — Что у тебя с головой?

Старый пират говорил, что у причала Конана будет ждать лодка, на которой в море выйдут сборщики подводных листьев. Пока ныряльщики охотились бы за драгоценными листьями валузийских дубов, варвара должен был подобрать барк, направляющийся к Барахским островам. В порт это судно не осмеливалось входить, поэтому часть добычи передавали по ночам вместе с ныряльщиками. Обратное же к барку доставляли золото и оружие, после чего корабль брал курс на острова.

— Марон заболел... — глухо отозвался подошедший, говоривший через плотную ткань, наглухо закрывавшую лицо. — Он прислал вместо себя меня...

Что-то в его речи показалось киммерийцу знакомым, и он напряженно пытался вспомнить, где

мог раньше слышать этот голос. Пытаясь разобраться, он спросил:

— Почему ты закрываешь лицо, словно прокаженный? Твои боги не разрешают тебе показывать лицо? Или ты чего-то боишься?

— Когда-то я ничего не боялся... — слышался глухой голос. — Но потом я встретил на своем пути одного человека. Он любил убивать и калечить, причем утверждал, что делает это во имя своего мрачного бога Крома... Этот человек изуродовал меня и бросил в морскую воду на корм акулам. Но я выжил, хотя и потерял лицо...

— Так это ты, Харпа? — усмехнувшись, протянул Конан. — Значит, даже акулы побрезговали твоим мясом, хотя до этого дочиста обгладывали всякую падаль.

Внешне варвар оставался спокойным, хотя сознание лихорадочно пыталось найти ответ на единственный вопрос: что произошло? Если он не ошибался, то сейчас перед ним стоял один из служивших под его началом пиратов, Харпа Длиннозубый, который лет десять назад получил по морде абордажной саблей, подвернувшейся киммерийцу под руку, а потом полетел за борт, — многое мог Конан простить и понять, но никогда не прощал подлости и предательства, поэтому наказывал за такие вещи жестоко. Давно уже он выбросил из памяти злосчастного аргосца, и вдруг тот выныривает снова на горизонте жизни, и когда? В самый неподходящий момент! Встреча с Харпой взволновала бы его гораздо меньше, если бы киммериец видел лодку, готовую к отправлению.

— Хотя я потерял лицо, но сохранил свою память,— глухо сказал аргосец.— И все эти годы я мечтал отомстить тому, кто сломал мне жизнь...

— И как же его звали? Не подскажешь, дружище?

— По-разному. Тогда его величали Темногрым Львом... а сейчас все зовут его Ночным Губителем! Он все еще убивает, но теперь только по ночам!

— Что ты несешь, ослиная задница? — рявкнул Конан.— Да я сейчас расквашу вдребезги остатки твоего лица!

Он уже был готов наброситься на мерзавца, как неожиданно дверь домика с плоской крышей, стоящего возле причала, распахнулась, на пороге завязалась какая-то возня, и оттуда донесся голос, принадлежавший, несомненно, Марону.

— Амра! Беги! — кричал старый моряк.— Они предали меня! Они...

Аргосец Харпа отскочил в сторону и кубарем покатился по пологому берегу, а варвар ринулся к домику, выхватив длинный кинжал. Но не успел он сделать и трех шагов, как бочки, двумя рядами окаймлявшие подход к причалу, словно ожили и пришли в движение.

Из старых бочек, как пчелы из улья, выскакивали вооруженные гвардейцы. Несколько человек появилось из плоского кирпичного домика, несколько вдруг вылезло из-под деревянного настила причала.

«Не ходи туда... там отберут еду... столько человек прошло...» — всплыли вдруг в памяти сло-

ва нищего побирушки. Он-то видел, как стекаются гвардейцы к засаде, да вот объяснить толком ничего не смог. А он, Конан, с непростительным пренебрежением отнесся к непонятным словам жалкого оборванца...

Внутренности киммерийца словно стянулись в тугой клубок, но в то же время он почувствовал странное облегчение. Варвар, как любой грозный воин, терпеть не мог каких-либо неясностей, и предчувствие битвы всегда странно пьянило опасностью и радовало своей определенностью. Что ж, что бы ни произошло, сейчас все встало на свои места...

— Теперь мы квиты, Ночной Губитель Амра! — глухо захохотал Харпа, поднявшийся с песка.— Теперь я отомщен, да в придачу получу награду герцога Фредегара! Тридцать тройных озз золота — неплохая плата за мою обиду!

Кольцо гвардейцев вокруг Конана сжималось, но пока самый ближний из них находился в десятке шагов от него.

Пальцы варвара незаметно скользнули в высокий раструб сапога, где с внутренней стороны нащупали ручку одного из припрятанных там метательных ножей.

— Ты рано радуешься, Харпа! — окликнул он аргосца.— Кроме золота от герцога ты получишь еще и награду от меня! Получай!

Рука Конана резко вылетела вперед, и через мгновение человек с замотанной головой вскрикнул, зашатался и с предсмертным хрипом упал на колени, точно ноги его подрезали серпом, а

потом завалился на песок, расшвыривая его ногами в последних отчаянных судорогах.

— Ночной Губитель! Именем Светоокого Митры и герцога Фредегара объявляю, что ты арестован! — раздался гнусавый голос. — Капитан Селинас приказывает тебе немедленно сложить оружие!

Варвар переводил взгляд с одного гвардейца на другого. Получалось, что вокруг него собралось не менее трех десятков зингарцев. Вперед выступил худощавый воин, и в лунном свете было заметно его изуродованное свежим шрамом лицо. Память тут же подсказала Конану, что всего несколько дней назад именно этот человек пытался уже взять его под стражу в покоях морского советника.

— Еще чего! — насмешливо откликнулся киммериец. — Именем Темноокого Крома объявляю вам, что вы свободны. Тот, кто добровольно уйдет отсюда, останется в живых. За всех остальных поручиться не могу...

Он заметил, что арбалетчики расположились по обе стороны от него, и даже усмехнулся про себя. Хотя они и держали свое оружие наготове, но вряд ли кто-нибудь осмелился бы выпустить заряд. В такой темноте легко попасть только в своего товарища, расположившегося напротив, и с такой же легкостью получить в ответ болт с его арбалета.

У Конана оставался еще один метательный нож, который он успел достать левой рукой, пока внимание всех гвардейцев было приковано к содрогавшемуся на песке Харпе. В схватке нужно все-

гда начинать первым и не ждать, когда тебя пригласят к драке.

— Послушайте, — миролюбивым тоном произнес он. — Давай разойдемся по-хорошему!

— Именем Митры и герцога Фредегара! Бросай оружие!

— Именем Крома! Что ж, ты сам попросил...

Почти без замаха, движением руки снизу варвар бросил нож. Он привез его из Афгулистана и поэтому мог не сомневаться в успехе. Умельцы в Гимелианских ущельях из поколения в поколение передают секрет изготовления таких ножей — разящих узких лезвий длиной в ладонь и с отличным балансом, помогающим в сотне случаев из ста поразить цель.

Селинас вздрогнул и отшатнулся с диким криком. Общими руками он еще успел схватиться за нож, вонзившийся ему в грудь по рукоятку после мощного броска, но через несколько мгновений жизнь покинула капитана.

Ближний к Конану гвардеец невольно повернул голову в сторону. Столь скорая гибель его командира заставила зингарца содрогнуться от ужаса. Но через мгновение после броска ножа киммериец с виду как будто расслабленно сделал шаг вперед и внезапно бросился к гвардейцу. Не успели его товарищи сообразить, что произошло, как железные пальцы варвара сомкнулись на остром прыгающем кадыке зингарца, из сдавленного горла несчастного вырвалось натужное сипение. Тяжелая алебарда вывалилась бы из его пальцев на морской песок, но варвар ловко подхватил ее сво-

бодной рукой. Его пальцы сжались на горле в полную силу, и понадобился лишь короткий резкий рывок, чтобы еще одним противником у киммерийца стало меньше.

Но их оставалось еще слишком много, и плотное кольцо вокруг Конана начало неумолимо сжиматься. Сзади чернел только деревянный пирс, выдающийся далеко в море, там пока никто не обосновался, поэтому киммериец не беспокоился за спину. Зато с флангов и прямо перед собой он видел не меньше трех десятков гвардейцев.

Варвар не стал дожидаться, пока противники сомкнут кольцо. Стремительным движением он переместился к противоположному флангу. Оказавшийся перед ним гвардеец сделал выпад ламирой, но пронзил только воздух, и не успел он отшатнуться, как правая рука Конана стремительно взметнулась вверх и обрушила на голову противника полумесяц лезвия алебарды.

Киммериец получил бы удары с обеих сторон одновременно, если бы хоть на миг задержался на месте, но не успел еще череп зингарца раскрыться на две части, как варвар низко согнулся и буквально протаранил набегавших сзади, так что волна нападавших наткнулась на тех, кто только что видел мощную фигуру Конана перед собой.

Совершив этот маневр, киммериец оказался за спинами атакующих. Не успел еще никто из них вздохнуть, как забарский кинжал легко отчленил головы двух зингарцев, и кровь, хлещущая из содрогающихся обезглавленных тел, темной лужей стала растекаться по песку.

Противники уже поняли, что имеют дело с настоящим воином, и их первоначальный легкомысленный настрой исчез начисто. Ожидая с вечера в засаде, гвардейцы, скорее всего, не представляли себе, кого встретят на безлюдном берегу, и не сомневались в исходе схватки. Их алебарды и ламиры впустую дырявили морской воздух, ни один удар еще даже не ранил предполагаемую жертву, а кровь их товарищей уже хлестала фонтаном и заливала небольшую площадку прибрежной полосы.

Отряд лишился командира, капитан лежал неподвижно, сраженный жалом узкого острого клинка, и без него гвардейцы беспорядочно топтались вокруг варвара, как отара овец, встретивших в ночи изголодавшегося волка.

Молнией обрушивалось на зингарев лезвие алебарды, зловеще свистел клинок забарского кинжала. Без устали Конан орудовал обеими руками, стремительно перемещаясь с места на место. Отчаянные крики умирающих смешивались со звоном оружия, тяжелые хрипы пораженных в самое сердце раздавались рядом со зловещим бульканьем крови, хлещущей из рассеченных шей.

Неожиданно мощный удар по голове ошеломил киммерийца. На мгновение в глазах у него потемнело, и он не сразу понял, что крепкий бочонок, пущенный чьей-то рукой, угодил ему прямо в затылок. Скорее всего, это произошло случайно, кто-то из гвардейцев от страха прижался к зубчатой стене наваленных бочек и метнул одну из них, желая защититься от грозного воина.

Варвар развернулся в ту сторону, и удар отбросил его назад, оглушив и едва не опрокинув на песок.

— Сеть!.. Сеть!.. Сеть!.. — доносились до него возбужденные голоса, словно издали пробивающиеся до слуха.

Нанесенный удар затуманил разум Конана, но тело, поймав подсознательный импульс, метнулось вперед. Между ним и ближайшим гвардейцем оказалось пустое пространство, шагов пять. Взревев от ярости, киммериец покрыл его в один прыжок, и кинжал его должен был уже снести очередную голову, но внезапно что-то точно вцепилось в его ногу так, что он не смог оторвать ее от земли.

Длинная металлическая цепь с увесистым шаром на конце обвила ногу варвара и заставила остановиться на месте. Кто-то из зингарцев с силой пустил шар с цепью по низу, и, повинаясь силе инерции, звенья замотались в несколько слоев вокруг голени Конана.

— Кром! — прорычал киммериец, и его алебарда взмыла в воздух, чтобы обрушиться на оковы, неожиданно выросшие на ноге. Но мощный удар не перерубил крепкие звенья, лишь брызнул во все стороны сноп ярких искр, а гвардеец, державший цепь с другой стороны, рванул ее на себя, отчего варвар снова пошатнулся, однако смог удерживать равновесие.

Дальнейшее произошло стремительно. Подвижность Конана оказалась ограничена, и внимание на несколько мгновений было отвлечено. Он не

мог наклониться, чтобы распутать металлический узел, и был не в состоянии перемещаться так же легко, как раньше; внезапно раздался легкий свист, и на киммерийца обрушилась влажная сеть, опутав сотнями мелких тугих ячеек. Он невольно пригнулся, напряг все мышцы и попытался освободиться, взмахивая мощными руками, но в это время сокрушительный удар, обрушившийся сзади ему на голову, заставил его застыть на миг и зашататься. Удар чем-то тяжелым повторился еще раз. Руки варвара продолжали сжимать оружие, но все плыло перед его глазами. В третий раз точно тяжелый молот врезался в его затылок. Лицо Конана исказила мучительная гримаса, почва стала уходить из-под его ног, сознание заволочла тьма, и в один миг он удивительным образом перенесся в кузницу своего отца. Мощные руки отца сжимали огромный молот, точно такой же, какой несколько раз обрушился на его затылок, и отец безостановочно бил по длинной полосе раскаленного металла; раздувались мехи, звенела наковальня, а отец все бил и бил по мечу молотом, сбрызгивая порой клинок кровью черного петуха и соком киммерийской омелы, для того чтобы волшебный состав помог проявиться магическим рунам на острие грозного оружия...

* * *

Головная боль, умерившаяся было во время забытья, разыгралась снова, стоило киммерийцу открыть глаза. Он попытался поднести руки ко лбу, но не смог этого сделать. Тяжело брякнуло

железо, и он заметил на запястьях оковы. Мощные браслеты стягивали руки варвара, а от браслетов в стороны устремлялись толстые черные цепи с продолговатыми, слегка изогнутыми звеньями.

Конан не мог бы сказать, сколько времени прошло с тех пор, как на морском берегу его несколько раз ударили сзади по голове. Сколько времени он провел в забытии? Несколько мгновений? Тысячу лет? Один день?

Тяжелые кандалы все же позволили киммерийцу привстать на холодном каменном ложе и оглядеться вокруг. Видимо, его били после того, как он потерял сознание. Ушибленные места сразу дали о себе знать — стоило ему только повернуться, как в тело в разных местах словно впились раскаленные щипцы. Один глаз так запыл, что варвар ничего им не видел.

Но другой глаз увидел низкий потолок над головой, два полыхающих факела на стенах и основательную металлическую дверь в десятке шагов от грубого ложа, на котором он очнулся. Однако в тесном каменном мешке, служившем ему темницей, Конан не смог обнаружить даже небольшого оконца.

Горло киммерийца пересохло от жажды. Даже губы, казалось, потрескались, и стоило ему лишь открыть рот и крикнуть: «Воды!» — как в уголках рта выступили маленькие капельки крови. Да и вместо крика из горла лишь вырвался сдавленный хрип, какое-то невнятное скрежетанье. Приступ кашля заставил могучую грудь варвара со-

дрогнуться, но после этого он повторил попытку, и на этот раз голос, не раз покрывавший лязгание металлического оружия и дикие хрипы во время схваток, зычно прорезал абсолютную тишину:

— Есть тут кто-нибудь? Дайте воды! Воды, чтоб на вас упал темный взгляд Крома!

Конану пришлось крикнуть еще несколько раз, прежде чем глухо звякнул засов двери и на пороге показался толстый зингарец в черной тунике, за спиной которого виднелись два рослых молодых мужчины с алебардами, судя по всему, это были охранники и тюремщик. «Как должно быть, они боятся меня,— невольно отметил про себя варвар,— если сначала заковали в кандалы так, что нет никакой возможности даже встать, а потом еще и заходят в темницу целой компанией, да еще с оружием».

— Чего ты орешь, Ночной Губитель? — сурово спросил толстяк. — Зачем оскверняешь своими воплями чертоги герцога Фредегара?

— Во-первых, я тебе не Ночной Губитель, ослиное ты брюхо,— спокойно отозвался киммериец. — Во-вторых, принеси мне воды. Если ты этого не сделаешь, я накормлю тебя солью, свяжу и несколько дней не буду давать пить.

Губы тюремщика скривились в злобной улыбке, и он прошипел:

— С огромным удовольствием я напоил бы тебя расплавленным оловом. Принес бы целую кружку и влил всю ее целиком в твою поганую глотку! Но боги не дадут мне этого сделать. О, как я

просил богов, чтобы они дали мне возможность собственноручно убить Ночного Губителя! Но, к моему сожалению, тебя казнит палач на площади. Не знаю еще, какую казнь тебе назначит герцог Фредегар, да освятит Всемогуший Митра его славное имя, но я обязательно приду посмотреть на твои мучения. Вся Херрида придет на площадь Мертвеца в тот день, когда тебя будут казнить.

После этого толстяк с достоинством развернулся, и дверь за ним с грохотом захлопнулась. Конан уже подумал, что ему так и не удастся утолить жажду, но снова стукнул засов, и один из вооруженных гвардейцев принес глиняный кувшин. Вода в нем оказалась теплой и затхлой, но варвар выпил ее с таким наслаждением, точно ощущал на губах аромат какого-нибудь старинного аквилонского вина. Потом другой охранник принес миску, на дне которой лежала большая лепешка, придавленная куском холодного мяса.

— На тебя хочет посмотреть герцог, да освятит Всемогуший Митра его славное имя! — почтиительно понизив голос, пояснил зингарец. — Только поэтому ты имеешь право подкрепиться... Пока светлейший герцог не вынесет тебе приговора и тебя не потащат на казнь, тебя придется кормить.

После еды киммериец почувствовал, что силы начинают к нему возвращаться.

Он потребовал у стражников еще кувшин воды, и к тому времени, когда толстый тюремщик снова появился в камере и объявил, что сам герцог желает посмотреть на него, Конан уже окончательно пришел в себя.

Он довольно много слышал о владыке Херриды, но никогда еще не видел его. Из разговоров варвар знал, что герцог Фредегар всегда считался доблестным воином и грозным правителем.

Герцогу еще не было двадцати, когда много лет назад он во главе своей гвардии усмирил восстания в северном Междуречье, стер с лица земли несколько поместий баронов, вознамерившихся скинуть с трона владыки Херриды молодого наследника, — после этого он сразу заставил короля Зингары Фердруго провозгласить его правителем всей Херриды и Междуречья, большого плодородного района, раскинувшегося от берегов Громовой реки и Ширки до берегов Алиманы и Рабирийских гор.

Да и как бы мог король Фердруго, представитель царствующей зингарской династии Рамиро, не признать своего троюродного брата, к тому же собравшего под своим началом внушительную гвардию, поддерживаемую флотом в шестьдесят кораблей. Кордаву, столицу Зингары, постоянно сотрясали интриги — здесь то и дело вспыхивала борьба за обладание королевским тронном, — и Фердруго не возражал против дружбы со своим могучим родственником.

Герцог Фредегар появился в темнице в сопровождении небольшой свиты. Он был настолько уверен в себе, что, в отличие от толстяка-тюремщика, не взял с собой даже охрану, во всем полагаясь, видимо, на короткий меч с богато украшенной рукоятью, висевший в роскошных ножнах на толстой золотой цепи, опоясывавшей его талию.

Стоило только герцогу переступить порог и сделать пару шагов, как за ним внесли резной деревянный трон. Властитель Херриды даже не обернулся назад, а величественно опустился на сиденье, положив могучие руки на подлокотники, и суровым взором впился в Конана.

С первого взгляда варвару стало понятно, что он видит перед собой опытного воина, проводящего много времени в походных шатрах, а не в прохладных залах роскошного дворца. Смуглое, иссеченное морщинами лицо правителя окаймляли густые и совершенно седые, белые, как горные снега Киммерии, волосы. Они были зачесаны назад, открывая высокий лоб, и падали на плечи роскошной непокорной гривой. «Такая же грива,— невольно отметил про себя Конан,— должна со временем быть и у меня,— если удастся, конечно, дожить до таких почтенных лет и стать правителем какой-нибудь страны».

— Ты первый узник, к которому я сам пришел в темницу,— нарушил, наконец, молчание герцог.— Всех остальных приводят ко мне в тронный зал. Но я не мог допустить, чтобы кровавые стопы Ночного Губителя касались мраморных плит, которыми вымощены полы дворца. Боги покарали бы меня, если бы я позволил гнусному убийце топтать священные чертоги. Почему боги позволили тебе совершить столько злодейств? Почему они не покарали тебя после первого?

— Потому что я не убийца. Суровый Кром, бог моего народа, позволил мне стать воином, и я обнажаю оружие только в честном бою.

Седые пряди колыхнулись, когда герцог Фредегар кивнул головой и сказал:

— Действительно, твой облик напоминает настоящего воина, доблестного бойца, что ты и доказал на морском берегу, когда почти разметал отряд моих лучших гвардейцев. А там нет сельских ротозеев, только и способных, что лупить друг друга дубинками по праздникам. В моих отрядах отборные ратники, закаленные в боях с барахскими пиратами и аргосскими ратниками. Поэтому мне больно думать, что такой человек, как ты, убивал беззащитных по ночам и глумился над их сердцами. Что заставило тебя свернуть с пути воина? Почему злобный Сет смог завладеть твоим разумом и твоими руками творить зло? Ведь только Сет, Вечный Змей Ночи, мог получать удовольствие от таких злодейств. Ты приносил сердца несчастных ему в жертву? Рассказывай!

— Почтенный герцог, я все рассказал бы, если бы действительно я убивал по ночам,— вздохнул Конан.— Но клянусь именем Крома, клянусь небом моей родной Киммерии, я никого не убивал по ночам, и тут произошла какая-то ошибка...

Седовласый герцог не сводил с него тяжелого внимательного взгляда. Темные глаза, глядящие на варвара из-под густых белых бровей, сверлили его, но киммериец смог выдержать и ответить прямым спокойным взглядом.

— О, Митра Всемогущий!...— тихо проговорил Фредегар, откинувшись на спинку своего трона.— Твои глаза подтверждают, что ты никого не убивал по ночам... я ничего не понимаю! Тубал, со-

ветник мой, напomini герцогу, почему мы можем считать этого человека кровавым преступником...

Низкорослый худощавый брюнет выступил из свиты, все это время неподвижно стоявшей в проеме открытых дверей темницы и в тюремном коридоре.

— Осмелюсь напомнить светлейшему герцогу Фредегару, да благословит Всемогущий Митра его имя, Ночной Губитель совершил не меньше десяти убийств в Херриде и в двух последних случаях оставил следы — огромные отпечатки ног с характерным рисунком на подошве, образуемым шляпками сапожных гвоздей. Эти следы были обнаружены на месте убийства жрицы Адальджизы из Храма Небесного Льва и на месте убийства торговца старинными рукописями и вещами по имени Унольф.

Советник Тубал произнес это ровным тихим голосом, поглядывая на лист, который он развернул и держал за края обеими руками.

— Покажи подошвы твоих сапог! — грозно проревел герцог. — Тубал, посмотри внимательно и скажи: следы ли это Ночного Губителя?

Киммерийцу ничего не оставалось делать, как поднять вверх ноги. В конце концов, всякое сопротивление сейчас было бы истолковано против него, и если уж этим людям захотелось рассмотреть его подошвы, они обязательно сделали бы это, даже если бы пришлось отрубить ему обе ноги до коленей вместе с сапогами.

— Да, осмелюсь доложить светлейшему герцогу Фредегару, да благословит Всемогущий Митра его

имя, именно эти следы оставил Ночной Губитель, — сказал советник, приблизившись и тщательно изучив подошвы.

В камере несколько мгновений царило напряженное молчание. Фредегар пронзал взглядом Конана, с силой вцепившись пальцами в подлокотники, так, что побелели костяшки, пока варвар, не отводя глаз, не ответил:

— Я проходил мимо храмовой ограды. Дело было глухой ночью, и вдруг оттуда слышались женские крики. Женщина так жалобно кричала, что я не выдержал и ринулся на помощь. Но когда я подбежал, она уже была мертва и, клянусь взглядом Крома, на губах ее еще теплилось дыхание, а вот сердца в груди несчастной я уже не увидел. Кто-то убил ее до того, как я подбежал, но мне ничего не удалось бы объяснить, поэтому я и исчез до того, как из храма вывалили люди с факелами. Так рядом с телом жертвы и появились мои следы.

— Правдиво, — с улыбкой кивнул Фредегар. — Ты подбежал, увидел несчастную и удалился... Правдиво, ничего не скажешь...

Внезапно он наклонился вперед, привстав на троне и опираясь о подлокотники обеими руками, и грозно спросил:

— А как же торговец старинными вещами и рукописями Унольф? Ты ночью проходил мимо его дома, слышал крики, забежал и обнаружил труп? Там тоже были твои кровавые следы! Ты убил и его, вырезав сердце несчастной жертвы для потехи Сета!

— А вот этого я не знаю...— развел киммериец руками, и его кандалы глухо брякнули при этом движении.— Я никогда не встречал человека, носящего такое имя, и даже не слышал о нем.

Герцог Херриды стянул на груди хламиду, скроенную из тончайшего льна цвета морской волны и расшитую прямыми рядами золотых тонких пластин. Он продолжал свирепо сверлить глазами Конана, и этот раскаленный взгляд не мог сулить тому ничего хорошего.

— Тубал, советник мой,— неожиданно спросил герцог, не оборачиваясь назад.— Скажи мне, что такое человек?

Как и в прошлый раз, зингарец выступил из-за спины и склонил голову:

— Осмелюсь сообщить светлейшему герцогу Фредегару, да благословит Всемогуший Митра его имя, я не могу дать ответа на этот вопрос.

— Так запомни, Тубал, что человек есть двуногое животное без перьев и почти без шерсти. Но от животных он отличается тем, что умеет врать! Если бы не доказательства, я никогда бы не подумал, что этот человек — Ночной Губитель. Глаза его говорят об обратном, но, видимо, Сет Проклятый помогает ему и руководит всеми его поступками. Ночной Губитель! Я, герцог Херридский Фредегар, приговариваю тебя к смерти! Ты виновен во всех десяти убийствах, и на площади Мертвеца состоится твоя казнь. В присутствии всех мирных жителей моего города тебе сначала будут жечь правую руку каленым железом, пока не сгорят до основания все пальцы. Потом плоть твоя

будет оторвана от костей в десяти местах, по количеству совершенных тобой убийств. Потом сердце вырвут у тебя из груди и бросят при всех тебе в лицо. И, наконец, тебя обезглавят, и голова твоя будет насажена на Позорный Шест, на коем будет торчать в назидание всем, пока само время не разрушит ее, пока солнце и дождь не превратят голову твою в прах.

Герцог величаво склонил голову и поднес руку к большому золотому медальону с изображением Лика Митры, висевшему в центре его груди на массивной золотой цепи.

— Перед Ликом Светлоокого я всегда клялся соблюдать закон и порядок в моей Херриде. И каждое гнусное преступление будет жестоко караться моей властью, и именем моим будет вершиться правосудие!

«Да,— вздохнул про себя варвар,— если бы выбирать, наверное, лучше было бы погибнуть в своем последнем бою... Почему на морском берегу мне не раскрыли молотом череп, когда мои руки старались распутать влажную сеть?»

— Казнь состоится через три дня в честь священного имени Иштар,— решил правитель и слегка повернул голову назад, обращаясь к своему советнику: — До этого времени приказываю каждый день держать Ночного Губителя в клетке, как дикого зверя. Клетку установить в центре площади Мертвеца, там, где состоится казнь Губителя, чтобы все жители Херриды могли посмотреть на гнусного убийцу и ужаснуться, глядя на его мощь, служившую злу.

Фредегар поднялся, и тут же трон был мягко подхвачен его свитой. Еще раз киммериец оценил сложение и стать герцога, говорящие о сильном и решительном характере. Несмотря на почтенный возраст и седины, плечи правителя, даже задрапированные тончайшей тканью голубой хламы, выдавали в нем настоящего бойца, с которым и Конану не зазорно было бы сойтись в честном поединке.

Но что варвар мог сделать теперь, скованный цепями и обвиненный в тяжких злодеяниях, которых он не совершал? Кто мог прийти ему на помощь в этой тесной камере и выручить его из беды? Он мог бы привести с собой под стены Херриды, чтобы отстоять свою честь, целое войско. Если бы он захотел, то собрал бы лучшие отряды неутомимых зуагиров, лихих степных наездников из Хаурана, или отважных бойцов-козаков из Турана, или целые колонны молчаливых афгулов, отличных лучников из Гимелийских гор. С моря могли бы подойти крепкогрудые корабли барахцев, помнящих грозное имя Амры, а из Немедии вниз по течению Громовой реки спустились бы бойцы Вольного Отряда, которым он когда-то командовал. Вся эта армия окружила бы крепостные стены и защитные сооружения, она разнесла бы их в прах, обратила город в руины, но доказала бы всем, что Конан из Киммерии не может быть подлым ночным убийцей!

Тысячи, десятки тысяч воинов из разных уголков хайборийского мира пришли бы, чтобы в кровавой битве отстоять его честь. Но тот, кто мог бы

собрать такую великую армию и привести могучий флот, обречен был недвижно сидеть в кандалах в позорной клетке на площади Мертвеца!

От бессильной ярости варвар готов был грызть зубами свои кандалы. Мышцы его вздувались буграми, когда он пытался вырвать цепи из стен, но этого ему сделать не удалось. Загремел в очередной раз засов металлической двери, и темница его наполнилась рослыми зингарцами. Не менее двух десятков самых крепких гвардейцев явились сюда по приказу герцога Фредегара, чтобы сначала связать его крепким корабельным тросом, а потом оттащить к повозке, запряженной двумя лошадьми, на которой уже возвышалась металлическая клетка, где Конану суждено было устрашать своим видом всех жителей Херриды.

* * *

В Храме Небесного Льва подходил к концу Час Бересклета и начинался Час Туберозы. Раскрывались лепестки этого ароматного цветка, и на Часах Цветов ярким пятном начинал белеть треугольный сегмент круга, глядя на который знающий человек понимал, что наступает полуденная пора. Раскаленное солнце похало на знойной лазури бескрайнего неба, и крупные бабочки, порхавшие утром около часов, уже стремились укрыться в тени густых, аккуратно подстриженных кустарников тамариска.

От жары нельзя было спастись даже под защитой каменного навеса галереи, опоясывавшей храм. Хлодвиг и Хундинг, не сговариваясь, одно-

временно страдальчески поморщились, провели по лбу тыльной стороной ладони и в одно мгновение тяжело вздохнули. С детства они привыкли к такой необъяснимой связи — стоило одному поправить волосы, как оказывалось, что то же самое делает и другой, стоило одному потянуться за кувшином с водой, как его рука сталкивалась на ручке с пальцами брата, да и просыпались они почти всегда в один и тот же миг.

— В такой зной нужно идти к морю и окунаться в прохладные волны, — недовольно сказал Хлодвиг. — Почему бы нам с тобой не сбегать на берег?

— Ты что, Хло, перегрелся на солнце? — испуганно спросил Хундинг. — Разве ты забыл, что велел нам наставник, когда уходил?

Хлодвиг обреченно кивнул и снова опустил глаза на огромный лист толстого манускрипта, обложка которого была переплетена шелковистой кожей и окована по углам металлом. Астрис ушел еще утром и дал своим воспитанникам задание на день — выучить гербы всех хайборийских городов, содержащиеся в Великой Книге Гереальдики.

— Еще бы мне не забыть! — воскликнул он в сердцах. — Только я уже все выучил! Вот Хауран, рядом Шадизар, вот этот, с золотым кривым мечом на зеленом поле, — Султанапур. Замбула, Кутхемес, Хоарезм... да я могу все рассказать об этих гербах. Пойдем на море, что нам тут торчать!

— Хло, я поражен... — отозвался Хундинг и почему-то огляделся по сторонам. — Тебе хочется

объясняться с наставником, краснеть и задыхаться от стыда только из-за того, что ты насладишься мальчишескими забавами? Купаться в море, когда тебя ждут серьезные занятия? Пускай ты выучил уже все гербы, но в этой книге есть еще немало каталогов! Здесь есть любопытные рисунки, образчики животного и растительного мира разных стран. Такие, что в нашей родной Немедии даже и не встречались!

Он перелистывал страницы манускрипта, соблазняя брата занимательными рисунками, но Хлодвиг только иронично покачивал головой:

— Не сомневайся, Хун, это нам также предстоит выучить за ближайшие дни. И растения, и животных, и названия хайборийских рек, и количество каменных блоков в стигийских пирамидах... Четвертый день подряд наставник покидает нас и уходит в город рано утром, в Час Козлобородника, а возвращается только тогда, когда наступает Час Лилии и всем разрешено пройти очищение перед приходом в храм. Каждый день мы торчим здесь и заучиваем всякую ерунду... Почему Астрис не хочет брать нас с собой?

Хундинг склонил набок голову, перевернул страницу, затем еще одну и признался со вздохом:

— Да я и сам об этом думал... Когда мы собирались в Зингару, наставник Астрис обещал нам интересное путешествие, встречи с разными людьми, интересные события. Вместо этого мы сидим день за днем в храме, заучиваем то, что могли бы учить и в Немедии, а он занимается какими-то таинственными исследованиями. И ничего не рас-

сказывает нам, когда возвращается... Зачем мы ему в Зингаре?

— Вот и я говорю тебе — давай сходим на море. Мы только окунемся пару раз у берега и тут же вернемся обратно. Задание на сегодняшний день мы все равно уже выполнили, поэтому сможем все точно ответить, если, конечно, наставник попросит это сделать. Заметь, он ни разу даже не проверил нас. Спросит только: «Вы сделали то, что я наказывал?», кивнет рассеянно головой и опять задумается о чем-то. Идем к морю!

Хлодвиг рывком поднялся с каменной скамьи, но Хундинг продолжал сидеть и нерешительно поглядывал вдаль. Взгляд его падал то на толстый манускрипт, то на раскаленное небо.

— Но ворота обычно заперты днем, — неуверенно протянул он. — Их отпирает служительница... Вдруг Астрис дал ей указание не выпускать нас наружу?

— Да перестань же колебаться! Не нужны нам никакие ворота, мы пройдем в обратном направлении и перелезем через ограду. Это легко, так мы и назад сможем вернуться, поэтому никто и не заподозрит, что мы вообще покидали храмовый двор и ходили на море...

Пальцы Хундинга уже отцепились от кожаного переплета манускрипта, за который держались последние мгновения, юноша вслед за братом поднялся со скамьи, и вдруг до него внезапно дошел смысл предложения Хлодвиг.

— Ты что, предлагаешь идти через Кладбище Четырех Фонтанов? — прошептал Хундинг, и на

лице его отразился неподдельный ужас. — Неужели нет другого пути и обязательно нужно пройти мимо могил, чтобы поплескаться в море?

— Да ты боишься! Робкий барашек, ты страшишься даже днем пройти по погосту, а я, не задумываясь, прибежал туда ночью!

— Да, конечно, прибежал, чтобы брякнуться без чувств на дорожку... — язвительно напомнил Хундинг. — На такое способен только подлинный герой...

— Хорошо, делай как считаешь нужным. А я не намерен запекаться здесь в духоте и немедленно направляюсь к морю...

Под сводами галереи раздались решительные шаги Хлодвиг. Он успел отойти совсем недалеко, когда в спину ему полетел голос брата, движущегося в том же направлении:

— Подожди! Не могу же я, в конце концов, бросить тебя в трудное мгновение...

Близнецы быстро миновали галерею, свернули вправо и спустились по длинным пологим ступеням, ярусами опоясывающими храм. К его задней стене примыкало Кладбище Четырех Фонтанов, и стоило Хлодвигу и Хундингу выйти на дорожку, как впереди показались фамильные склепы знатных зингарских родов. Усыпальницы здесь можно было увидеть самых разнообразных форм и размеров, из самых разнообразных камней, встречающихся в Зингаре.

Братья уже узнали от своего наставника, что в этом королевстве усыпальница всегда точно повторяет очертания дворца или замка, в котором

обитал покойный при жизни. Четыре Фонтана, день и ночь струившие печальную влагу по углам огромной черномраморной усыпальницы семьи герцога Фредегара, и точно такие же фонтаны, только большего размера, весело разбрасывали затейливые каскады у углов чертогов герцога в центре Херриды. Да и внутри, как не раз говорил наставник Астрис, усыпальницы часто напоминают своим убранством покои знатных зингарцев.

При дневном ярком свете хорошо были заметны трещины на стенах усыпальниц, напоминающие тонкие сети пауков, расщелины в покосившихся склепах и в некоторых местах даже выжженные солнцем белые бесформенные камни руин, несущих на себе печать глубокой древности. Хундинг старался как можно быстрее миновать пугавшее его суровое место, но он все время был вынужден сдерживать свои шаги, потому что его любознательный брат время от времени сворачивал в сторону с дорожки, чтобы прочесть надпись на заинтересовавшем его склепе.

— Ты ведешь себя, как на ярмарке! — прошипел Хундинг, почтительно понизив голос. — Рассматриваешь могилы, как редкие диковины...

— Ах, братец, если бы ты внимательно читал труды нашего мудрого отца Алкидха, то обязательно запомнил бы одно из его писем к достопочтенному нашему наставнику Астрису. Отец там написал, что весь хайборийский мир — одно большое кладбище, огромный погост, и мы, если вдуматься, окружены таким количеством могил, что не можем даже из дома выйти, чтобы не попятить

своими стопами какого-нибудь истлевшего мертвеца... Стой! — вдруг напряженно прошептал беззаботно размышлявший Хлодвиг. — Стой и иди сюда!

Не успел его брат удивиться, как был буквально затащен за угол старого склепа, земля рядом с которым была усеяна выкрошившимися кусками кирпичей, сквозь которые упрямо пробивались стебли чахлых пыльных вьюнков.

— Ты что? — еле слышно выдохнул Хундинг. — Чуть с ног меня не свалил!

— Не двигайся... замри, прошу тебя!

Казалось, только слабое гудение мух нарушало раскаленную тишину погоста. Похолодевший Хундинг чутко прислушивался, прижавшись спиной к неровной стене, снизу доверху покрытой трещинами. Внезапно он уловил какое-то движение совсем рядом со своей головой, и через мгновение из его груди вырвался крик ужаса — на расстоянии ладони от левого уха выполз огромный черный паук!

Ладонь Хлодвига мгновенно легла на разинутый для вопля рот брата и превратила его звук в сдавленное мычание.

— Что ты орешь, бараний лоб! — яростно прошипел он. — Я же сказал тебе: замри!

Передвигая тонкими изломанными лапами, черный паук спокойно направился наверх, к крыше склепа, не причинив близнецам никакого вреда. Хлодвиг ощутимо толкнул брата локтем в бок и шепнул: «Смотри туда!», Они присели и осторожно выглянули из-за угла.

Оровез из Междуречья, теннетор Храма Небесного Льва, был хорошо знаком Хундингу. Как только между углами усыпальниц мелькнул пурпурный саккос, сразу стало понятно, кто его владелец. Близнецы, бесшумно передвигаясь, переступая на носках, шли в том же направлении, укрываясь за склепами и в одно мгновение преодолевая расстояние от одного к другому.

Но за Оровезом шел еще кто-то, и как братья ни пытались, понять, кто это, они пока не могли. Массивная темная фигура неотступно двигалась за теннетором, но до тех пор, пока оба они не вышли на открытую площадку, невозможно было даже остановить на них взгляд.

— Какой-то чернокожий...— прошептал Хундинг.— Никогда не видел его здесь... Похож на кушита или дарфарца. Но что он делает в храме?

Хлодвиг молчал, ощущая, как его сердце начинает трепетать от волнения. Он-то хорошо помнил этого исполина с кожей цвета черного мрамора, появившегося на кладбище ранним утром после ночного убийства Адальджицы. Высокорослый кушит шел тогда тяжело и неторопливо, таща за собой обрезок толстого бревна. Это бревно с хрустом разравнивало дорожку из гравия, стирая все следы на том месте, где в полночь лишилась жизни и сердца рыжеволосая жрица. С тех пор ни Астрис, ни Хлодвиг не видели чернокожего, и сейчас юноша не замечал, что до крови кусает губу, пытаясь понять, что все это означает.

Оровез и черный великан приблизились к усыпальнице герцога Фредегара, подкрались к ней и

близнецы, уже слышавшие журчание струй всех четырех траурных фонтанов.

Некоторое время теннетор что-то говорил своему спутнику, а потом неожиданно поднялся по ступеням, нажал на какой-то камень рядом с дверным порталом, и тяжелая створка подалась, освобождая проход.

— Знаешь, Хун, мне кажется, что к морю мы сегодня не попадем...— предположил Хлодвиг, когда дверь усыпальницы за ними затворилась.— Смотри, что происходит... нужно обо всем рассказать наставнику.

* * *

Астрис Оссарский стоял на площади Мертвеца. На каменном постаменте возвышалась большая клетка, используемая обычно для содержания крупных хищных животных наподобие льва или медведя. Но на этот раз за решеткой можно было видеть человека.

Толпа, вечно узнающая обо всем, заполнила площадь Мертвеца еще до того, как отряд гвардейцев доставил сюда клетку. Разодетые по последней аквилонской моде молодые щеголи и селяне из предместий в грубых башмаках, ремесленники в лоснящихся кожаных жилетах и рыбаки в просоленных куртках,— старые и молодые, толстые и худые,— все они явились сюда, поверив слухам, мгновенно разлетевшимся по всему городу. Гвардейцам пришлось кнутами расчищать проезд, почти прорубать проход, как просеку в лесу, чтобы доставить к постаменту клетку.

Нестройный гул нарушил молчание, царившее на площади, когда все смогли разглядеть человека, сидящего за решеткой. Черноволосый плечистый мужчина спокойно взирал на жадно разглядывающих его ротозеев. Его, казалось, мало беспокоило то, что происходило вокруг, и уж никак не задевали оскорбления, сыпавшиеся со всех сторон.

Лавочники и носильщики, сапожники и цирюльники, домохозяйки и прачки — все они, еще недавно дрожавшие от страха при наступлении темноты, теперь старались протиснуться поближе к прутьям, чтобы выкрикнуть в лицо злодею обидное оскорбление или ругательство. Поэтому гул на площади становился все громче, присутствующие на ней обыватели распалялись все горячее, и некоторые крики явно не уступали яростному собачьему лаю.

Но неожиданно все притихли, потому что на каменном возвышении рядом с клеткой показался низкорослый худой мужчина в парадной зингарской хламиде, оставлявшей обнаженной правое плечо. Астрис, изучающий этого человека, услышал, как по площади волнами расходится имя: «Тубал... Тубал... Тубал...»

— Именем правителя города Херриды светлейшего герцога Фредегара, да благословит Всемогущий Митра его деяния!!! — прокричал он, набрав воздуха в грудь.

— Да здравствует Фредегар! — выдохнула толпа в ответ, и Астрис заметил, как мужчины сдернули шапки с голов и отбросили назад капюшоны, защищавшие затылки от солнца.

— Герцог Фредегар сообщает всем жителям Херриды, что страшный злодей, прозванный за свои гнусные убийства Ночным Губителем, пойман по его приказу!

Толпа буквально взревела и заколыхалась от восторга.

— Справедливый правитель Херриды назначил день казни! В день чествования богини Иштар на площади Мертвеца Ночной Губитель будет наказан за свои злодеяния!

Со всех сторон раздался такой яростный вой и свист, что на несколько мгновений Астрису даже заложило уши от шума. Он чувствовал, как злоба и ненависть к человеку, сидящему в клетке, пронизывает всех находящихся на площади наподобие молнии, объединяет всех в порыве бешенства и заставляет выть и кричать, словно безумных. Но стоящий рядом с прутьями Тубал продолжал речь:

— Ровно в полдень в присутствии всех мирных жителей Херриды Ночному Губителю сначала будут жечь раскаленным железом правую руку, пока не сгорят пальцы, которыми он вырывал сердца у своих жертв...

Толпа застонала от удовольствия, словно каждый ощущал физическое наслаждение от предвкушаемого удовольствия наблюдать за мучениями изверга.

— ...Затем плоть его будет отодрана от костей в десяти местах, по количеству убийств! После этого сердце будет вырвано из груди Ночного Губителя так же, как он вырывал его у своих жертв, и брошено ему в лицо! И наконец, злодея обезг-

лавят, и его голова будет насажена на Позорный Шест!

Каждую новую пытку толпа встречала шумным взрывом восторга. Мужчины толкали друг друга плечами, женщины страстно охали и скрещивали руки на груди от полноты нахлынувших на них чувств. Астрис видел, что лица почти всех присутствующих прямо-таки светятся от удовольствия, на щеках многих миловидных девушек горел яркий румянец, а глаза их сверкали от предвкушения наслаждения приближающимся зрелищем.

Только один человек рядом с Астрисом не буйствовал и не орал вместе со всеми. Аквилонец сразу заметил, что смуглый и худой, точно высушенный солнцем, старик с горечью смотрит в центр площади, и на лице его написано явное отвращение к происходящему. Роста он был небольшого, поэтому, чтобы увидеть, что именно творится, старику приходилось вытягиваться и выглядывать поверх чужих плеч и голов.

— Герцог Фредегар, да хранит Всемогущий Митра его светлое имя, и впредь обещает всему жителям Херриды оберегать их покой и наводить порядок в городе, жестоко карая гнусных преступников! — закончил свою речь Тубал. — Да здравствует герцог!!!

— Да здравствует герцог! — подхватила толпа, и восторженный клич разнесся по отходящим во все стороны улицам от площади до самых дальних уголков города Херриды. — Да здравствует герцог!!!

Волнами колыхалось немыслимое скопление народа. В жарком воздухе стоял отвратительный

запах немых тел, острой пищи и обильно выпитого вина. У всех присутствующих было полное ощущение надвигающегося праздника и жестокость предстоящей казни только сильнее возбуждала их.

Астрис заметил, что смуглый старик с печальным лицом изо всех сил старается пробраться сквозь плотную толпу к центру площади. Он ввинчивался между людьми, проскальзывал под их руками, но шаг за шагом приближался к каменному возвышению, на котором мрачно возвышалась клетка.

Гам вокруг стоял такой, что, казалось, содрогаются мрачные стены домов, окаймляющих площадь Мертвеца. Даже красные черепичные крыши сплошь чернели фигурами зевак, сверху паливших на заполненную народом площадь и стоящую в центре клетку. Толпа внизу беспрестанно колыхалась, необъяснимым образом по скоплению людей точно пробегали волны. Астрис почувствовал, как могучая сила разворачивает всю эту ораву то в одну, то в другую сторону, заставляя людей хвататься друг за друга.

Ни на мгновение аквилонец не упускал из вида заинтересовавшего его старика и старался следовать за ним. Эта пара продвигалась к центру площади медленно, буквально завоевывая каждый шаг в противоборстве с толпой, но все-таки упорство в конце концов оказалось вознаграждено — сначала смуглый зингарец, а потом и Астрис почти вплотную приблизились к каменному возвышению, на котором возвышалась позорная клетка.

На суровом мужественном лице Конана было написано отвращение ко всему происходящему. Брезгливая улыбка блуждала по его обветренным губам, когда варвар поднимал глаза и обводил взглядом распалившуюся площадь. Во всей его фигуре, в каждом повороте головы читалась несокрушимая уверенность, и это еще больше разжигало ненависть потных зевак. Густые черные брови киммерийца мрачно нависали над его глазами, и тяжелый стальной взгляд сверкал каждый раз, когда он поворачивал голову.

— Амра! Я не виноват! — сдавленным голосом прокричал смуглый старик, вытянувший голову по направлению к клетке. — Клянусь поясом Бела! Они обманули меня... Я не виноват!

Конан на сразу нашел глазами того, кто обращался к нему. Астрис видел, как варвар несколько раз перевел глаза справа налево, прежде чем взгляд его уперся в старого зингарца.

— Амра! Тебя оклеветали! Я не верю, что ты — Ночной Губитель! — иступленно закричал тот, встретившись глазами с киммерийцем.

В ответ Конан только усмехнулся и могучей пятерней отбросил густые пряди со лба. Было понятно, что он ничего не боялся, ни тени страха не было заметно на его суровом лице.

Вооруженный гвардеец, охранявший клетку, увидел, что старик пытается говорить с пленником, и насторожился. Старик не замечал этого, потому что взгляд его был прикован к прутьям, но Астрису хорошо было видно, как охранник медленно подходит, настороженно прислушиваясь.

— Будь осторожен! — отчетливо сказал аквилонец, когда старик в очередной раз вытянулся и уже набрал воздуха в грудь, чтобы перекричать рев толпы. — За тобой следит охранник, и это может быть опасно!

Зингарец резко повернулся, и его черные пронзительные глаза испытующе уставились на Астриса. Он изумленно спросил:

— Кто ты, чужеземец? Раньше я никогда тебя не видел!

— Я тоже не верю, что сидящий в клетке, — Ночной Губитель. А тот, кто сидит сейчас в клетке, знает меня под именем Астриса Оссарского.

По-прежнему орала и бушевала вокруг беснующаяся толпа. Внимательно смотрел сверху охранник, но Астрис со стариком не отходили от каменного парапета и изо всех сил цеплялись за край, когда очередная волна пыталась оторвать их и оттеснить в сторону.

— А меня он знает под именем Марон, — отозвался старый зингарец после некоторого раздумья. — Неужели его все-таки казнят?

Аквилонец стоял молча, то и дело отталкиваясь плечами от напиравших сзади. Он как будто и не слышал обращенного к нему вопроса, мрачно уставившись в одну точку, — создавалось ощущение, что он сосредоточенно раздумывает или пытается что-то вспомнить.

Потом он вскинул голову и крикнул что-то сидящему внутри клетки. Со стороны казалось, что Астрис, как и все присутствующие на площади, проклинает Конана, что уста его изрыгают гнус-

ные ругательства, но Марон не понял ничего из сказанного аквилонцем. Слова звучали необычные, мощные, грубые.

Варвар от неожиданности вздрогнул, когда сквозь шум до него донеслись эти слова, он даже приблизился к прутьям, чтобы лучше расслышать то, что кричал аквилонец, и Астрис, заметив это, повторил фразу еще раз. Потом он потянул старика за рукав.

— Пойдем, Марон, нам пора исчезать отсюда, — сказал он. — Здесь оставаться нельзя, ведь охранник пошел к своему начальнику. Мне не хочется ничего объяснять гвардейцам, у меня совершенно противоположные планы на сегодняшний день...

Они развернулись и через несколько мгновений растворились в колышущейся толпе, как в густой тине болота, так что охранник, вскоре вернувшийся вместе со своим командиром и тремя гвардейцами, не смог обнаружить их фигуры нигде поблизости от центра площади.

Выбираться из толпы оказалось делом не менее трудным, чем пробиваться к центру, поэтому Астрису и Марону пришлось затратить немало усилий, прежде чем им удалось достигнуть одной из улиц. Все новые и новые ротозеи направлялись сюда, поэтому только им двоим приходилось плыть против течения.

— Скажи мне, уважаемый Астрис, что ты кричал Амре? И на каком наречии ты объяснялся с ним? — спросил Марон, когда они отошли от площади Мертвеца настолько, что вокруг уже не было плотной толпы.

— Я знаю немало языков нашего мира и много могу объясняться на том наречии, на котором наш друг говорил с детства. В суровой Киммерии и язык звучит сурово. По-киммерийски трудно, наверное, объясняться в любви прекрасной девушке, но легко разговаривать с другом, которого хочешь спасти от смерти...

* * *

Обед герцога Фредегара подходил к концу. Лоснился чистый пол Трапезной залы, блестили обсириановые чаши с изысканным светлым зингарским вином, и слегка курился сладостный дым вендийских благовоний, таинственно тлевших в двух плоских оловянных чашах на треножниках.

Герцог обычно предпочитал заканчивать трапезу нежным сыром из молока молодых буйволиц, каждый пластик которого был ювелирно тонко покрыт эмалью янтарного меда диких пчел, обитавших на склонах Рабирийских гор. В этот день он уже расправился с мясистым клинком крупной рыбы-меч, поданной к столу в продолговатых ножнах расписного фарфорового блюда, наполненного обжигающе острым соусом из креветок; герцог не привечал бесцельного обжорства, но, как старый закаленный воин, знал, что мужчине требуется сила. Он привык к лепешкам из муки самого грубого помола, но запеченным с самыми дорогими вендийскими и хитайскими пряностями, и с удовольствием наслаждался этими лепешками вместе с салатами из барахских гигантских кальмаров, смешанных с ароматными мясистыми

лепестками шафрана, полыхавшими в миске лучами закатного солнца.

Каждый обед его проходил под тихую музыку, и герцог требовал от придворных исполнителей особой музыки к каждому блюду — не станет же, в конце концов, светлейший правитель Херриды вкушать копченое мясо антилопы под мелодию, предназначенную для жаренного на углях быка!

Под сводами Трапезной залы звучала изысканная мелодия Сыра. Дрожащая тема слетала с трубы продольной позолоченной флейты и извивалась в воздухе, как изощренная линия рисунка, выходящая из-под стилоса живописца. Равномерно звучали влажные переборы аккордов арфы, глухо рокотали тимпаны, сделанные из рыбьей кожи, натянутой на выдолбленные изнутри пальмовые колоды.

Последний золотисто-янтарный ломтик исчез в желудке правителя. Герцог откинулся на спинку кресла, и сразу же рядом с ним вырос дворцовый мальчик-слуга, угодливо подставивший хозяйину широкую миску с родниковой водой, на поверхности которой плавали желтые диски кусочков мелона. Душистый и ароматный, чем-то напоминавший оранжевые кхитайские яблоки, мелон служил отличной приправой для салатов, сок его вместе с водой прекрасно утолял жажду и в то же время помогал избавиться от рыбного запаха.

Фредегар окунул расслабленные пальцы в миску, стряхнул капли воды, и с другой стороны кресла мгновенно появился другой мальчик с подносом, на котором покоилась полоса драгоценной

ткани, расшитая гербами герцогского дома. Правитель обтер руки, и музыка стихла. Челядь благоговейно склонила головы — властитель остался доволен обедом, значит, день должен был окончиться для всех благополучно.

Послеобеденное время герцог обычно проводил в галерее, примыкавшей с северной стороны к Трапезной зале. Через полукруглые пролеты арок струился свежий воздух из дворцового сада, несущий с собой самые изысканные ароматы цветов и кустарников. Высокий купол галереи представлял собой точную копию ночного неба — на черном бархате мерцали драгоценные камни и жемчужины, расположение которых по своим очертаниям повторяло изгибы звездных цепей на бездонном черном небе Зингары. Здесь были и Южный Крест, и Большая Секира, и все зодиакальные созвездия.

Искусственные звезды подсвечивались ярким раскаленным солнцем, лучи которого упирались в верхнюю часть купола галереи; звезды словно распластывались на непроницаемой тьме прочной материи, многократно наслаиваясь друг на друга, дробились и растворялись в обманчивой перспективе.

Придворный астролог лично составлял эскиз рисунка, послужившего основой для украшения купола; он часто являлся по приказу герцога, чтобы рассказать одну из бесчисленных тайн, скрытых в бездонной звездной пропасти, нависавшей над Херридой.

И в этот раз после роскошного обеда Фредегар последовал в сторону галереи и удобно устроился

на ложе, покрытом тканью из листьев валузийского подводного дуба. В жару ткань приятно холодила и словно струилась вдоль кожи, в прохладное время давала приятное ощущение тепла, и правитель никогда не мог отказать себе в удовольствии отдохнуть после трапезы, набросив на плечи магическую ткань.

Не успел он сосредоточиться на своих мыслях и погрузиться в размышления, как на пороге возникла фигура слуги. Слуга раболепно склонил голову и остановился в десятке шагов, ожидая распоряжений хозяина.

— Что тебе? — едва слышно спросил Фредегар.

Он всегда очень тихо разговаривал со своими слугами, справедливо полагая, что не нужно тратить слишком много сил на такие пустяки, поэтому вся дворцовая челядь напряженно ловила каждое слово властителя. Разумеется, переспросить герцога не решался никто.

— Осмелюсь нарушить твой отдых, светлейший герцог, да хранит Всемогуший Митра твое имя! Но советник Тубал спрашивает высочайшего разрешения, он просит о милости говорить со светлейшим герцогом.

Фредегар ответил утвердительно, и через мгновение после того, как слуга исчез в проеме двери, под куполом галереи показался Тубал, облаченный в парадную зингарскую хламиду темно-синего цвета, застегивавшуюся золотой пряжкой на груди и оставлявшую обнаженным правое плечо. Советник встал на одно колено, склонил голову, его левая рука, описав широкий круг, плавно легла

на обнаженное плечо в ритуальном знаке приветствия, и он воскликнул:

— Тубал приветствует светлейшего герцога Фредегара, да ниспошлют всемогущие боги ему долгих дней!

— Герцог приветствует своего советника... Расскажи мне, как воспринял народ известие о казни Ночного Губителя?

— Ваши подданные ликуют! Великое множество горожан собрались в этот день на площади Мертвеца, чтобы воочию посмотреть на страшное чудовище, по воле злобного Сета столько дней терзавшее Херриду. Все жители города выражают светлейшему герцогу свою благодарность, воздух сотрясаясь от криков «Да здравствует герцог!» и славы в его честь. Херридцы с одобрением выслушали о казни, назначенной для Ночного Губителя, и все полностью одобрили ее суровость! Подданные светлейшего герцога с нетерпением ждут казни.

Роскошные седины Фредегара качнулись, он одобрительно кивнул головой и скрестил руки на груди, подняв глаза к куполу, сверкающему искусственными звездами.

— Перед казнью мне нужно будет поблагодарить Ночного Губителя, — усмехнулся герцог. — На морском берегу он убил осведомителя, и тем самым вознаграждение, которое я обещал за его поимку, останется в казне. Очень похвально...

Фредегар умолк и какое-то время внимательно рассматривал купол. Советник терпеливо ждал, не решаясь нарушить молчание.

— У тебя есть еще какое-то дело? — полувопросительно-полуутвердительно произнес правитель. — Если ты что-то хочешь сказать, говори.

— Один необычный человек хочет видеть тебя, светлейший герцог. Он назвал свое имя, и должен сказать, что я уже слышал его раньше. В западных хайборийских королевствах этого человека знают как Астриса Оссарского, знаменитого аквилонского путешественника и ученого.

— Кажется, я тоже слышал о нем. Что же, светлейший герцог никогда не отказывался от бесед со странствующими мудрецами. Пусть приходит через несколько дней после казни Ночного Губителя улягутся страсти, я прикажу придворному астрологу явиться ко мне, и мы насладимся неспешным течением мудрой беседы.

— Осмелюсь доложить, светлейший герцог, да хранит Всемогущий Митра твое имя, Астрис Оссарский просит, чтобы ты принял его немедленно. Он сказал, что герцог сразу согласится принять его, как только услышит, что он хочет открыть...

Брови правителя Херриды изумленно взмыли вверх, и он внимательно уставился на своего советника. Ветер колыхал листья плюща, каскадом низвергавшегося вдоль колонн галереи, и от этого все вокруг было наполнено легким шелестом и слабым колыханием теней.

— Я пережил немало на своем веку, — усмехнулся Фредегар. — Мне пришлось подавлять восстания, раскрывать заговоры, но никто еще ни разу не решал за меня: соглашусь я или не соглашусь!

Никому еще не удавалось заставить меня сделать то, чего я не хочу... И что же хочет открыть мне твой странник?

— Осмелюсь доложить светлейшему герцогу, да хранит каждое мгновение Милосердный Митра его здоровье, что Астрис Оссарский собирается открыть подлинную тайну Ночного Губителя!

Унизанные перстнями пальцы Фредегара отбросили тончайшее покрывало из листьев подводных дубов, и он легко, как юноша, поднялся со своего ложа, тускло звякнув висевшей на груди толстой золотой цепью. Не отвечая ничего, он сначала подошел к арке и бросил взгляд на буйствующую зелень дворцового сада и на все возможное великолепие ярких цветов. Только потом герцог произнес:

— Тайна Ночного Губителя находится сейчас на площади Мертвеца. Может, именно ее имел в виду путешественник? Но в таком случае я прикажу слугам за неслыханную дерзость бить его хлыстами. Надолго останется тогда Зингара в его памяти. Но, может быть, он сообщит что-то еще? Хорошо, Тубал, можешь сказать ему, что светлейший герцог согласен встретиться с ним немедленно. Пусть войдет.

Астрис Оссарский появился на галерее и приветствовал правителя глубоким зингарским коленипреклоненным ритуалом. Он не раз уже бывал в Зингаре и был хорошо осведомлен о правилах дворцового этикета, хотя еще ни разу не удостоивался чести беседовать с владыкой. Герцогу он пожелал долгих лет здравствования и правления

Херридой, а Херриде — долгих лет великолепного правления герцога.

Дорожная туника аквилонца, старавшегося держаться в тени, выглядела строгим торжественным плащом, в котором благодарный иноземец явился бы на прием к могущественному властителю.

— Хорошо, уважаемый Астрис Оссарский, светлейший герцог слушает тебя, — кивнул Фредегар, когда гость выполнил все ритуалы, необходимые для соблюдения при первой встрече. — Ты можешь все рассказать мне.

Фредегар снова опустился на свое ложе, а Тубал почтительно замер рядом, всем своим видом изображая полное внимание. Но аквилонец не спешил говорить, и через некоторое время молчание стало угрожающе затягиваться. Астрис стоял напротив Фредегара, спокойно и уверенно глядя на него.

Первым не выдержал Тубал. Чуть подрагивающим от волнения голосом он обратился к гостю:

— О, уважаемый чужестранец! Правитель, да хранит его Всемогущая Длань Митры, и так уже был добр к тебе, он согласился принять тебя немедленно. Так что же уста твои молчат?

Аквилонец обернулся и красноречиво посмотрел себе за спину. Советник герцога окаменел от ужаса — никто еще не осмеливался требовать сиденья во время беседы с герцогом! Тубал даже едва заметно вжал голову в плечи, ему не раз приходилось видеть своего властителя в гневе, поэтому он ожидал, что громовой командный голос через мгновение оглушит всех присутствующих.

Но, к его изумлению, Фредегар спокойно отнесся к выразительному взгляду путешественника. Он с некоторым одобрением кивнул головой и тихо приказал:

— Тубал, советник мой, почему до сих пор ты не предложил уважаемому гостю сесть? Видимо, он собирается беседовать долго, поэтому распорядись, чтобы ему принесли сиденье!

Через несколько мгновений Астрис смог опуститься на жесткую подушку приземистого кресла с широко разведенными подлокотниками в виде птичьих крыльев, но без спинки, что не давало сидящему в нем возможности откинуться назад. Два пары перекрестно наклоненных ножек из красного дерева также были выполнены в виде мощных птичьих лап с когтями — разве что в горах Кезанкиана можно было бы встретить огромных стервятников с подобными лапами, легко разрывающими туши горных баранов.

— Достопочтенный герцог! — певучим низким голосом начал аквилонец. — В течение последних тридцати лет, пользуясь разными способами и посещая разные страны, с превеликим трудом и усердием я стремился овладеть наивысшим знанием, какое только доступно обыкновенному смертному. В поисках истины я пересекал моря, переходил из края в край, и вот, наконец, мой близкий друг Томезиус, бывший теннетор Храма Небесного Льва, снова пригласил меня в замечательный город, имя которому — Херрида. Но прибытие мое было омрачено известием об ужасной гибели моего старинного ученого друга! Я узнал, что

некий душегуб, прозванный в народе Ночным Губителем, убивает мирных жителей благословенного града и в числе его жертв оказался сам месьор Томезиус.

— Да, его смерть опечалила и меня,— величественно тряхнул сединами правитель.— Я ценил покойного, и он рассказывал мне о своем друге, аквилонском путешественнике. Так из твоих слов, странник, можно понять, что на своем веку ты посетил не один славный край? Как тебе показалась Херрида с ее великолепными улицами и площадями?

— Светлейший герцог! По свидетельствам минувших веков, Херрида существует на месте древнего, давно погибшего валузийского города,— видимо, это был самый главный город легендарного валузийского королевства. И с этим связано то, о чем я немедленно захотел говорить со светлейшим герцогом. Точнее, об этом хотели говорить мы вместе с покойным теннетором, но он загадочно погиб перед моим приездом. Я могу сейчас доказать благородному правителю, что Томезиус погиб не случайно.

— Ты говоришь загадками, путешественник. Ты произвел на меня благоприятное впечатление, но, если я разочаруюсь, тебя настигнет суровое наказание...

Вместо ответа Астрис достал из необъятных складок своей туники небольшой продолговатый сундучок, покрытый затейливой резьбой.

— Близ фундамента старинной башни, на западной стороне Верхнего города по твоему приказу,

светлейший герцог, прокладывали дорогу. На пути встала глыба, обломок старой колонны. Когда ее отвалили в сторону, под ней нашли вот этот ларец...

Фредегар и Тубал невольно устремили взгляд на пальцы аквилонца, медленно открывающие бугристую крышку. Астрис развернул сундучок торцом, словно нацеливаясь им во Фредегара, как из арбалета, и продолжил:

— Я полагаю, что сердца строителей дороги дрогнули от счастья, когда они обнаружили эту находку. Но им пришлось очень сильно разочароваться, узрев его содержимое. А зря — в этом ларце скрыт ключ ко многим тайнам, в том числе и тайне Ночного Губителя.

Он поставил ларец на колени и извлек оттуда древний свиток.

— Здесь три листа. Можно убедиться, что давно листы эти были сложены таким образом, что меньший находился в середине, запечатанный отдельно. Второй служил как бы его обложкой и тоже был запечатан. Третий, самый крупный, содержал в себе оба первых пергамента и также скреплен печатью. Я могу утверждать, что эти листы содержат в себе послание, предупреждающее о страшном зле, гнездящемся в самом центре Херриды.

Герцог Фредегар недовольно сдвинул седые брови и грозно взглянул на своего советника. Он считал, что своей властью выжег зло, причем сделал это без подсказок каких-то мудреных манускриптов.

Тубал, пожирающий своего повелителя преданными собачьими глазами, послушно склонил го-

лову и хотел уже вмешаться в ход рассуждений Астриса, но тот уверенно продолжил:

— Каждый из листов написан на разном языке. На первом, самом меньшем, можно обнаружить лишь значки и странные символы, напоминающие древний язык пиктских друидов. Этот язык в ходу и сейчас у варварских племен, населяющих недружелюбные Пустоши, и во время моих путешествий я смог познакомиться с ним настолько, чтобы прочесть свиток, перерисованный, быть может, с более древней каменной скрижали. Следующий язык родственен чем-то современному зингарскому, но в нем есть много примет, показывающих его смешанное происхождение,— это наречие царствовало в зингарских краях в то время, когда пиктские агрессивные племена, поглотившие безымянный жалкий народ долины Цингт, стали испытывать влияние хайборийцев. А на последнем листе любовью грамотей сможет разобрать настоящую зингарскую речь. Сравни все листы, досточтимый герцог! Что между ними общего?

Склонясь над самым маленьким пергаментом, подставленным Астрисом, Фредегар погрузился в размышление и ничего не отвечал, пока его взгляд так же тщательно не исследовал и два других документа.

— Я вижу какие-то кружки, квадратики, линии...— недовольно хмыкнул герцог.— Что в них таинственного?

— На всех трех мы найдем изображение карты! Славный герцог видит толстую змеистую линию на всех листах? Готов поклясться короной

Иштар, что это изображение Громовой реки! Вот этот завиток означает то место, где она впадает в Западное море, а значит, кружки и квадратики, которые заметил светлейший герцог,— план того самого града, который ныне мы величаем Херридой. Здесь можно разобрать многое, черту Нижнего города и границу Верхнего, площадь Мертвеца и Рыбный рынок, но везде особо помечен Храмовый Холм. Ты знаешь, что расположено там, могущественный герцог?

— Конечно. Храм Небесного Льва...

—...и Кладбище Четырех Фонтанов! На всех листах особо обозначено это место.

— Слова твои пока темны, философ. Напомню тебе, что ты обещал открыть мне тайну Ночного Губителя, а вместо этого показываешь какие-то заплесневелые листы... О чем ты будешь сейчас говорить?

— О звездах! — твердо ответил Астрис, и лицо Фредегара изумленно вытянулось.— О звездах, изображение которых венчает купол твоей галереи, славный герцог, и о науке, позволяющей понимать смысл их движения!

Глаза Фредегара опустились на свитки, потом поднялись на аквилонца, и, судя по всему, герцог уже готов был прервать мудреца и суровым голосом отдать приказ о его наказании, как Астрис вдохновенно произнес:

— Поверь, в астрологии я не какой-нибудь жалкий неофит, из тех, что смотрят на холодную недосыгаемую луну и воют голосами голодных волков, пытаюсь понять загадки ее изменения.

Астрология за долгие годы дала мне возможность понять, что и луна, и звезды, и вся небесная твердь, исчезающая в бездонных угольных пустотах ночи, — все это находится внутри нас самих. В большом так же отражается малое, как и в малом — огромное, и везде есть Истина, касающаяся всего неизведанного божественным лучом, острием Взгляда Всезнающего Митры. Мало кто знает точное строение человека, ибо хайборийские законы запрещают проникать внутрь тела после его смерти. И все же мудрецы давно тайным образом вскрывают безжизненные тела, чтобы понять великую загадку Жизни. Так вот, светлейший герцог, должен тебе сказать, что внутреннее строение человека точно такое же, как строение перламутрового морского гребешка...

— Потрясающая весть! — язвительно отозвался Фредегар. — Ничего более глубокого я давно не слышал. И это все, о чем ты хотел сообщить мне, мудрствующий странник?

— А строение морского гребешка повторяет своими очертаниями изгибы звездных цепей! Звездные цепи — это скелет, а фосфоресцирующая тьма — кровь, их облегающая. Звезды и планеты живут и вмещают нас точно так же, как и мы вмещаем их. В нашем, низшем мире ничто не происходит случайно, не происходит ничего, что не направлялось бы свыше. Все движения и перемены в подлунном мире вершатся по воле вечносущего Неба, обители богов. И именно с этим связано содержание всех листов, заключенных в этот небольшой кованый ларец...

За время рассказа Астриса неожиданно поднялся сильный ветер. Если при появлении аквилонца в покоях властителя в дворцовом саду стояла полная тишина и только струи фонтанов ласково перешептывались друг с другом, то сейчас с галереи было заметно, как под неистовым напором ветви деревьев изгибаются в мучительных порывах, листья взволнованно шумят и капризные нежные цветы спешат закрыть свои бутоны, дрожа от предчувствия грозы.

На несколько мгновений наставник умолк, невольно обратив свое внимание в сторону начинающей волноваться буйной зелени сада, а потом продолжал:

— Все листы связаны и с тайнами небес, и с загадочными убийствами в Херриде, и с многими другими тайнами. Светлейший герцог, да хранят золотые персты Митры его имя, может поднять глаза к своему замечательному куполу, с правдивой точностью изображающему звездное небо. На нем прекрасно различимы все небесные фигуры, в том числе и круг из двенадцати созвездий, именуемых зодиакальными. Именно они определяют жизнь каждого человека, и каждый опытный астролог может по их сочетанию читать жизнь каждого как развернутый свиток.

Астрис поднял старые листы и потряс ими в воздухе, повысив голос:

— Каждую тысячу лет на том месте, где раскинулась благословенная Херрида, в одно и то же время происходили ужасные убийства! В самой старой рукописи повествуется, что убийства со-

вершались каждые три дня и сопровождались ужасной подробностью: у всех жертв из груди вырывались сердца! Об этом же можно прочитать и в рукописи, созданной спустя тысячу лет,— тогда страшные убийства потрясли небольшое поселение, стоящее на месте прежней Херриды. Наконец, последний документ имеет дату, и он был оставлен ровно тысячу лет назад, когда уже существовала Херрида, существовал Храмовый Холм — все злодеяния совершались именно вокруг него. Некое существо пробуждается, могу я утверждать, и каждую тысячу лет собирает кровавую жатву, убивая свои жертвы, похищая их сердца и оставляя на лицах несчастных странное клеймо!

Фредегар изумленно взглянул на своего советника и спросил:

— Странник, то есть ты хочешь сказать, что этому варвару, сидящему в клетке на площади Мертвеца, исполнилось около четырех тысяч лет?

— Я думаю, светлейший герцог, что ему тридцать пять-сорок лет. У него свой путь, и этот путь не имеет никакого отношения к зверствам Ночного Губителя, которые необъяснимым пока для меня образом связаны со Звездным Кристаллом.

— Не лучше ли позвать моего придворного астролога? Ты красиво говоришь о звездах, и я хочу знать, что в твоих словах правдиво!

— Светлейший герцог! Над твоей головой копия звездного неба. Взгляни на мерцающие камни, изображающие звезды, и ты увидишь зодиакальный круг!

В галерее становилось все темнее. Ветер не утихал и закрывал мрачными тучами небо над Херридой. С каждым мгновением все ощутимее приближалась гроза. Невольно Астрис начал говорить быстрее. Он словно хотел успеть закончить свой рассказ до того, как напоенные влагой свинцовые тучи разразятся дождевыми потоками, и поэтому речь его звучала более напряженно и взволнованно:

— Круг из двенадцати зодиакальных созвездий — круг человеческой жизни, но один раз в тысячу лет созвездия меняют свои проторенные орбиты и перестраиваются в бездонной небесной тьме, образуя Звездный Кристалл. Ученые хайборийских земель давно поняли, что в это время в нашем, нижнем мире происходят самые необычные, самые ужасающие вещи. Пропадают без вести целые караваны судов, и никто никогда не может обнаружить даже жалкой щепочки от их обшивки. Сотрясается земля, и огромные города за несколько мгновений превращаются в дымящиеся руины. Величественные горы неожиданно извергают клубы дыма, огненные потоки, стремящиеся с их склонов, сжигают все на своем пути. Во время Звездного Кристалла произошла и Великая Катастрофа четыре тысячи лет назад, после чего наш мир только стал зарождаться. Во время появления Звездного Кристалла начинаются и загадочные страшные убийства в Херриде!

Потоки ветра стремительно врывались в галерею через полукруглые арки, и Астрис был вынужден крепко сжимать в руке листы пергамента, чтобы их не унесло.

— Откуда у тебя этот странный сундучок? — спросил герцог. — Как попал он к тебе в руки?

— После того как строители дороги обнаружили его и, к своему разочарованию, не нашли внутри золота с драгоценностями, они продали его некоему торговцу старинными вещами по имени Унольф.

— Унольф... Почему-то мне знакомо это имя... — задумчиво протянул Фредегар. — Тубал, советник мой, помоги мне!

— Осмелюсь напомнить светлейшему герцогу, да хранит его Всемогущий Митра, что это имя носил несчастный, ставший очередной жертвой Ночного Губителя. В доме торговца Унольфа были обнаружены огромные кровавые следы с отпечатками подошв душегуба, — быстро отозвался неподвижно стоящий справа от герцогского ложа советник.

— Этот ларец попал к Унольфу, и тот сразу понял, какие потрясающие вещи могут быть начертаны на листах. Но полностью прочитать он все не мог и поэтому обратился к одному из самых мудрых людей Херриды, к человеку, знающему практически все, — к теннетору Храма Небесного Льва, которого все именовали месьор Томезиус.

— Томезиус тоже попал в лапы Губителю? — повернул герцог голову к советнику, и Тубал поспешно кивнул в подтверждение слов правителя.

— Должен признаться светлейшему герцогу, что я прибыл в Херриду по приглашению Томезиуса. Он почти расшифровал таинственную находку

и хотел посоветоваться со мной относительно некоторых деталей. Эта находка — сущее сокровище...

Тьма окончательно накрыла небо над дворцом, и его черноту пробороzdила извилистая молния. Раздался гром, и Астрису пришлось почти кричать, чтобы слова его можно было разобрать из-за поднявшегося шума.

— Эта находка — сущее сокровище, потому что она является ключом к тайнам золота Валузии, — успел крикнуть Астрис, и мощный раскат грома завершил его фразу — так гигантский гонг в храме сопровождает молитву жреца, его суровый низкий гул служит весомым подкреплением сакральных слов.

Хлынул сильнейший ливень, и обрушившиеся вертикальные струи отгородили галерею от сада дрожащей водяной стеной.

— Золото Валузии... Звездный Кристалл... Варвар, которому на самом деле четыре тысячи лет... — раздраженно выкрикивал Фредегар. — Я ничего не понимаю! Тубал, советник мой, почему ты не распорядишься, чтобы в галерею принесли факелы? Мы точно блуждаем во тьме!

Зингарец послушно сорвался с места, и суровый взгляд властителя уперся в фигуру Астриса.

— Если ты не объяснишь мне все на нормальном языке, я велю избить тебя и выбросить из дворца под дождь! — грозно предупредил он, запахивая на груди полу легкой мантии цвета морской волны, поскольку неожиданно хлынувший дождь принес с собой не только избавление от дневной жары, но и зябкую свежесть.

— Светлейший герцог! Выслушай меня и постарайся понять таинственные события, происходящие в твоём благословенном городе. Каждую тысячу лет пробуждается нечто... Я не знаю, как выглядит это существо, не знаю, где оно проводит тысячу лет, но в назначенный срок оно выходит на землю и начинает убивать людей, похищая сердца своих жертв. Именно такие убийства произошли в Херриде. Но я могу утверждать, что два убийства были совершены не этим существом, прозванным Ночным Губителем. Сначала месьор Томезиус, а потом и торговец древностями Унольф погибли от другой руки. Кто-то убил их и сделал это так, чтобы подозрение пало на Ночного Губителя. А убили этих двух человек из-за тайны валузийского золота. Светлейший герцог знает об этом золоте?

— Каждый сопливый ребенок знает эти легенды,— махнул рукой Фредегар.— Что толку верить сказкам?

На пороге галереи появилось четверо слуг с горящими факелами, и через несколько мгновений их обманчивый колеблющийся свет уже играл на черном куполе со звездным небом.

— Из этих бумаг понятно, что золото Валузии действительно где-то существует,— взволнованно сказал Астрис.— Тот, кто убил Томезиуса и Унольфа, охотился именно за этими листами. Но Унольф передал их теннетору, а теннетор погиб, не успев до конца найти ключ к разгадке пергаментов, но перед смертью поместил сундучок в тайник, о котором знали только Унольф и я.

— Значит, их убил варвар, сидящий в клетке и ожидающий казни,— хлопнул обеими руками Фредегар по краю ложа.— Я не желаю больше ничего слушать! Никогда мне еще не приходилось так проводить послеобеденный отдых! Но ты очень старался, странствующий умник, я видел это, и поэтому ты можешь спокойно покинуть дворец — наказанию тебя пока не подвергнут. Но если ты еще раз посмеешь тревожить мой покой, берегись! Немало страданий придется испытать тебе после этого, и никакие обращения к богам не помогут избежать справедливого наказания.

— Светлейший герцог! Но как же тот, кого ты посадил в клетку для потехи беснующейся толпы?

— Его казнят в назначенный срок.

— А если убийства будут продолжаться? Если Ночной Губитель вновь объявится на улицах ночной Херриды?

— Тогда я признаю свою ошибку. Тогда голову казненного по моему приказу снимут с Позорного Шеста, и все поймут, что варвар не виноват. А ты, если желаешь, можешь искать золото Валузии. Только помни — все богатства, заключенные в недрах Херриды, принадлежат мне по закону о сокровищах... Так ведь, Тубал?

— Осмелюсь спросить, светлейший герцог, да хранит вас Всемогущий,— но разве есть такой закон в Херридском Кодексе? — шепотом спросил побледневший советник.

— Такой закон есть! — внушительно ответил Фредегар.— Я только что его предложил и утвердил, баранья ты требуха... Любое сокровище, хра-

нящееся в недрах земли Херриды, принадлежит правителю города, и только правитель может вознаградить нашедшего частью богатства. Если ты, блуждающий впотьмах философ, все-таки найдешь золото Валузии, прочитав эти заплесневелые листы, то получишь от герцога одну пятую часть. Нет, пусть все знают герцогскую милость,— ты получишь одну четвертую часть от всех сокровищ, принадлежащих мне! Но если ты сокроешь хотя бы тройной озз золота, твоя голова будет украшать Позорный Шест вместе с головой варвара-убийцы. Я отпускаю тебя. Тубал, советник мой, вели подать герцогу теплого вина с пряностями.

* * *

Обрушившийся на город ливень отсверкал молниями и отгрохотал тяжкими раскатами грома, закончившись так же внезапно, как и начался. Когда Астрис прошел в сопровождении стражи длинными коридорами герцогского дворца и оказался у ворот, солнце уже выглянуло из-за разорванных краев излившихся на землю туч, и мутные потоки бежали по мостовым с Верхнего города к портовым районам. Оживали птицы, поправлявшиеся на время грозы, и влажный воздух мгновенно наполнялся их хлопотливым стрекотанием.

Внешне аквилонец оставался невозмутимым, но грудь его почти разрывалась от бешенства. В бесильной ярости он спрятал старинный сундучок в недра своей походной туники, надежно запахнул ее полы на груди и решительно направился вниз по мостовой.

— Что делать? Выбирать хорошее место и смотреть на казнь? — невольно говорил он сам себе.— Или попытаться помочь киммерийцу? Что же, совесть моя чиста, я пытался сделать все, что мог. Но сила слова не в чести в Херриде. Здесь не понимают нормальных доводов, не понимают простых объяснений! Значит, придется действовать по другому плану...

Огибая мутные обильные потоки, несущиеся вниз с холма к пристани, аквилонец приблизился к портовым районам. Здесь по-прежнему было безлюдно, большинство горожан все еще толпилось в районе площади Мертвеца, и некоторые лавки, обычно бойко торговавшие в это время, были закрыты.

Астрису пришлось пройти несколько кварталов, прежде чем он обнаружил то, что хотел. Грубая деревянная вывеска, вырезанная в форме кувшина с ручкой, должна была обозначать гончарную лавку.

Отсыревшая от ливня дверь отворилась с некоторым трудом, и аквилонец вошел внутрь. Яркое солнце, выглянувшее из-за туч, пробивалось сквозь маленькое оконце, затянутое мутным рыбьим пузырем, и освещало длинные полки, тянувшиеся вдоль стен лавки.

Взгляд Астриса скользил по бесчисленному количеству кувшинов, фляг и ваз, громоздящихся на этих полках. Никто, к его удивлению, не торопился выходить навстречу посетителю, в лавке царила полная тишина, нарушаемая лишь заунывным гудением жирных мух, мечущихся около оконца.

— Есть в этом месте кто-нибудь живой, да хранят его боги...— крикнул он в глубину, потеряв терпение.

Краем глаза Астрис заметил какое-то движение внизу справа от себя и, к своему полному изумлению, увидел, как из широкого горла лежащей на полу амфоры показалось чье-то заспанное лицо.

— Кто тут шумит? Что надобно? — сипло спросил снизу толстый зингарец.

— Во имя Митры! Что ты делаешь в амфоре?

— Я всегда сплю там после обеда. Во всей Херриде не сыскать более прохладного места, и в жару я всегда отдыхаю здесь. Положишь охапку соломы и чувствуешь себя, как в опочивальне герцога Фредегара!

С кряхтением толстяк выбрался из своего странного ложа и спросил, отряхивая тунику от соломы:

— Почтенный чужеземец желает что-нибудь купить? В моей лавке он найдет все, что только пожелает. Амфоры для вина? Пожалуйста!

Он указал рукой на огромные сосуды, высотой больше человеческого роста, возвышающиеся у дальней стены. Рядом с ними темнели приземистые кувшины с очень широкими горловинами, окаймленными со всех сторон четырьмя ручками.

— Или благородный чужестранец желает приобрести эти кратеры, чтобы разбавлять вино с водой для своих гостей?

— Нет, это слишком большие размеры. Мне нужна фляга...

— Возьмите этот лекиф! — Толстяк радостно указал рукой на узкий продолговатый сосуд с та-

ким тесным горлышком, что туда, казалось, нельзя было бы засунуть даже стебель цветка.— В моей лавке можно купить самые красивые лекифы из Мессантии, все аргосские красавицы хранят в них свои благовония и ароматические притирания. Возьми, они стоят совсем недорого!

— Нет, мне нужен побольше,— недовольно заметил Астрис.

— Тогда пусть почтенный чужестранец скажет: для чего ему нужен сосуд? Для вина? Для масла? Для зерна или порошка?

— Нет, скорее, для дыма, если так можно выразиться...

— Для дыма? — изумленно спросил зингарец, и глаза его округлились.— Сколько я торгую, ни разу не слышал, чтобы в сосудах хранили дым...

— Понимаешь ли, уважаемый торговец, есть особый род благовоний, который мне очень нравится,— осторожно принялся объяснять Астрис.— Чтобы каждый раз не возжигать священный огонь, я предпочитаю набирать в сосуд ароматический дым и хранить там. Потом стоит только открыть пробку, как изнутри начинает куриться дым. Тебе ли не понимать, что мне нужен объемистый сосуд с хорошей плотной пробкой или затычкой, через которую не просачивались бы благовония...

В задумчивости зингарец теребил свой тройной подбородок, гладкий и розовый, как зад молодого поросенка.

— Кажется, теперь я начинаю понимать, что нужно необычному чужестранцу,— сказал он наконец и по небольшой деревянной лестнице по-

лез к верхней полке, заставленной кувшинами и вазами.

Хлипкая лестница угрожающе качалась и поскрипывала, когда толстяк, стоя на верхней ступеньке, тянулся пухлой рукой, но все обошлось благополучно, и, подцепив нужную вещь, он с неожиданной ловкостью быстро спустился вниз.

— Клянусь поясом Иштар, это лучшая вещь в моей лавке! — самодовольно возвестил он, показывая флягу, напоминающую по форме тыкву приличных размеров, сплошь покрытую затейливым орнаментом из ромбов и треугольников. — Самая подходящая, самая правильная фляга для ароматного дыма, специально для этого и сделанная офирскими умельцами. Как я мог забыть! Только в Офире делают сосуды для дыма... И стоит он всего-то два золотых...

Астрис внимательно осмотрел глиняную бутылку и проверил надежность пробки. Толстый торговец заходил то с левой стороны, то с правой и ласково уговаривал купить эту великолепную вещь «все-го за два золотых». Он готовился к долгой торговле, но ошибся в своих предположениях.

— Хорошо, я куплю это у тебя, — убедившись в том, что сосуд отвечает его запросам, сообщил аквилонец и выложил две монеты на прилавок. — Ты даже не подозреваешь, какие славные дела ожидают эту флягу!

* * *

Брезгливая мрачная улыбка не сходила с губ Конана, когда он поднимал глаза и видел вокруг

себя искаженные яростью лица херридцев, эти перекошенные свиные рожи, жаждущие кровавого зрелища. Ни один из них не мог бы крикнуть ему, что хотя бы на мгновение варвар дрогнул и испугался.

Настоящий воин никогда не должен падать духом. С юности киммериец на своей шкуре усвоил эту нехитрую истину. Не раз ему пришлось попадать в плен, и все-таки жизнь продолжалась, как продолжались и приключения после очередного освобождения. Да что там говорить, если уже в шестнадцать, когда многие только начинают отцепляться от материнских юбок, Конан попал в плен после поражения в бою с гиперборейцами. И что же, надолго его смогли удержать в вонючих невольничьих загонах Халогии? Пусть и с обрывком цепи на запястье, но все же варвару удалось вырваться на свободу, и даже разъяренные весенним голодом волки не смогли прервать его бег.

Ошибались и те, кто заковывал киммерийца в цепи на галере вместе с чернокожим гигантом Юмой. Юма — вот кто мог бы помочь ему сейчас освободиться из позорной клетки! Где же вы, могучие бойцы? Только ваша мощь могла бы отстоять запятнанную честь воина, и только крепкое оружие могло бы пробить дорогу к свободе. Но не было рядом с Конаном воинов, и не было оружия...

Варвар угрюмо ухмылялся, глядя на распаленную толпу сквозь толстые прутья решетки. Трудно себе было даже представить, как они взревет, когда палач начнет жечь его пальцы раскаленным железом... Каждый будет стараться притиснуться

поближе, чтобы учуять запах паленого мяса. И какие поднимутся вопли, когда из широкой груди на свет вытащат благородное киммерийское сердце и бросят ему в лицо...

Нет, сокрушенно мотал он головой, лучше погибнуть в бою с оружием в руках, чем мучиться на позорном месте за чужие злодеяния!

Толпа кругом орала и плевалась. Каждый норовил крикнуть оскорбление погрязнее и позакорыстее, и от этого все сливалось в ушах, невозможно было разобрать ни слова. Взгляд Конана скользил от одной перекошенной рожи к другой и неожиданно остановился на знакомых лицах: прямо у каменного помоста стоял старый Марон, а за ним серебрилась голова Астриса.

Старик притиснулся к самому краю и что-то кричал в свое оправдание. Да какое это имело значение? Что могло изменить? Харпа остался лежать на морском берегу с украшением на горле в виде рукоятки метательного ножа, он так и не получил своего вознаграждения. А варвар оказался в самом центре внимания, вся Херрида собралась, чтобы взглянуть на него.

Лицо Марона выражало настоящую печаль. Он не кричал гадости, не улюлюкал, как окружающие, и поэтому его сразу заметил охранник. Как же, такой опасный преступник мог орудовать с сообщниками, поэтому охрана чутко следила, чтобы никто не мог оказать ему помощь. А сочувствующий преступнику Марон очень походил на его сообщника. Это заметил и варвар, также притиснувшийся к краю постаменту.

Неожиданно слух киммерийца странно обострился. Сквозь гулкий рев и свисты до него донесли странные слова, которые вылетали из уст Астриса. Конан напрягся и прислушался: сомнений быть не могло, аквилонский путешественник кричал ему на киммерийском наречии!

«Помни об амулете! В тумане он поможет тебе!» — несколько раз прокричал Астрис две фразы, после чего они с Мароном растворились в толпе.

Шум заполненной площади словно отошел куда-то далеко для слуха варвара, потому что он невольно погрузился в размышления. Киммерийские слова, произнесенные Астрисом, продолжали биться в его мозгу, и никакие вопли не могли перекрыть звучание этого голоса.

Пальцы Конана легли на широкую грудь и ощупали под рубашкой продолговатый желудь, который аквилонец подарил во время последней встречи в храмовой ограде. Амулет, амулет, да как он может помочь? Нет, правду говорят в Киммерии: рукоятка кинжала — вот лучший оберег на всю жизнь...

Неожиданно над площадью нависла черная туча. Сначала огромная тень стала закрывать освещенную солнцем толпу, а потом вся площадь оказалась в полумраке. Зеваки и ротозеи, мгновенно забыв о своем развлечении, ринулись прочь с площади, но мало кому удалось благополучно исчезнуть отсюда — сверкнула молния, и ее поддержал отличный раскат грома.

Варвар хохотал во все горло, глядя, как стадо мокрых зингарских баранов мечется по площади,

пытаясь укрыться от мощных струй, нещадно лупивших сверху.

Но вскоре из-за разорванных туч выглянуло солнце, и все возобновилось с прежней силой, площадь вновь заполнилась зеваками, торчавшими рядом с клеткой до самого заката.

На ночь его должны были увести в подвал дворца герцога Фредегара, чтобы утром снова доставить на площадь Мертвеца. На этот раз — для жестокой и долгой казни, в предвкушении которой сегодня находится вся Херрида, невольно думал киммериец. В переполненных тавернах все разговоры будут вращаться только вокруг предстоящего развлечения, нетрудно об этом догадаться... Мужья почувствуют себя героями после полудюжины кувшинов темного зингарского, а их жены, румяные ласковые домохозяйки, с радостным ужасом станут в темноте представлять себе кровавое развлечение.

В день казни с самого раннего утра херридцы станут занимать на площади места поудобнее, все лавки в городе опустеют, и прибывающие в гавань корабли обнаружат безлюдные причалы, пустую пристань, словно Херрида полностью вымерла. Зато потом площадь Мертвеца взорвется оглушительными криками, зайдет неистовым воплем, который будет продолжаться до самого позднего вечера, пока не упадет под стол последний пьяница в таверне и пока не будет допит последний кувшин вина...

Когда нога Конана ступила на набережную Херриды, мысли его были заняты исключительно мо-

рем. Море радовало его воображение картинами бесшабашных пиратских набегов, ароматами соленых ветров и диковинных фруктов, опьяняющей свободой и тайнами бездонного чрева, за которыми следит только темный киль, обросший ракушками.

Жизнь — диковинная штука, совсем как море подчиняется течениям и ветрам, так что можно направляться в знакомую бухту, а очутиться в гиблом месте, в зачумленной тухлой луже, откуда выбраться почти невозможно. Так и варвар, собиравшийся подыскать себе корабль, чтобы почувствовать опьяняющее дыхание моря, оказался в клетке посреди площади, заполненной злобными зеваками.

Перед закатом гвардейцы разогнали всех ротозеев, продолжавших пялиться на любопытную диковину. Настала пора возвращаться к герцогу Фредегару, чтобы провести в каменном мешке подвала последнюю ночь. Клетку погрузили на повозку, и добрых три десятка гвардейцев окружили ее, так что никто не мог приблизиться к медленно шествующей процессии.

Киммериец ловил ненавидящие злобные взгляды гвардейцев. Охранники крепко сжимали ламиры и алебарды, арбалетчики не спускали его со своих прицелов. Кое-кто из этих молодцов наверняка помнил его еще по встрече на вечернем морском берегу — немало их товарищей уткнулось тогда с предсмертными хрипами носами в песок, поэтому каждый мечтал собственноручно пустить ему кровь.

Без оружия Конан чувствовал себя ужасно. С юности он никогда не расставался с мечом или кинжалом и, трясясь в клетке, ощущал себя так, как будто ему оторвали руку или ногу. Силы мужчины утраиваются, если он вооружен, и добрый клинок придает уверенности, даже если его не нужно выхватывать из ножен.

Вдоль мостовых стояли горожане. На каждой улице находились любопытные, пожелавшие еще раз взглянуть на злодея. Дорога пошла наверх, ко дворцу герцога, располагавшемуся в самом центре Верхнего города, примерно на том же уровне, что и Храм Небесного Льва. Небольшие дома ремесленников и торговцев сменились дворцами знати, народу значительно поубавилось, все простые горожане разбредались по домам, чтобы хорошенько подготовиться к потехе, приготовленной для них грядущим днем.

У ворот герцогского дворца повозка остановилась. Гвардейцы окружили ее двойным кольцом — внешний ряд стоял с оружием наготове, их взгляды внимательно осматривали все подступы к небольшой площади перед дворцом, а внутренний ряд расположился спиной к ним, и все их внимание было обращено на спускающегося с повозки варвара. Внешне он выглядел спокойно. Ни один мускул лица не выдавал волнения, но сам киммериец чувствовал, как внутренности словно затянулись тугим узлом, как всегда бывало перед боем.

Ближайший гвардеец с алебардой находился всего в паре шагов от него, и пика алебарды угро-

жающе нацеливалась в грудь. Конан решил про себя, что сделает еще два шага по направлению к воротам и ринется на этого зингарца. Вряд ли тот сможет удержать алебарду, если за нее быстро ухватиться, и тогда можно начать небольшую заваруху. Тогда не придется в одиночку искать тропу на Серые Равнины, всегда веселее будет пробираться туда в большой компании врагов.

Варвар сделал расслабленный шаг, даже чересчур расслабленный для обычной походки, и это должно было насторожить опытного человека, наблюдающего за киммерийцем. Но никто из гвардейцев ничего не заподозрил, и охранники двинулись вместе с ним, по-прежнему окружая пленника плотным двойным кольцом.

Вдоль спины киммерийца пробежала едва уловимая дрожь возбуждения, и он уже готов был кинуться в бой, как неожиданно совсем рядом раздался громкий скрип несмазанных колес.

— Куда ты несешься, свиное дерьмо! — заорал начальник охраны. — Ты что, не видишь, что это дворец герцога! Убирайся в когти к Нергалу!

Из-за фигур гвардейцев было видно, что сбоку на небольшую площадь на всем скаку выскочил чахлый ослик, запряженный в маленькую повозку с кабиной, сплетенной из прутьев в виде башмака. Рядом с осликом бежал Марон, замотавший голову куском белого полотна наподобие вендийского тюбана.

При виде охранников он изобразил на лице невероятный испуг и тут же развернул повозку обратно.

Что-то упало с повозки, когда он резко затормозил. Все увидели, как на камни площади грохнулась глиняная фляга довольно больших размеров, по форме напоминающая спелую тыкву. Гвардейцы невольно отшатнулись, но в первый момент ничего не произошло — сосуд не разбился, а подкатился к начальнику охраны и замер на месте.

— Забери свою дрянь, вшивый оборванец! — заорал офицер. — А не то я запихну это сейчас тебе прямо в глотку!

Он размахнулся и тяжелым кованым сапогом пнул флягу по направлению к Марону. Внезапно из ее горлышка вылетела пробка и раздался звучный резкий хлопок, точно раскупорилась бутылка молодого игристого вина.

Из освободившегося отверстия со свистом что-то вырвалось. В первое мгновение Конану показалось, что из фляги вылетел встревоженный рой светящихся пчел. Какая-то неясная масса — дым или пар — повалила из горлышка неиссякаемым потоком и начала быстро заволакивать площадь.

В воздухе запахло медом, древесным дымом, какими-то неведомыми пряностями. Варвар только успел вдохнуть дым, как голова его закружилась. В сознании точно разжалась туго сведенная пружина, и опьяняющая радость начала обволакивать мозг так же, как вылетающий из фляги светящийся пар окутывал фигуры всех находящихся на площади.

Мгновенно киммериец забыл о том, что еще недавно хотел наброситься на охранника и развязать схватку — последнюю, по всей видимости, в

своей бурной жизни. Все как-то отошло на дальний план — и пленение, и встреча с герцогом, и даже грозящая казнь...

Все странно плыло перед глазами. Конан боролся с непомерной тяжестью, навалившейся неожиданно на его могучие плечи так, что они согнулись.

Варвар еще держался, но понимал, что происходит что-то неладное. Окружившие его гвардейцы шатались, с бессмысленными улыбками обращали друг на друга взгляды, но как будто не осознавали, что происходит.

«Помни об амулете! В тумане он поможет тебе!» — зазвучали неожиданно в сознании киммерийца слова Астриса, произнесенные на его родном наречии.

Туман... туман... сейчас вокруг клубится туман, с трудом соображал Конан. Мысли его поворачивались с огромным трудом, точно на мозг был навешен огромный тяжелый мельничный жернов. Пальцы нащупали амулет Астриса, висевший под рубахой на груди. Через мгновение он поднес валузийский желудь к носу, сильно сжал его и вдохнул. Раздался тонкий писк, и резкий запах ударил ему в ноздри. Так что варвар даже взмахнул головой от неожиданности, когда острый холодный аромат ударил в мозг, точно обломок острой лядины уколол затылок с внутренней стороны.

Тут же все встало на свои места. Дурманящая радость исчезла, и Конан увидел, что некоторые гвардейцы еще шатаются, выронив из рук оружие, а некоторые уже сидят или лежат на земле, бес-

смысленно улыбаясь. Он нагнулся и схватил валяющуюся на мостовой алебарду.

— Амра! Мы здесь! — донесся из тумана голос Марона.

Сквозь дым варвар ринулся в ту сторону по площади, усеянной телами гвардейцев. Он бежал, не разбирая пути, поэтому огромные подошвы, окованные сапожными гвоздями, то и дело опускались на безжизненно раскинутые руки и ноги. Он торопился и не разбирал пути, да и не мог же киммериец заботиться о том, чтобы в такое важное мгновение все остались целы, — ничего страшного, если и похрустят слегка кости поверженных врагов.

Голова Марона, как и морда его любимого ослика, были замотаны белой материей.

— Скорее! Амра, садись в коляску! Нам нужно исчезнуть отсюда! — возбужденно просипел старик, когда увидел киммерийца. — Прошу тебя! Брось эту огромную алебарду!

— Но я не могу остаться без оружия! Кром плюнет на меня сверху, если я останусь с голыми руками!

— Марон приготовил для тебя хороший подарок, — раздался за спиной Конана знакомый голос аквилонца. — Смотри! Клянусь нектаром богов, ты никогда не получал таких даров!

Из груди варвара действительно вырвался радостный возглас, когда он увидел в руках Марона свой забарский кинжал.

— Я подобрал его на песке, — хрипло объяснил старик. — Гвардейцы так обрадовались, что забы-

ли его захватить после того, как уволокли тебя в сети, как дельфина. А это я вытащил из горла Харпы, чтоб Нергал вечно глодал его лицо...

Марон протянул метательный нож, заставивший наводчика замертво рухнуть на берег моря.

— Это твоя работа? — спросил киммериец у Астриса, кивая в сторону площади, по-прежнему затянутой фосфоресцирующим туманом.

— Моя...

— Клянусь Кромом, никогда я не думал, что книжник сможет спасти воина от смерти!

— Что же, бывает, и тупой камень точит острый клинок боевого меча! Но нам нужно спешить! Здесь может появиться еще кто-нибудь — на всех магического пара может не хватить...

Конан забрался внутрь плетеной корзины, ослик тронулся в путь, а Марон вместе с Астрисом подталкивали тележку сзади.

— Куда вы везете меня? — приглушенно спросил варвар, прикинув губами к плетеной задней стенке.

— На кладбище! — отозвался тяжело дышавший Астрис.

— Но я еще жив!

— На кладбище!

Ужасающе громко скрипели колеса тележки, остро стучали копытца ослика, и натужно хрипел сзади Марон. Если бы еще несколько дней назад киммерийцу кто-нибудь сказал, что от казни его будут спасать два старика в компании с грустным осликом, он сгреб бы того в охапку и смеялся бы ему в лицо до тех пор, пока тот не упал бы без

сознания. Но сейчас приходилось верить собственным глазам, и если бы не эти люди, лежать бы ему около дворца герцога Фредегара рядом с грудой других безжизненных тел.

Наконец повозка остановилась, и снаружи слышался горячий шепот Астриса:

— Конан, выбирайся... мы прибыли.

Солнце уже закатилось за море, и на Херриду опустились сумерки, но варвар сразу узнал кладбищенскую ограду, мимо которой проходил в первую же ночь своего нелепого пребывания в Зингаре. Ослик встал около того самого места, где Конан перемахнул через решетку, услышав женские крики о помощи.

— Киммериец, тебя уже ищут! — сказал Астрис, внимательно оглядываясь по сторонам. — Фредегар поставил на ноги всех своих гвардейцев, наверняка он перекрыл выход из гавани, как в прошлый раз, и все выходы из города. Я думаю, что он может отдать приказ о повальном обыске! Вооруженные отряды станут осматривать каждый дом, каждый постоялый двор, каждый склад у моря, и мне кажется, что есть только одно место, где ты можешь отсидеться, — Кладбище Четырех Фонтанов...

Взгляд Конана замер, остекленев от изумления.

— Причем на Кладбище Четырех Фонтанов ты будешь скрываться не где-нибудь, а в усыпальнице семьи герцога Фредегара! Вряд ли гвардейцы осмелятся искать там беглеца, а через пару дней Марон все-таки поможет тебе перебраться на Барахские острова, где правитель Херриды тебя уже

никогда не достанет. Иди сейчас к усыпальнице герцога и жди меня. Я войду через ворота и скоро появлюсь у тебя вместе с близнецами, мы принесем тебе пищи на ночь, чтобы тебе не так тоскливо было дожидаться утра в обществе древних мертвецов.

На пустынной улице было по-прежнему тихо, и варвар после недолгого раздумья перемахнул через ограду, чтобы скрыться в темноте кладбища. Дорожки, усыпанные гравием, кругами шли между склепами, петляли на поворотах, огибая самые крупные усыпальницы. Он продвигался быстро и бесшумно, внимательно прислушиваясь к происходящему вокруг. Древние мертвецы несколько не пугали его, но какой-то первобытный страх все-таки заставлял его все время находиться в напряжении. Однажды высохший труп напал на него в гробнице, куда он, киммерийский юноша, бежавший из гладиаторских казарм Халогии, попал, спасаясь от волков. Если бы суеверный ужас тогда сковал бы его волю, то когтистые пальцы сомкнулись бы на его шее, превратив Конана в точно такую же высохшую мумию. Юный варвар сумел тогда преодолеть себя и победить внезапно ожившего мертвеца, боровшегося за свой древний меч, но в памяти навсегда осталось неприятное чувство, осадок, не позволяющий расслабиться вблизи гробниц.

Конан всегда в глубине души считал, что киммерийцы правы, погребая мертвецов за границей своих селений и насыпая над ними могильные курганы. В Зингаре и Аквилонии, Немедии и Ко-

ринфии кладбища всегда почему-то располагались недалеко от жилищ, да и хоронили в этих странах или в криптах под полом храма, или в усыпальницах в свинцовых гробах. Попробовал бы киммерийский мертвец выбраться из-под толщи земли своего могильного кургана! Да ему никогда не хватит на это сил, к тому же Кром всегда ревностно оберегает свои курганы и следит, чтобы они стояли в полной сохранности. А в западных королевствах мертвецу ничего не стоит подняться из гроба, даже если его и залили смолой или медом, да выйти из своей усыпальницы.

Четыре фонтана около гробницы семьи Фредегара меланхолично струили свои воды, да где-то вдалеке на деревьях пел соловей. Кроме этого, ничто не нарушало тишину кладбища, и варвар, прислушивавшийся у соседнего склепа ко всем звукам, осторожно двинулся вперед.

Яркий лунный свет серебрил все вокруг своими лучами, и рядом с освещенными местами особенно черными выглядели глубокие тени.

Внезапно раздался какой-то загадочный звук. Затем совсем недалеко раздался глухой голос — он напоминал крик человека, которого мучают пытками, однако звучал тихо и протяжно. Через мгновение к нему присоединился еще один, потом еще и еще, пока они не слились в завывание целой группы, точно небольшое племя оплакивало покойника.

От неприятного предчувствия Конан сжал зубы. Он ощущал, как внутри все снова сжимается в тугий узел, подсознательное чувство говорило о

смертельной опасности, и варвар замер, как дикий зверь, в полном напряжении, пытаясь понять, что нужно делать.

Непонятные голоса раздавались совсем рядом. Не было никаких сомнений, что они доносятся с того места, где он собирался найти себе прибежище на ближайшую ночь, — из семейной гробницы герцога Фредегара...

Не двигаясь, киммериец пытался понять, что означают эти мучительные стоны и кому они принадлежат, как внезапно краем глаза уловил справа от себя какое-то движение. От чернеющей громады соседней усыпальницы отделилась гигантская черная тень и бросилась на него.

К такому повороту Конан внутренне был готов, поэтому в одно мгновение молниеносно развернулся и переместился в сторону, выхватив из-за спины длинный забарский кинжал.

«Оживший мертвец...» — мелькнуло у него в мозгу. Что же, все порой повторяется в жизни, только много лет назад страшная мумия напала на него в склепе, когда варвар решил заимствовать старинный меч, а сейчас ему еще не удалось даже переступить порог усыпальницы.

Все это пронеслось по краю сознания с быстротой искры и так же стремительно скрылось, потому что первобытным, животным чувством киммериец уловил направление удара — в лунном свете блеснул забарский кинжал, и раздался резкий металлический звон от столкновения двух клинков.

Не дожидаясь продолжения атаки, в одно мгновение с этим Конан уклонился шагом вправо, пе-

редвигаясь по полукругу, чтобы ни в коем случае не оголить спину, и сам нанес короткий мощный удар. Забарский кинжал описал резкую дугу и снова столкнулся с другим клинком — противник оказался совсем не прост.

Но маневр варвара заставил нападавшего выступить вперед, на освещенное лунным светом пространство, так что можно было мельком его рассмотреть. Если это и был оживший мертвец, то очень хорошо сохранившийся. Мощные плечи, огромный рост, мало чем уступающий Конану, могучие длинные руки — киммерийцу довелось в ночной час встретить достойного противника!

Они кружили по освещенной площадке, слегка согнувшись, пугая друг друга ложными выпадами и отражая неожиданные удары. Первые мгновения нервозности прошли, и с каждым ударом варвар чувствовал себя все более уверенно.

Он не мог пока разглядеть лица неожиданного противника, потому что в лунном свете оно выглядело сплошным черным пятном, на фоне которого ярко блестели светлые белки глаз. Черный враг тяжело дышал и хрипел, как дикий голодный зверь, дрожащий от ненависти, — он сделал мощный выпад, и Конан почувствовал кожей, как смертоносный клинок прошел на расстоянии волоса от его груди, но в ответ он коротко всадил в нападавшего острие кинжала и, когда ощутил, что сталь достигла цели, мгновенно вложил всю силу в удар.

Мертвецы так не реагируют на удар — это варвар знал совершенно точно. Можно отрубить такому созданию руку или ногу, можно снести на-

прочь плечо, он все равно будет неумолимо навигаться до тех пор, пока не вцепится холодными сухими пальцами в горло или пока не будет разрублен на части.

Упал на гравий клинок, которым враг пытался поразить его, из разверстой гортани вырвался предсмертный вопль. Киммериец понимал, что насаженное на забарский кинжал тело слабеет с каждым мгновением, поэтому еще сильнее загнал его внутрь, а потом резким движением руки вытащил обратно.

С тяжелым шумом тело рухнуло наземь. Пальцы Конана, ощупывающие клинок, ощутили теплоту крови. Ни у одного мертвеца кровь не обладает такой божественной теплотой, поэтому теперь варвар был совершенно уверен, что напавший на него незнакомец был обыкновенным человеком.

Но что заставило его броситься на него с оружием? Внимательно глядя по сторонам, киммериец осторожно присел и в лучах лунного света рассмотрел убитого.

То, что он сначала принял за устрашающую черную маску, оказалось черной кожей. Нападавший был, судя по всему, родом откуда-то из Черных Королевств, а может быть, Куша или Дарфара. Немало таких молодцов можно было встретить на Невольничьем рынке Херриды, их привозили сюда в основном для работы на плантациях Междуречья, но порой чернокожие сбегали от своих хозяев, превращаясь в ночных хищников.

Кем был этот темнокожий? Падким до свежего мяса людоедом вроде тех обжор, что поедали

ничего не подозревающих постояльцев Арама Бакша в Замбуле? Если так, то почему он сидел в за-саде рядом со склепом? Нормальные люди в это время стараются не посещать могильники, а собираются в тавернах.

Размышляя над этим, Конан решил оттащить безжизненное тело в сторону и спрятать в соседнем склепе, положить его рядом с каким-нибудь важным зингарским нобилем, чтобы скрасить тому тусклое существование. Это оказалось не так-то просто, порой ему казалось, что по дорожке он волочет тушу молодого бычка, так тяжел оказался убитый им темнокожий.

Невнятные голоса, мучительные глухие стоны то затихали, то внезапно снова доносились из склепа семьи Фредегара. Когда варвар отволокло тело, то вернулся сюда и стал медленно приближаться к странному месту.

Вдруг он снова заметил какое-то движение в темноте и выхватил оружие.

— Киммериец! Беда! — раздался голос Астри-са.— Мальчики пропали, я нигде не могу найти близнецов!

* * *

Хлодвиг и Хундинг сидели и наблюдали за Склепом Четырех Фонтанов, пока солнце на начало клониться к горизонту. За это время дверь усыпальницы, где скрылся теннетор Храма Небесного Льва со своим чернокожим слугой, ни разу не шелохнулась. Братья успели изучить все трещины, расщелины и борозды в стенах близлежащих

древних гробниц, смогли сосчитать все камни, белеющие рядом с небольшой площадкой с фонтанами, но, кроме этого, ничего увидеть так и не смогли.

Порой они начинали сомневаться, не привиделось ли им все. Стояла дневная жара, обоих сильно мучила жажда, и несколько раз братья спрашивали друг друга: не были ли фигуры Оровеза и его темнокожего прислужника сотканы из колеблющегося марева раскаленного воздуха?

Но они оба прекрасно видели, как теннетор с гигантом цвета черного мрамора исчезли за величественной кованой дверью. Не могут же болезненные видения посещать одновременно двух людей!

Час Туберозы уже наверняка давно закончился, сменившись Часом Шафрана, но все оставалось по-прежнему. Братья начали совещаться, что им нужно делать дальше.

— Давай вернемся...— шептал осторожный и рассудительный Хундинг.— Может быть, наставник уже ищет нас на галерее.

— Ерунда,— отмахивался Хлодвиг.— Он вернется не раньше, чем наступит Час Лилии. Наоборот, он будет ругать нас за то, что мы не смогли ничего выяснить...

Прошло еще немало времени. Поднялся суровый ветер, принявшийся по-свойски расправляться с листвой. Клубы пыли начали метаться по всему кладбищу от одной усыпальницы к другой, и небо стремительно чернело от надвигающихся грозовых туч.

— Пора возвращаться! — нервно прокричал Хундинг.— Хло, поверь мне, так будет лучше!

— Ерунда!

Извилистая линия молнии пронзила свинцовое небо одновременно с оглушающим раскатом грома, и на братьев обрушились потоки ливня.

— Я же говорил тебе! Нужно было возвращаться...— страдал Хундинг, пытаюсь укрыться за небольшим навесом древней гробницы.

— Ерунда... Мы посмотрим сейчас, что там происходит,— перекрикивая шум ливня, решил Хлодвиг.

Глаза его радостно горели, и он, казалось, насколько не беспокоился из-за бушующей грозы.

— О чем ты? — в ужасе вскричал его брат.— Заклинаю тебя всеми Благами Всемогущего Митры! Остановись!

Но Хлодвиг уже выскочил из своего укрытия. Всего несколько шагов, и он оказался около склепа Фредегара, по которому с крыши струились обильные дождевые потоки. Стоило сидеть столько времени на солнцепеке, чтобы потом просто взять и подобраться поближе, думал он, обходя один из четырех фонтанов.

У угла он коротко обернулся и насколько не удивился, обнаружив за своей спиной Хундинга. С детства они могли делать что-нибудь только вдвоем, поэтому в глубине души Хлодвиг не сомневался, что брат все-таки преодолает робость и присоединится к нему.

Указательный палец Хлодвига вертикально застыл, прижавшись к губам,— знак молчания и осто-

рожности в это мгновение был совершенно излишним, потому что опасливый Хундинг и не собирался ничего говорить, зябко вжимая голову в плечи от хлещущих ему за шиворот дождевых струй. Хлодвиг прищелкнул глазом к щели, открывавшей вид в залу гробницы, и сосредоточенно замер.

— Что там? — не выдержал его брат, стоящий сзади и беспокойно озирающийся по сторонам.— Что ты видишь?

Но, к его ужасу, Хлодвиг внезапно отворил пошире дверь и проник внутрь!

Это произошло так быстро, что брат не успел никак ему помешать. Хундинг почувствовал, как от страха и холодных струй дождя у него по ногам пробежала дрожь. В отчаянии он несколько раз посмотрел по сторонам, словно пытаясь там найти ответ на вопрос: что делать? Но брат словно не собирался возвращаться обратно из усыпальницы, поэтому Хундинг решился и проскользнул туда следом.

Тусклый мрачный свет пробивался через полуоткрытую дверь и несколько узких высоких окон, забранных витражами из тонких пластин горного хрусталя и кварца.

Зала гробницы напоминала обеденное помещение в каком-нибудь особняке или вилле: вдоль дальней стены протянулся длинный каменный стол из черного мрамора, рядом с которым виднелась резная скамья. Симметричные арки, поддерживаемые витыми колоннами с пышными капителями, венчались золотиким изображением Всемогущего Митры.

Взгляд Хундинга скользнул по торжественному внутреннему убранству и, к ужасу, остановился на свинцовых гробах, расположенных рядом друг с другом, как роскошные кровати в большой спальней зале. Хлодвиг, стоящий рядом с дверью, прошептал:

— Там и столетней давности мертвецы лежат, наверное, и двухсотлетней!

Братья обменялись выразительными взглядами, потому что одновременно подумали о местонахождении Оровеза и его чернокожего слуги. Зала гробницы была достаточно просторной, но нигде не было видно двух людей, за которыми столько времени напрасно следили близнецы.

— Смотри...— едва слышно заметил Хлодвиг и указал на правый угол.

Свинцовые гробы стояли на одинаковом расстоянии друг от друга и образовывали ровную линию. Но последний был отодвинут в сторону вокруг своей оси, и на его месте открывался темный прямоугольник.

— Подземный ход! — шепотом воскликнул Хлодвиг.— Они скрылись там!

Хундинг в очередной раз за сегодняшний день почувствовал, как неприятно начинает сосать у него под ложечкой, когда он увидел, что брат решительно двинулся в ту сторону, шагая на носках и осторожно перенося вес тела с ноги на ногу. Нужно было оставаться на галере, подумал он, однако направился вслед за Хлодвигом. Они осторожно приблизились к подземному ходу и почувствовали неприятный запах земли и плесени.

— Мы только посмотрим и вернемся...— прошептал Хлодвиг.— Зато представь, сколько мы сможем рассказать наставнику...

Они только успели наклониться над черным провалом, как хриплый смех, раздавшийся за их спинами, заставил братьев резко обернуться. Через мгновение оба задрожали, потому что входная кованая дверь с шумом захлопнулась, загрозил засов, и из тьмы возникли две большие фигуры.

— Жалкие мокрые цыплята... вы больше никогда не сможете рассказывать что-нибудь своему Астрису,— раздался скрипучий голос Оровеза из Междуречья.— Он больше не увидит вас, мелких пакостников, потому что наступил ваш последний вечер...

Близнецы невольно прижались друг к другу, и каждый ощущал, как нервная дрожь сотрясает брата.

— Мы случайно зашли сюда,— пролепетал Хлодвиг.— Начался ливень, и мы искали, где можно укрыться...

В ответ снова раздался хриплый язвительный смех.

— Это вы можете рассказать своему гнусному наставнику на Серых Равнинах, когда он появится там вслед за вами обоими,— злорадно заметил теннетор.— А я очень рад, что вы зашли сюда. Сегодня последний день, когда Владыка Подземелья захочет отведать человеческого сердца, и мне приятно, что удалось приготовить для него достойный подарок. Не правда ли, Гида?

Стоявший рядом с Оровезом ужасный чернокожий истукан поспешно кивнул и тоже злобно засмеялся.

— Брось их вниз! Пусть Владыка насытится и уснет, а мы спустимся потом за всем золотом Валузии! Бросай их, Гида!

С криками отчаяния братья бросились в разные стороны, но чернокожий с удивительной ловкостью схватил сначала одного, а потом другого. Он сгреб их в охапку и без всякого усилия понес к зловонному провалу.

— Держись за меня, Хун! — со слезами закричал Хлодвиг, когда мощные руки подтащили их к отверстию и сбросили в черный провал.

Сначала Хлодвиг уцепился обеими руками, но потом оба они рухнули вниз.

Близнецы летели так долго, что Хундинг начал задыхаться от напряжения. Будь внизу камни, они, конечно, переломали бы все кости и не смогли бы сдвинуться с места. Но они, несколько раз зацепляясь за что-то мягкое, повалились в рыхлую пуховую землю и только больно стукнулись лбами, как это неоднократно случалось с ними и прежде.

Хлодвиг ухитрился упасть на четвереньки, его не застало врасплох дно подземного хода, а Хундинг вскрикнул от неожиданности и в первые мгновения оставался лежать неподвижно. Потом он пошевелился и слабо спросил:

— Хло, мы живы?

— Хвала Всемогущему Митре и Ласковой Иштар, — простонал в ответ брат. — Мы живы, но у

меня было такое ощущение, что в животе что-то оборвалось, когда мы брякнулись сверху.

Первое время они лежали в темноте и ощупывали свои руки и ноги.

— Как я хотел бы сейчас проснуться в своей кровати и обнаружить, что мы с тобой все это время находились в Немедии... — со слезами в голосе признался Хундинг. — Зачем только мы пошли сюда! Что теперь с нами будет? Что? Мы в полной темноте, где-то под могилами, и наставник даже не подозревает о том, что с нами произошло...

— Перестань! — отозвался брат. — Наставник знает все. Он выручит нас, не сомневайся!

В голосе Хлодвига тоже слышались подступающие к горлу слезы, хотя он изо всех сил старался говорить уверенно и спокойно.

— О каком таком Владыке говорил Оровез? — с дрожью продолжил Хундинг. — Ты понял, что он там говорил о сердцах? Чьи сердца захочет отве-
дать Владыка Подземелья?

— Давай лучше попробуем встать и выбраться отсюда...

— Хло, мне страшно... Нужно сидеть и читать лауды... Всемогущий Митра не может оставить нас в такой тьме... Давай прочтем слова молитвы!

— Да вставай же, плакса! Мы должны что-то делать. Вставай!

Внезапно в вышине над их головами раздался злорадный смех Оровеза, и теннетор храма прокричал:

— Передайте привет Владыке Подземелья! Я постараюсь встретиться с ним ровно через тысячу лет!

Слова его звучали глухо, потому что тонули в толще рыхлой земли. Но вслед за этим наверху послышались тяжелый скрип и металлический лязг.

— Что это? Что произошло? — встрепнулся Хундинг.

— Кажется, они задвинул плиту со свинцовым гробом. Теперь подземный ход, видимо, закрыт...

Тяжелый запах, неприятно поразивший близнецов еще наверху, в усыпальнице, внизу усилился и стал совершенно невыносимым.

Ни один луч света не проникал сверху, и близнецы осторожно передвигались, наугад выставив вперед руки.

— Как ты думаешь, где мы... — спросил Хундинг и, не успев закончить вопрос, почувствовал, как почва уходит куда-то из-под ног и он опять валится вниз.

Он успел только пронзительно вскрикнуть и провалился.

— Хун! Где ты? — прошептал Хлодвиг, и сам понял, что летит вслед за братом.

На этот раз они оказались в небольшом пока-
том земляном туннеле, поэтому пришлось пере-
жить несколько неприятных мгновений, кубарем
слетая по наклонной плоскости, но дело обошлось
без падений и болезненных ушибов. Братья оказа-
лись в странном месте. Хотя по-прежнему сверху
не проникал свет, они, оглядываясь по сторонам,
могли разбирать очертания необычной залы с глад-
кими сводами, сходящимися наверху в центре на-
подобие вершины пирамиды.

Близнецы влетели сюда через узкий проем, на-
поминавший, скорее, окно, и в первый момент
были так ошеломлены, что не могли вымолвить
и слова. Казалось, сами стены излучали неясный
мерцающий свет, он брезжил, и глаза братьев могли
различать даже свои фигуры, лица и выражение
глаз.

— Что это? — еле слышно спросил Хундинг,
вытирая платком лицо от земли. — Куда мы по-
пали? О, Митра Всевидящий! Помогите нам выбрать-
ся отсюда!

— Я ничего не понимаю... откуда проникает
свет... и что это такое...

Они часто и прерывисто дышали, потому что
воздуха все время не хватало. Воздух был влаж-
ный, спертый, насыщенный испарениями, от ко-
торых слегка кружилась голова, так что Хундинг
прижал к носу свой платок, чтобы хоть как-то об-
легчить дыхание.

Хлодвиг, казалось, не замечал ядовитых миаз-
мов и больше был обеспокоен тем, что он видит.
Если брат его оставался на месте, боясь даже по-
шевелиться, то Хлодвиг постоянно перемещался
по зале, разглядывая стены вблизи. Он словно из-
мерял шагами темницу, не обращая внимания на
предостережения Хундинга.

— Смотри! Здесь, кажется, стол! — приглушенно
воскликнул Хлодвиг. — Огромный стол из камня!

— Заклинаю тебя всеми Дарами Митры! — ис-
пуганно отозвался брат. — Давай попробуем вы-
браться наверх через то окно! Я не могу здесь боль-
ше оставаться, мне нечем дышать...

— Иди сюда... давай посмотрим... здесь на стене висит нечто... очень похожее на зеркало!

— Хло! Давай скорее выбираться отсюда! Мне страшно!

Несмотря на свой испуг, Хундинг приблизился к брату, передвигая негнувшиеся ноги, и действительно смог различить во мгле едва светящиеся очертания стола, над которым виднелось нечто вроде настенного зеркала в крупной овальной раме.

Внезапно близнецы вздрогнули — в противоположной стороне зала раздался некий загадочный звук! Они невольно прижались друг к другу и слышали глухой голос...

Судорожно сглотнув, Хлодвиг поддержал брата, настолько сильно испугавшегося, что ноги почти отказывались его держать. Но через мгновение увиденное чуть не повергло его самого в обморок, ибо перед братьями возникло бесплотное существо, стоящее в углу и простирающее руки в их сторону.

Все плыло перед глазами Хлодвига, он лишился дара речи и не мог даже пошевелиться, хотя существо неумолимо приближалось к ним. Дрожащие губы юноши пытались выговорить слова молитвы, обращенной к Митре, но ни один слог не смог бы разобрать Всемогуший в этом жалком лепете.

Звук голоса раздался снова, на этот раз ближе, и вдруг Хлодвиг узнал в приближающейся светящейся фигуре рыжеволосую Адальджицу! Сердце юноши заледенело, когда он смог вблизи увидеть убитую на кладбище жрицу. Она была, как и в ту

ночь, в тесном каласирисе, с распущенными густыми волосами, но лик девушки на этот раз выглядел жутко и безобразно, правая щека была разъедена, точно открытой язвой, каким-то пятном, напоминавшим безжалостное клеймо. Рассеченная грудь, местами покрытая засохшей кровью, тускло светилась.

Хлодвиг попятился назад, увлекая за собой ослабевшего постанывающего брата, и неожиданно заметил, что за спиной Адальджицы замаячили еще какие-то фигуры. Все они порой издавали мучительные стоны, голоса их порой сливались в душераздирающий плач и просто рвали душу на части.

Нельзя было точно разобрать, сколько здесь этих созданий. Возникало ощущение, что каждое мгновение в зале появляются все новые и новые силуэты, и неожиданно Хлодвиг обнаружил, что фосфоресцирующие стонущие призраки отрезали их с братом от того окна, через которое близнецы вкатились в это помещение. Путь к выходу был закрыт...

Обернувшись, Хлодвиг увидел сзади дверь необычной треугольной формы, открытый проем которой чернел среди едва светящихся стен. Что ожидало их там, юноша не мог себе даже представить, но совершенно точно знал, что никакая сила не заставит его и Хундинга пройти сквозь стон завывающих призраков.

— Очнись, Хун! — схватил он брата обеими руками за полы плаща и несколько раз изо всех сил встряхнул. — Очнись!

Фигуры приближались к ним, вытягивая вперед руки. Здесь были старые и молодые, мужчины и женщины, но у каждого на лице можно было заметить округлое темное пятно, как и у Адальджи.

За треугольной дверью оказалась пологая лестница, уводящая куда-то вглубь, в неведомые недра.

— Куда мы бежим? — воскликнул было Хундинг, очнувшийся от легкого обморока. — Мы не сможем вернуться!

Но сила ужаса толкала близнецов все дальше и дальше. Заунывные голоса светящихся фигур, их жуткие обезображенные лица не позволяли им задуматься даже на мгновение, и братья, повинувшись невольному подсознательному страху, стремились все дальше. Первая лестница привела их в какую-то залу, попасть в которую можно было тоже через треугольный проем открытой двери. Но голоса не отставали, призраки следовали за ними по пятам, поэтому Хлодвиг и Хундинг устремились в следующую дверь, все дальше погружаясь в таинственный лабиринт, располагавшийся под гробницей правителя Херриды.

Ноги их скользили на ступенях, покрытых вековой плесенью, губы жадно хватали влажный зловонный воздух, смердящий сырой землей, кровью и болотными испарениями. Зала следовала за залой, лестница за лестницей, и каждый раз, попадая в новое помещение, близнецы надеялись получить хотя бы миг передышки, чтобы успеть остановиться и прийти в себя. Но стоило им только забежать в очередные покои подземных чертогов,

как из-за поворота уже слышались мучительные стоны и на пороге сразу же появлялись безумные глаза страдающих призраков.

Каждое помещение, как успели понять братья, имело несколько входов и выходов. За то короткое время, что им пришлось провести здесь, они успели привыкнуть, что, забегаая через одну треугольную дверь, можно пройти через залу насквозь и выбежать в другую дверь. Но внезапно они влетели в комнату, из которой нельзя было выбраться.

На короткое время близнецам удалось оторваться от своих жутких преследователей, и они заскочили в треугольный проем, располагавшийся как-то необычно в центре коридора. Тяжело дышавший Хундинг почти валился наземь, прикрывая лицо платком, ставшим уже совершенно мокрым, и поэтому не сразу заметил, что окружает их, но его брат с первого взгляда все понял.

— Хун, смотри! — прошептал он, откидывая со лба влажные волосы. — Здесь какие-то драгоценности! И золото!

Действительно, вся зала, в которую они попали, была заполнена украшениями и золотой посудой, ожерельями и драгоценными кубками. Даже плесень, покрывавшая, казалось, все вокруг, в этих подземных чертогах не затронула сокровища. Хлодвиг снял со стены пышно украшенный пояс, и, хотя вокруг царил таинственная полутьма, было понятно, что он сделан из огромных бриллиантов.

Как зачарованные, братья повернулись к грудам золота, но внезапно за их спинами раздались

какие-то звуки. На этот раз до слуха братьев донеслись не стоны и завывания призраков с обезображенными лицами, они слышали злое шипение, неведомую нечленораздельную речь, напоминавшую, скорее, слабый металлический скрежет.

Высокая фигура почти закрыла треугольный проем. Братья взглянули на это существо, и им показалось, что скользкий пол под их ногами уходит куда-то в сторону, как вершина катящегося шара.

Человек с лицом змеи пристально смотрел на них и что-то говорил на странном наречии — из его гортани вырывались шелестящие, скрипучие звуки, от звучания которых братьев словно окутывало ледяной водой.

Вошедший чешуйчатый демон хрипло засмеялся, откинув назад узкую продолговатую голову, и медленно пошел к ним, выставив вперед руки. Пальцы его, удлиненные шипастыми когтями, были широко разведены в стороны, и Хлодвиг с ужасом заметил, что между ними находится что-то вроде перепонки, полукругом опоясывающей руки наподобие секиры алебарды.

Близнецы, прижавшись плечами друг к другу, пятились назад, пока не уперлись спинами в золото. Дальше отступать они не могли, и чудовище неумолимо надвигалось, широко расставив руки.

Хлодвиг почувствовал, что брат его слабеет и вот-вот упадет. Он и сам едва превозмогал себя, чтобы не рухнуть без сознания, но все-таки ста-

рался поддерживать брата. Остатка сил хватило на то, чтобы отчаянно крикнуть:

— Помогите! Помогите!

Он не знал, кто может услышать его слабый голос, глухо звучащий в безбрежных туннелях. Слова рвались из груди помимо его воли, Хлодвиг иступленно взывал, вжимаясь спиной в драгоценную грудь, но ужасная фигура приближалась с каждым мгновением. Сил, чтобы поддерживать Хундинга, у него больше не осталось, он отпустил его, и брат повалился, как мешок с зерном, на скользкий пол.

— Помогите! — крикнул Хлодвиг еще раз, и лицо его перекосилось судорогой от ужаса, потому что чешуйчатое лицо уже было на расстоянии вытянутой руки от него.

Он почти лишился чувств, ощущая прямо перед собой невыносимое зловоние, исходящее от приближающегося змеечеловека, как вдруг своды небольшой залы озарились ярким светом. Перед глазами Хлодвига все плыло, в ушах шумело, но он успел заметить знакомую фигуру с факелом в руке.

— Конан! Они здесь! — закричал Астрис, влетевший в залу, и на лице юноши еще появилась улыбка перед тем, как он потерял сознание и рухнул вслед за братом на скользкий холодный пол Сокровищницы.

Хлодвиг уже не видел, как в треугольном проеме появилась огромная фигура киммерийца, левой рукой сжимавшего факел, а правой — держать длинного, чуть изогнутого кинжала...

* * *

Герцог Фредегар находился в самом скверном расположении духа, но все-таки прибыл в Храм Небесного Льва, чтобы лично присутствовать при жертвоприношении и службе в честь Покровительства Всемогушим всех дорог и перепутий. Через несколько дней правитель собирался пересечь Громовую реку и отправиться с визитом в Аквилонию и перед отправлением считал нелишним побывать в главном храме Херриды, чтобы Солнцеликий Митра в будущем защищал дороги, по которым ему суждено было пройти во главе вооруженного отряда.

Лишь только в храме наступил Час Лилии и эти белоснежные цветки раскрыли тончайшие лепестки, правитель города прибыл к главным воротам в сопровождении отборной группы гвардейцев.

Герцог едва сдерживал гнев, седые брови все время грозно сходились на его переносице. После известия о побеге Ночного Губителя начальник дворцовой охраны и командир отряда гвардейцев были брошены в темницу, и им была обещана мучительная казнь, если через день улизнувший злодей не будет пойман.

Восьмигранный шпиль Храма Небесного Льва, возвышающийся над двумя террасами, гордо устремлялся к серебряному диску молодой луны. После грозы ветер утих, и ровно подстриженные кусты тamarиска стояли недвижимо, как бойцы, приветствующие правителя во время торжественного парада.

Поверх хламиды из тончайшего черного льна плечи герцога величественно украшала красная мантия, расшитая круглыми золотыми медальонами, а на груди седовласого воина торжественно сверкала тяжелая золотая цепь, символ его непоколебимой власти. Двое телохранителей из его свиты торжественно несли две золотые клетки с жертвенными голубями — белым и черным, всегда приносимыми в жертву Покровителю дорог и перепутий.

Как и все остальные, герцог совершил обряд очищения перед тем, как ступить на плиту крытого хода, ведущего из привратной постройки к храму, и вместе со своим окружением проследовал в священный зал. Оровез из Междуречья встретил его у входа, плавно взмахнув полами пурпурного саккоса в ритуальном знаке приветствия.

Жрецы негромко начали подобающий гимн, и возвышенная лауда в честь Солнцеликого Митры зазвучала под сводами главного храма Херриды. Клетки с голубями стояли с обеих сторон от жертвенника, и ничего не подозревающие птицы осматривались кругом, вертя изящными головками из стороны в сторону.

Обычай Зингары требовал, чтобы перед жертвоприношением все присутствующие в храме обошли его здание кругом по террасе в знак того, что дорога в будущем выпадет легкая и безопасная, а перепутья никогда не сведут странника с верного направления.

Повиновался этому обычаю и правитель Херриды. Вместе со своим советником и всей свитой

после соответствующих гимнов он вышел через боковые врата, и факельная процессия растянулась вдоль опоясывающей храм колоннады.

* * *

Цеенор-Зера уже знал, что предстоящий вечер окажется для него последним перед тем, как он в очередной раз погрузится в мучительный сон. Он предчувствовал, что истекает очередной срок, отведенный звездными небесами для его существования на земле. Опять ему предстояло попасть в самую страшную темницу из всех мыслимых — лабиринт собственной памяти, и глухое бешенство заполняло бывшего властителя Валузии до последней мельчайшей клеточки.

О, как бы он желал разорвать неумолимый круг! Как он хотел бы вырваться из жестокой цепи своих страданий и убийств, но он чувствовал, что небеса поймали его в сеть, как морскую черепаху, и руководят его жизнью по своему усмотрению. Вероломные боги не забыли о нем даже после гибели великой Валузии, они вытаскивают сеть когда им заблагорассудится и потом снова погружают ее в зловонную пучину на тысячу лет, заставляя Владыку Змеиноного Скипетра мучиться в тюрьме своих воспоминаний.

Призраки окружали его повсюду. Убитых им становилось все больше и больше: каждое тысячелетие он выходил из своего подземного убежища, заставлял мир каждый раз все более изменившимся, и каждый раз его заключение становилось все более и более мучительным.

Его сыновья, близнецы Цес и Зеер, совсем не выросли за четыре тысячи лет. Они оставались все такими же нежными чешуйчатыми малышами и продолжали мучить его своими жалобными криками. Все убитые валузийцем не давали ему покоя, они словно мстили ему за свою смерть, жалобно завывая каждое мгновение, и от этих заунывных криков нельзя было спастись в его памяти. Нельзя забыться сном во сне!

В эту ночь призраки вели себя особенно беспокойно, точно предчувствуя, что вскоре они смогут беспрепятственно проникнуть в лабиринт памяти своего убийцы и вскоре получат возможность мучить его в течение тысячи лет. Цеенор-Зера прошел по наклонным лестницам-туннелям подземного дворца-кристалла и уже предчувствовал момент, когда ему нужно будет выйти наружу, во внешний мир, через потайной ход, по воле богов устроенный в обширной усыпальнице из черного мрамора, точно такого же, из которого четыре тысячи лет назад валузийские мастера, пользуясь особым рецептом медового раствора, смогли создать настоящее чудо — восьмигранный кристалл, роскошные чертоги валузийских владык.

Призраки проносились по туннелям, словно сверхъестественный ветер играл их бесплотными телами. Цеенор-Зера пересек длинный коридор и оказался в Сокровищнице, куда он заходил каждый раз перед тем, как выбраться в верхний мир.

Он утратил способность удивляться с тех пор, как волны поглотили его великолепные земли, но в это мгновение сначала остоленел от неожидан-

ности. Перед его глазами в фосфоресцирующей мгле предстали два похожих друг на друга как две капли воды юноши!

Невольно слова на древнем, давно, казалось, забытом валузийском наречии вырвались из его пересохшей гортани. В первое мгновение Цеенор-Зера ничего не понял, не мог осознать, что произошло. Но тут же он расценил это как подарок, приготовленный ему небесами. Небеса приготовили ему кровавое пиршество, решил Владыка Скипетра, и двинулся к своим жертвам, чтобы кровью их сердец напоить алчущий Красный Хрусталь.

Но через мгновение яркий свет внезапно озарил его Сокровищницу! В этом священном месте никогда не появлялся чужеземец, и когда Цеенор-Зера обернулся, стискивая морщинистые веки от ужасающе яркого света, то увидел перед собой двух людей с факелами.

Небольшого роста старик не привлек его внимания, но молодой гигант с распущенными по плечам густыми черными волосами был... без всякого сомнения, он был атлантом! Ненависть вспыхнула в груди Цеенор-Зера, все перемешалось в его сознании, и он мысленно перенесся на четыре тысячи лет назад, в дни ужасных потрясений, когда орды таких же черноволосых гигантов с голубыми глазами безжалостно разоряли его страну.

В свете факелов что-то сверкнуло, и Цеенор-Зера заметил в руке атланта небольшой меч. Вот кто станет его последней жертвой, возликовал валузиец и взмахнул рукой, оканчивающейся смертоносной перепонкой.

Никто еще не мог избежать его удара, но гигант легко уклонился и сам нанес ответный...

* * *

Этот демон, грудь которого явственно светилась изнутри рубиновым светом, с первого взгляда напомнил Конану змеелюдей, охранявших замок мага Аманара в Кезанкийских горах. Довольно давно пришлось ему с ними повстречаться, с тех пор прошло уже не менее двадцати лет, но киммериец сразу вспомнил о племени с'тарра, чьи чешуйчатые пальцы так ловко управлялись с оружием.

Никакого оружия в руках у этого человека-змеи варвар не заметил. Конан не сразу понял, что сами руки странного создания могут нести смерть. Только тогда, когда ему удалось увернуться от удара и острое руки чудища свистнуло около самой груди, киммериец понял всю опасность подобных выпадов.

В зале, заваленной золотыми украшениями, было слишком мало пространства для боя. В любой момент острое забарского кинжала могло зацепить Астриса или кого-нибудь из близнецов, поэтому варвар едва уловимым маневром уклонился и выманил демона в коридор. Здесь было достаточно места, чтобы прикончить чешуйчатого монстра.

* * *

Факельная процессия во главе с теннетором Храма Небесного Льва и правителем Херриды уже совершила под пение гимнов обход вокруг храма.

Благочестивый Оровез из Междуречья шествовал рядом с герцогом Фредегаром и нараспев читал слова благодарственных молитв, дабы обеспечить для светлейшего герцога покровительство Митры на всем пути и на всех дорогах.

Они приблизились к боковым вратам, и передняя часть процессии, состоящая из жрецов, поющих гимны, уже начала возвращаться в залу храма, как неожиданно раздались крики жриц, замыкающих шествие.

— Демоны! Демоны! — истошно вопили они, и герцог, погруженный в свои раздумья, не сразу смог понять, что происходит.

Но уже через мгновение его острый взгляд опытного воина смог различить картину схватки — два сражающихся вели смертельный бой недалеко от святыни!

— Тубал, советник мой! — грозно приказал Фредегар. — Пусть охрана прекратит это! Связать мерзавцев! Я буду судить их за осквернение святыни!

Пять вооруженных гвардейцев сразу ринулись от храма по направлению к дерущимся. Это были лучшие бойцы, отборные воины. Но стоило только первому подбежать к одному из участвующих в схватке, высокому, странно узкоголовому мужчине, как он зашатался и рухнул наземь. Фредегару было неясно видно из-за зарослей, до него доносились только крики, тяжелое дыхание, скрип гравия под ногами, и, как воин, он не смог остаться на месте. Обнажив свой короткий меч, герцог сбежал по ступеням террасы и в сопровождении свиты направился в сторону кладбища.

Ужасная картина открылась ему в свете факелов. Все пять гвардейцев, отправленных по его приказу, лежали на земле, и кровь бурными потоками выливалась из их безжизненных тел. А между тем схватка продолжалась.

— Что это? — вскричал герцог, когда разобрал, кто именно ведет бой.

* * *

Конан давно не встречал такого противника. Сам он едва мог уклоняться от ударов его ужасных рук, а чешуйчатолицый словно за мгновение угадывал, как именно нанесет удар киммериец. Они дрались сначала в подземном дворце, но вскоре варвар понял, что там, под землей, монстр имеет большее преимущество, поэтому постарался выманить его наружу.

Но и на земле, при лунном свете, одолеть демона оказалось непростым делом. Силы Конана были на исходе, и если бы не подбежавшие гвардейцы, он вполне мог бы пропустить один из жутких ударов.

Благодаря им киммериец получил небольшую передышку, но он ужаснулся, увидев, с какой легкостью расправился чешуйчатолицый с бойцами. Никто из них не ожидал такого напора, поэтому каждый удар оказался смертельным.

К месту сражения подбегали все новые люди, но варвар не замечал этого. Пот пеленой застилал ему глаза, и он стал бояться, что в один момент рука сможет отказать ему. Резко ударив и в очередной раз пронзив пустоту, Конан быстро вер-

нул руку назад и случайно задел кулаком по своей груди.

Он почувствовал ощутимую боль и внезапно вспомнил об амулете, уже выручившем его однажды. Левая рука киммерийца рванула суровую ткань, и пальцы нащупали округлый желудь.

Издав шипение, чешуйчатолицый демон в очередной раз сделал выпад, но на этот раз варвар за мгновение точно знал, что сделает его враг. Он легко уклонился и, не думая, мощно взмахнул кинжалом.

Острые полоснуло грудь монстра, и внезапно сразу стало светлее, потому что из рассеченной раны хлынули потоки яркого рубинового света. Grimаса непомерной муки исказила лицо человека-змеи, его губы что-то прошептали, и он рухнул на траву. Все подбежавшие от храма замерли в оцепенении.

— Взять под стражу Ночного Губителя! — прогремел голос герцога, и встряхнувшиеся гвардейцы ринулись к Конану.

— Стойте! — громко закричал появившийся из-за могил Астрис. — Стойте, заклинаю вас! Ночной Губитель лежит на земле! Поверженный и есть страшный убийца!

Гвардейцы, нацелившие уже свое оружие на киммерийца, снова вставшего в боевую стойку, невольно остановились. В этот момент из-за фигур, стоящих вокруг, внезапно показался Оровез из Междуречья. Глаза его горели безумным огнем, он точно не видел ничего, кроме лежащего на поляне чешуйчатого тела.

— Сокровище Валузии! — вскричал он, глядя на светящуюся грудь, рассеченную клинком Конана.

Никто не успел ничего подумать, как теннетор Храма Небесного Льва бросился к неподвижному телу, и пальцы его погрузились во внутренности человека-змеи. В следующий момент страшный крик пронзил окрестности храма. Тело теннетора сотрясла крупная дрожь, лоб его залили потоки пота, а сам он неожиданно стал... ощутимо уменьшаться в росте!

— О, боги... — прошептал даже герцог Фредегар, немало повидавший на своем веку.

Тело Оровеза скручивалось и сворачивалось вокруг светящегося камня, из его горла раздавался натужный страшный хрип.

* * *

Цветочные часы в храме показали Час Каттлеи, и только тогда, на излете ночи, Астрис закончил свой рассказ герцогу Фредегару. Он еще раз поведал правителю правду о Ночном Губителе, о Томе-зиусе и Унольфе, убитых Оровезом и его чернокожим слугой, поскольку Оровез искал золото Валузии и охотился за старинными манускриптами. Именно теннетор изготовил точно такие же следы, какие обнаружил у тела Адальджизы, и специально оставил их у безжизненного тела Унольфа.

— Клянусь всеми дорогами Междуречья, я всегда знал, что ты отличный воин и честный человек! — сказал Фредегар, хлопая по могучему пле-

чу киммерийца.— Хорошо, что мне не пришлось говорить это твоей голове, снятой с Позорного Шеста...

Под утро герцог отбыл со свитой во дворец.

— Теперь мы можем подумать о валузийском золоте,— с лукавой улыбкой заметил Астрис, обнимая за плечи все еще бледных близнецов.— Мы отдадим все герцогу, но даже если он дарует нам четвертую часть сокровищ, каждый из нас станет богачом. Ты, например, перестанешь скитаться и построишь себе дворец. Ты хочешь иметь собственный дворец, Конан из Киммерии?

Варвар устало провел ладонью по лицу, взглянул, как утреннее солнце начинает золотить листву, и посмотрел в сторону порта, туда, где сейчас плескалось лазурное море.

— Хочу ли я дворец? — спросил он задумчиво.— Конечно, хочу. Я даже знаю, как он будет выглядеть: это будет отлично просмоленный крепкогрудый дворец с деревянной тигрицей на носу... Я уже вижу, как мой дворец будет бороздить волны, и свежий ветер наполнит его тугие паруса!

СОДЕРЖАНИЕ

Кристина Стайл
НЕПОБЕДИМЫЙ

Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	41
Глава четвертая	53

Джордж Брейген
КЛЕЙМО ЗМЕЯ

Глава первая	83
Глава вторая	109
Глава третья	255
Глава четвертая	317

Литературно-художественное издание

КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художники *Кирилл Рожков,*
Владислав Асадуллин
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Корнея Дамаскинского,*
Владимира Сергеева
Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.09.98.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 11 000 экз. Заказ 628.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@infoopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

«САГА О КОНАНЕ»

по адресу:
**197046 Санкт-Петербург,
а/я 771**

или по электронной почте:
sevzap@infoopro.spb.su

«Северо-Запад»®

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч кодуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого
24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии

•Северо-Запад®

26. Конан и Рыжий Ястреб
27. Конан и пленники бездны
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних
45. Конан и пророк Тьмы
46. Конан и гнев Сета
47. Конан и Храм Ночи
48. Конан и король воров
49. Конан и подземный огонь
50. Конан и мятеж четырех
51. Конан и клеймо Змея
52. Конан и Хозяин Океана

•Северо-Запад®

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

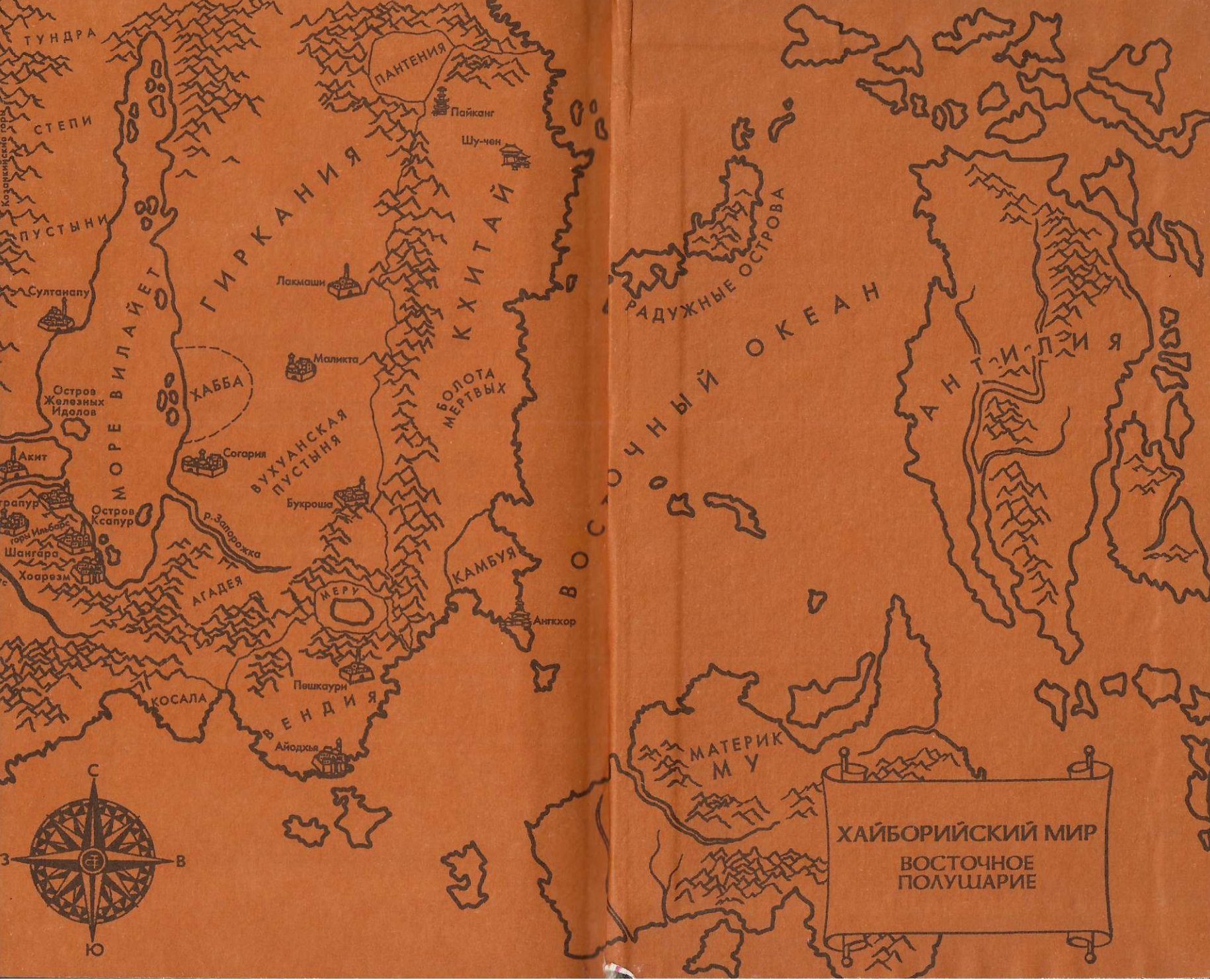
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ТУНДРА
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
ХАББА
Остров Железных Идолов
АКИТ
Остров Ксапур
Остров Илбар
Шангара
Хоарезм
АГАДЕЯ
КОСАЛА
ВЕНДИЯ
Айодхья
Пешкаури
МЕРУ
Букроша
ВУХУАНСКАЯ ПУСТЫНЯ
СОГАРИЯ
МАЛИКТА
ЛАКМАШИ
БОЛОТА МЕРТВЫХ
КАМБУЯ
АНГХОР
ПАНТЕНИЯ
ПАЙКАНГ
ШУ-ЧЕН
РАДУЖНЫЕ ОСТРОВА
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН
АНТИЛИЯ
МАТЕРИК МУ

ХАЙБОРИЙСКИЙ МИР
ВОСТОЧНОЕ ПОЛУШАРИЕ

ISBN 5-87365-061-6

9 785873 65061 3